

Воскресенье 20 октября

футбольные матчи.

Въ 1 часъ

Новогиреево—0

3 часа дня

ОРНДЯ

Л. ГОРЯНОВ

КОЛУМБЫ МОСКОВСКОГО ФУТБОЛА

го октября.

ИТСЯ

Футбольный Матчъ

МОСКВА. — ТВЕРЬ

Унионъ)

(Морозовскі)

Начало въ 4 часа.

Московскій

Клубъ Спорта

„УНИОНЪ“

(Екатерининскій и Самарскій пер.)

Московская футбольная лига

На поляхъ

ЗАМОСКВОРЪЦКАГО КЛУБА СПОРТА

Большая Калужская, 67. Трамвай
№ 18, 10, 11 и Б.

Л.ГОРЯНОВ

**КОЛУМБЫ
МОСКОВСКОГО
ФУТБОЛА**

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1983

75.578
Г70

Г $\frac{4202000000-168}{M172(03)-83}$ 73-83

ББК 75.578
7А8.5

© Издательство «Московский рабочий», 1983 г.

ОТ АВТОРА

За то время, что живет в нашей стране футбол, очень многое в нем переменялось. Совершенствовались правила, уходили одни фавориты и появлялись другие, различный облик принимали мяч и форма игроков, исчезали одни клубы и рождались новые. Но неизменным оставалось и остается безудержное стремление людей к этой игре.

Точно установить, когда и как начался футбол в столице, чрезвычайно трудно. В период занесения этой игры на московскую почву не существовало здесь ни сколько-нибудь организованных обществ, ни вообще правильной постановки футбола, а потому не было никаких записей, календарей и протоколов, этих надежных ориентиров историографов.

Тем не менее с полной достоверностью установлено: в 1895 году по полю известного в ту пору завода Гоппера уже летал футбольный мяч и мелькали разноцветные рубашки членов московской английской колонии.

Говорят, что одна ласточка еще не делает весны, но эти ласточки, носившиеся по первому футбольному полю, сделали весну – весну жизни московского футбола.

Много воды утекло с той поры. Знаменитые статистики, известнейшие историографы спорта собрали многочисленные сведения о том, как приживалась, развивалась и расцветала эта игра в нашем городе. Известно имя зародившегося в 1896 году первого русского кружка футболистов – «Сокольники», или «Ширяево поле», а также возникшего в 1905 году первого официально зарегистрированного футбольного Сокольнического клуба спорта (СКС). Мы знаем даты первых междугородных встреч, которые провела сборная Москвы, и можем ознакомиться с таблицами, всех

официальных состязаний, определявших лучшую команду города, начиная с 1910 года.

Все это так. Но футбол – это не только очки и голы, не только романтические названия команд и цвета украшающих их флагов. Футбол – это прежде всего люди, живые творцы всего поистине неповторимого и прекрасного, что происходит на зеленых полях.

Повторяю, история нашего спорта прекрасна вообще. История московского спорта – особенно. Но она, к сожалению, пока еще недостаточно известна широким массам читателей, ее мало исследуют.

На протяжении многих лет автор этих строк по мере своих сил и возможностей работает над тем, чтобы ликвидировать данный пробел. Мне довелось познакомиться с рядом московских семей, сыгравших, не побоюсь сказать, выдающуюся роль в зарождении, становлении и развитии нашего футбола. О них – предлагаемый вниманию читателей рассказ.

Хочу подчеркнуть, что эта работа ни в коей мере не претендует на законченное, очерченное четкими временными рамками исследование. Но надеюсь: сквозь судьбы отдельных людей можно будет увидеть многое интересное, происходившее на заре московского футбола.

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В АНГЛИЙСКОМ КЛУБЕ

Вот уже более двадцати лет моя журналистская работа неразрывно связана с журналом «Спортивная жизнь России». И нет ничего удивительного в том, что именно в стенах его редакции сделаны многие интересные открытия, произошли встречи с людьми, которые помогли мне увидеть новые, доселе совсем неизвестные страницы отечественного спорта.

Расскажу о случае, который все мы, работники журнала, в свое время остро переживали и который, в конце концов, привел меня к человеку интереснейшей спортивной судьбы.

В начале 1968 года, в канун семидесятилетия русского футбола, редакция пригласила на встречу ветеранов этой игры, тех, кто был ее пионером у нас в стране. На призыв откликнулись многие, приехало несколько десятков человек.

Председателем этого необычного, волнующего собрания мы единодушно решили назначить представителя самой знаменитой футбольной династии Василия Павловича Бутусова.

– Как первого капитана нашей первой олимпийской команды и старейшего футболиста России, – объявил я.

Бутусов попытался что-то возразить, но ритуал собрания уже был до деталей продуман, решение объявлено...

Встреча подходила к концу, когда Василий Павлович отвел меня в сторону и сказал, заметно волнуясь: – Понимаете, произошла досадная накладка. Старейший футболист здесь

вовсе не я. Здесь был Сысоев. Сам Сысоев. Валентин может обидеться...

– Какой Сысоев? – спросил я, недоумеваю.

– Как, вы не знаете Сысоева?! Да это же целая страница нашего футбола.

– Так где же он?

– Только что ушел. Устал, вероятно. Ведь ему уже за восемьдесят. Но вы обязательно познакомьтесь с ним. Не человек – легенда.

– Непременно познакомлюсь! – воскликнул я.

Вскоре были наведены необходимые адресные справки, и через неделю я уже был в доме на Спартаковской улице, где с 1887 года безвыездно жил Сысоев. Дверь открыл худощавый, собранный мужчина. Живые глаза смотрели приветливо и с откровенным любопытством. На вид ему можно было дать лет шестьдесят, не больше.

– Можно пройти к Сысоеву?

Мужчина весело, даже озорно улыбнулся и, взяв меня под руку, любезно провел по коридору в просторную, залитую ярким солнечным светом комнату.

– Валентин Сысоев живет здесь, – сказал он нарочито медленно. – Это я и есть.

– Вы? – искренне и, вероятно, совсем нехстати удивился я. Идя на встречу с ветераном футбола, которому уже пошел девятый десяток лет, я, естественно, ожидал увидеть несколько иного человека. Ведь время не щадит никого.

– Вы тот самый Сысоев, который играл за сборную Москвы и России на заре века?

– Совершенно верно, – последовал ответ. – Тот самый. А что, собственно, вас привело в замешательство? Не похож? Или вы думали, что я уже старая развалина и не могу без посторонней помощи слезть с печки?

Ему тогда, вероятно, было весело, интересно видеть мою растерянность, мое недоумение, в то же время доставляло

удовольствие чувствовать, что выглядит куда моложе своих лет, что он по-прежнему бодр, здоров и может вести себя на равных с любым. Он хлопотал возле буфета, сутился, доставал и клал на стол один альбом за другим, находил старые газеты и журналы, которые я, по его словам, обязательно должен прочесть.

В комнате мы были не одни: у стола крутилась, повизгивая, отменная породистая собачка, у которой шея и грудь были закрыты большими медалями. Хозяин то и дело трогал ее по аккуратно разглаженной спинке и приговаривал:

– Не волнуйся, Галька, скоро мы с тобой гулять пойдем. Скоро... – Мне он сказал: – Не примите эту собачку за чудачество бездельника-пенсионера. Да, я люблю животных, но Галька для меня гораздо больше, чем атрибут быта. Она мой тренер. Понимаете, и сейчас я очень люблю и еще могу побегать. Но делать это в моем возрасте одному небезопасно. Вон ведь и вы удивляетесь. А другие и вовсе за ненормального примут.

Я сделал движение, желая как-то сгладить впечатление, которое произвел в первые минуты знакомства, но Сысоев не остановился:

– Нет, давайте называть вещи своими именами. Хотя физкультура у нас все больше входит в быт, вид восьмидесятилетнего старика, бегущего трусцой по улицам центра, кой на кого, глядишь, и навеет мысль о неполадках с разумом. Вот я и не желаю дразнить людское воображение. Но тогда, значит, надо отказаться от любимого занятия?

Он смотрел на меня весело и лукаво, я на него – непонимающе. Валентин Васильевич чувствовал, что дал мне непосильную задачу, потирал от радости руки и, наконец, объяснил:

– Вот тут-то и приходит на помощь Галька. Выходим. Я отпускаю поводок свободно, Галька бежит, я за ней. Так мы продвигаемся по парку, что у нас на Разгуляе, километра два-

три. Круг пробежим, отдохнем и снова пускаемся трусцой. Вот так-то.

Я представил себе картину этих прогулок и улыбнулся: поистине счастлив человек, у которого такая старость. А потом в ходе нашей беседы, затянувшейся на весь день, я узнал многое о его не менее радостной молодости.

...Детство Вали Сысоева совпало с рождением нашего футбола. С этой игрой связаны его самые дорогие воспоминания, лучшие молодые годы.

В семье было семь детей: четыре брата и три сестры. Трое из братьев стали футболистами: Владимир, Валентин и Сергей.

Все началось в 1908 году на даче в Расторгуеве, где семья Сысоевых жила летом. Соседскому парнишке Виктору Кудинову знакомый англичанин подарил футбольный мяч. И в общих словах объяснил правила.

– Обязательно научись играть в эту игру, – сказал англичанин. – И товарищей своих тоже научи. Не пожалеете никогда об этом.

Как только Кудинов вышел с мячом на лужайку, к нему присоединились трое Сысоевых. Виктор объяснил правила, которые помнил приблизительно, и закипели сражения. Сначала играли два на два, потом к ним присоединились ребята с соседних дач и улиц. Игра пришлось всем по душе, носились по полю с утра до темноты. К концу лета в Расторгуеве уже насчитывалось несколько команд, составы которых, правда, менялись ежедневно. Появились свои знаменитости. И среди них неизменно первым был быстрый и ловкий, хорошо сложенный студент Валентин Сысоев. Шел ему тогда уже двадцать второй год, но играл он с детским азартом, неугомонностью, с какой-то даже жадностью.

– Что с тобой? – спрашивали родители. – Ты книги забросил, товарищей прежних забыл.

– Люблю футбол, – неизменно отвечал Валентин, –

люблю эту игру. Выдумали ее англичане, а по духу она наша, русская.

Зиму он тосковал, а весной дошел до юноши слух, что на Кузнецкой улице, в Замоскворечье, англичанин Бенц организует клуб спорта. Он так и был назван – Замоскворецкий клуб спорта (ЗКС).

Валентин Сысоев помнит, как пришел туда первый раз – попытать счастья. Хозяин, шестидесятилетний, сохранивший спортивный вид мужчина, осмотрел его критически.

– Играл когда-нибудь?

– Целый год играл.

– Приходи вечером, будем тебя пробовать.

На зеленой лужайке у завода Гоппера, где теперь расположен завод имени Владимира Ильича и высится памятник вождю, состоялась эта проба. Девять англичан во главе с Бенцем, изумившим Сысоева своей подвижностью и выносливостью, играли против девяти русских. У иностранцев было куда больше опыта, сноровки, они отлично знали друг друга и поэтому довольно легко расправились со своими соперниками. И все же счет не остался сухим: два гола влетели в ворота, которые защищал искусный мистер Джойс. Их забил Валентин Сысоев. После матча, когда в окружении мальчишек команда тут же, на поле, переодевалась, подошел Бенц. Он подозвал Сысоева и сказал, будто рублем одарил:

– Вы способный юноша. Вы будете играть в моем клубе.

К началу сезона команда была укомплектована. В нее вошли пять англичан и шесть русских – два брата Филатовых, Антонов, Лебедев, Николаев и Валентин Сысоев. Так родился ЗКС – футбольная дружина, которой впоследствии суждено было занять видное место в спортивной жизни Москвы и России. Придумали и изготовили специальную форму: рубашки двухцветные – половина черная, половина красная.

– Поле у нас было открытое, – вспоминал о первых днях

существования родного клуба Валентин Васильевич.– Собирались точно в назначенное время, а соперников выбирали, кого бог пошлет. Главное было для нас – играть как можно дольше. Не связанные никакими заданиями и обязательствами, мы каждый по-своему уделяли много времени совершенствованию техники, хотели отличиться друг перед другом и не жалели для этого сил.

Прошел еще год. ЗКС, имевший на своем счету уже несколько громких побед, справил новоселье – ему отвели участок на Большой Калужской улице, прямо против Нескучного сада. Правда, площадка была песчаной, неудобной для игры. Помогли родители одного из игроков – Элисоны. Люди с немалыми средствами, они покрыли площадку дерном, а впоследствии сделали ее одной из лучших в Москве: поставили вокруг забор, скамейки для зрителей, устроили раздевалки.

Хорошая материальная база, костяк умелых игроков, вошедших в клуб при его создании, способствовали укреплению и расширению ЗКС. В клубе в течение одного только сезона было организовано пять команд, дружных и примерно равных по силе. В первой играл Валентин Сысоев, во второй – его брат Владимир, в третьей – самый младший, Сергей.

Валентин Васильевич вспоминал:

– Каждый вечер после работы мы собирались на тренировку. Собственно говоря, это были обыкновенные двусторонние игры – то со своими же партнерами по клубу, то с нагрянувшими откуда-нибудь гостями. Так проходили два первых летних месяца. А с первого воскресенья августа и до середины ноября была страдная пора – соревнования на Кубок Фульда, которые фактически являлись чемпионатом столицы. Конечно, не было тогда еще никаких тренеров. Учились технике у англичан, тактику нащупывали сами. Соперников своих видели только в дни игр с ними. Форму покупали на

свои деньги, все поездки тоже за свой счет. Клуб давал нам поле, мяч да в перерыве официальных матчей (это благо появилось в одиннадцатом году) – чай с лимоном. Вот и все. Но для нас самым большим благом была сама игра, радость постоянной, ни на минуту не прекращающейся спортивной борьбы...

Замоскворецкий клуб спорта очень быстро выдвинулся в число ведущих футбольных коллективов города. Здесь выступало много игроков, входивших в сборную команду Москвы: Николаев, Житарев, Сысоев, Филатов, Воздвиженский, Никитин, два брата Романовых, Варенцов, Бабыкин.

Если бы можно было сегодня восстановить обстановку тех лет, если бы какой-нибудь кудесник помог нам вернуться на стадионы старой Москвы, мы непременно услышали бы, как несется с трибун (тогда их заменяло несколько рядов скамеек) восторженное:

– Bravo, Сысоев!

– Прекрасно, Сысоев!

Действительно, в ту пору этот человек пользовался широкой популярностью среди московских зрителей. И эта популярность, естественно, имела свое объяснение. Играя на месте правого полусреднего нападающего, Валентин Сысоев поражал всех не только своей довольно высокой по тем временам техникой, но и подкупающей агрессивностью, хорошей спортивной злостью, постоянной заряженностью на удар и необыкновенной результативностью.

Если посмотреть журнал «К спорту» за 1914 год, то среди многочисленных футбольных отчетов там можно встретить заметку под заглавием «Удивительный рекорд». В ней говорится, что форвард ЗКС Валентин Сысоев, выступая в официальных играх на первенство Московской лиги, установил редкое достижение: ни разу не ушел с поля, не забив в ворота соперника хотя бы одного гола. Заметка

кончается словами приветствия в адрес рекордсмена и пожеланием ему и впредь действовать так же успешно на благо своего клуба.

О мастерстве Валентина, его боевитости свидетельствует и заметка в журнале «К спорту», бесхитростно озаглавленная «Унион» – ЗКС 3:4». Вот ее очень лаконичный текст:

«Вчера ЗКС играл против «Униона» на своем поле (как известно, первые команды по решению МФЛ играют только на трех полях – ЗКС, СКС и ОЛЛС¹); Первую половину хозяевам пришлось играть и против ветра, и против солнца. Сберегая, видно, силы ко второй половине, они нападали не особенно энергично, за что и поплатились: пропустили в свои ворота два гола.

После перерыва игра пошла интереснее и живее. Казалось, унионцы в первые сорок пять минут выложили все, что могли. Но не тут-то было: прошло совсем немного времени, и они провели еще один гол. Счет 3:0 оставался почти до самого конца, хотя ЗКС прилагал много старания. Никто уже не сомневался в исходе игры, когда за десять минут до окончания В. Сысоев прорвался и «размочил» счет. Потом случилось невероятное: в оставшиеся девять минут Сысоев, игра которого была вообще выше всяких похвал, провел еще три гола, и ЗКС выиграл 4:3. Публика, не в силах сдержать свой восторг, долго не прекращала оваций, а некоторые зрители даже выбежали на поле».

Со дня, когда был сыгран этот, ничего не решавший, в сущности, матч, прошло почти семьдесят лет. Но и сегодня не может не дрогнуть сердце истинного любителя спорта, услышавшего о подобном.

---

¹ Общество любителей лыжного спорта.

Помнится современникам Сысоева и другой матч. Он был сыгран раньше, 22 апреля 1911 года, в Москве, на площадке ЗКС, между хозяевами и вторым призером чемпионата Петербурга командой «Спорт». На нем присутствовало до тысячи человек, что по тем временам считалось цифрой внушительной.

Первая половина состязания прошла в исключительно напряженной борьбе. За три минуты до перерыва счет был 2:2, но затем последовал индивидуальный прорыв Сысоева, закончившийся редким по красоте голом – в «девятку», который Валентин забил с линии штрафной площадки. А после отдыха Валентин совершил футбольное чудо: провел один за другим в ворота соперников пять мячей, на что петербуржцы ответили только одним. В результате более чем убедительная победа хозяев, – 8:3.

В то далекое время еще не существовало спортивной статистики, берущей на учет все цифры и факты, которые, будучи собранными вместе, позволяют увидеть особенности каждого сезона, каждого коллектива и каждого игрока. Но кое-какие сведения все же дошли до наших дней. В личном архиве Валентина Васильевича я нашел несколько отпечатанных типографским способом страниц (нечто сходное с современными программками), на которых ЗКС подводил итоги своих выступлений среди первых команд класса «А» на Кубок Фульда. Давайте рассмотрим их. Они позволят нам увидеть футбольную жизнь Москвы того времени.

1910 год. В турнире участвуют пять команд – КСО (морозовцы), СКС, ЗКС, КФС² и «Унион». Игры проводились в два круга. Этот первый официальный сезон начался 15 августа и продолжался чуть менее трех месяцев. Чемпионами

---

² Кружок футболистов «Сокольники».

стали морозовцы, имевшие отличную материальную базу и наиболее благоприятные по сравнению с другими условия для тренировки. Они одержали семь побед и потерпели лишь одно поражение, от занявшего второе место СКС – 2:6. Третьими были футболисты ЗКС.

– Игры первого чемпионата, – вспоминал Валентин Васильевич, – были, по нынешним понятиям, весьма примитивны. Никакой тактики практически не существовало. Линии были оторваны друг от друга. Оборону составляли два защитника, причем располагались они не фронтом, как сейчас, а друг за другом и соответственно назывались передний и задний. Далее шли три хава (полузащитника) и пять вытянутых в линию форвардов. В связи с таким построением очень часто осуществлялись индивидуальные проходы, длинные поперечные передачи на выход. Темп не очень ценился, поэтому многие мастера увлекались демонстрацией отдельных элементов техники, таких, как обводка, игра головой, бег с мячом, умение держать его в воздухе и многое другое.

Тем не менее популярность новой игры росла изо дня в день. Становилось ясно, что ей суждено стать массовым зрелищем. И еще. В организованную в июле 1910 года Московскую футбольную лигу не вошли представители расположенного в нашем городе Британского клуба спорта, имевшего ряд первоклассных команд. Таким образом, хотели того британцы или нет, они поставили москвичей перед необходимостью создавать футбол самобытный, национальный, сугубо российский.

И вскоре этот футбол выдвинул из своей среды многих виртуозов кожаного мяча. Одним из них несомненно был Валентин Сысоев, игравший все большую роль в родном клубе. В этом легко убедиться, ознакомившись с итогами следующего сезона – сезона 1911 года. Замоскворецкие футболисты (ЗКС) поднялись в нем еще на ступеньку выше,

отстав от морозовцев всего на два очка. Они выиграли шесть матчей, два свели вничью и только два проиграли при общем соотношении мячей 40:19. Большая часть забитых мячей пришлось на долю Сысоева. Конечно, форвардам было легче, свободнее, чем сегодня. Но ведь «легко» было всем, а забивали Сысоев и ему подобные – подлинные виртуозы мяча своего времени. С гордостью вспоминал во время наших бесед Валентин Васильевич, что не было ни одной календарной игры на первенство Москвы, в которой бы – вот вам неповторимый рекорд нашего футбола! – он не забил хотя бы одного гола. Если случалось, что команда проводила всего один мяч в ворота соперников, то это делал именно Валентин Сысоев.

Все интереснее и разнообразнее становилась спортивная жизнь. Вот передо мной первый номер журнала «К спорту», вышедший 3 декабря 1911 года. В нем сделано очень любопытное признание: «Из всех видов спорта у нас в Москве в настоящее время самым распространенным является футбол. Еще три-четыре года назад футболистов насчитывалось всего несколько десятков, теперь число играющих, наверное, превышает тысячу. Также возросло и количество зрителей, посещающих состязания».

Приближались очередные Олимпийские игры, которые должны были состояться в Стокгольме. Это обстоятельство пробудило к жизни новые силы. Был создан Всероссийский футбольный союз. 1912 год принес много впечатлений от интересных спортивных событий. Москвичи увидели у себя финских, венгерских, немецких футболистов. В этом же году часть московских мастеров кожаного мяча вошла в состав олимпийской сборной России.

В Стокгольме наша команда успеха не добилась. В первом туре она уступила со счетом 1:2 финнам, а в «утешительном» была разгромлена Германией – 0:16.

Тяжелое поражение послужило горьким уроком нашим

футболистам.

– Мы все поняли, что предстоит еще очень много учиться, – говорил мне Валентин Васильевич. Потом он достал толстую, исписанную мелким, аккуратным почерком тетрадь. – Это мой дневник, который я старательно вел в пору своей спортивной молодости. Пожалуйста; полюбопытствуйте.

Я взял тетрадь, раскрыл. Под отметкой «август, 1912 год» были выведены следующие слова: «Я верю в неиссякаемую силу русского человека, в мой талантливый народ и уверен, что настанет время, когда наш футбол завоюет себе вселенскую славу».

Во имя этого старался, изо дня в день повышал свое мастерство Валентин Сысоев. Высокая техника, напористость, отличные физические данные, всегда сочетавшиеся с большой культурой игры, быстро сделали этого футболиста одним из популярнейших в стране. Единодушно был он избран в состав сборной Москвы, которая отправлялась на матч с петербуржцами для определения основного состава олимпийской сборной России. Но генерал (командир дивизии, в которой служил нижний чин Сысоев) на рапорте, где излагалась просьба предоставить краткосрочный отпуск Сысоеву для выступления за команду родного города, написал: «Пусть в футбол играют те, кому делать нечего. А у солдата – служба». Этот же генерал помешал Валентину участвовать в поездке в Швецию и Норвегию летом 1914 года. Но у себя на родине Сысоев, как правило, выходил на зеленое поле защищать цвета сборных Москвы и страны.

1913 год. К нам в гости приехала национальная команда Норвегии. 14 сентября она встречается со сборной России. Вот короткий отчет об этом состязании:

«Сразу игра начинается жаркая, изобилующая многими интересными моментами. Сперва нападает Россия и частенько обстреливает норвежские ворота. Однако голкипер Амодт на высоте своего призвания и не только хорошо берет «шуты»

издалека, но и работает удачно в толкучке. В середине первой половины интересный момент: Денисов хорошим пасом посылает мяч в центр. Жихарев с ходу бьет по нему в пяти шагах от гола. Однако Амофт отбивает этот, казалось бы, неминуемый гол.

На тридцать второй минуте правый инсайд норвежцев прекрасным ударом забивает издалека сбоку мяч в ворота команды России. Однако русским удается сквитаться, используя штрафной удар. Бил Сысоев, и мяч, задев бека Берхольма, прошел в ворота иностранных гостей...»

Уже много лет спустя, после Великой Отечественной войны, один из участников этого поединка, знаменитый Житарев, рассказывал:

– В том состязании Валентин Сысоев, как и всегда, был неумолим. Помню, во время перерыва мы, форварды, разводили руками, сетовали, что у норвежцев непробиваемый голкипер. Говорили: «Такому не забьешь». А Валя нас всех уверял: «Нет, забьем. Обязательно!» И сам же это доказал. Его удар был исключительным по силе. Такие не берутся...

В 1913 году журнал «К спорту» провел среди читателей, специалистов футбола, руководителей клубов анкету, в которой просил каждого назвать свой состав «символической» сборной Москвы. Результаты этого своеобразного референдума были изучены и опубликованы. Выяснилось, что среди «избранных» Валентин Сысоев стоял на втором месте по числу голосов. В сообщении об этом говорилось: «Гроза голкиперов Сысоев со своей головой украсит истинно сильнейшую команду Москвы».

По-видимому, тут следует объяснить выражение «со своей головой». Оно имело двойной смысл. Во-первых, по тем временам, и об этом неоднократно свидетельствовали современники, он считался непревзойденным тактиком. Конечно, не случайной была высокая, прямо-таки феноменальная его результативность: он умел, как мы сейчас

говорим, хорошо открываться, выбирать место, интересно и всегда выгодно «предлагал себя партнерам. В то же время и его передачи оказывались очень острыми, продуманными, он часто бывал фактически соавтором забитого гола. Ну а во-вторых, в его техническом арсенале игра головой, в прямом смысле, занимала достойное место, и именно ударом головой во время борьбы на штрафной площадке он часто решал исход матча в пользу своей команды.

В 1914 году Валентин Сысоев, которому тогда исполнилось 27 лет, ушел на фронт и как игрок уже навсегда распрощался с футболом.

В тот жаркий июльский день он в составе своей команды ЗКС вышел на поле против «Униона». Это был очередной матч на первенство Москвы, и Валентин не думал, что для него он станет лебединой песней. Сражался с увлечением, задором, завидной спортивной злостью. Уже в самом начале состязания он с дистанции двадцать пять метров послал мяч в сетку чужих ворот, мяч, который потом обозреватель назвал «голом, вызывающим восхищение и настоящую эстетическую радость». А когда прозвучал финальный свисток, друзья по команде горячо поздравили Сысоева с очередным успехом: счет был 6:2 в их пользу, и из шести голов пять пришлось на долю Сысоева. «Он, бесспорно, выдающийся форвард», – говорилось о нашем герое в одном газетном отчете о матче. Да, он был действительно выдающимся мастером атаки своего времени и пусть останется таким в памяти не только своих современников, но и потомков, всех, кто любил, любит и будет любить футбол.

Итак, июльский матч против «Униона» оказался для Сысоева последним в жизни – началась война, а потом уже сказался возраст. Но фамилия Сысоевых продолжала звучать на футбольных полях. Старшего брата заменил в спортивном строю младший – Сергей. Он, правда, поменял амплуа, стал защитником, но в мастерстве в какой-то мере поддержал славу

брата. До 1928 года он неизменно входил в сборную Москвы и много раз принимал участие в междугородных и международных матчах.

«У наших друзей из сборной Москвы, – писал после очередного матча между футболистами двух столиц Михаил Бутусов, – я очень хочу выделить защитника Сергея Сысоева. Быстрый, энергичный, отчаянно смелый, он разрушал многие комбинации, начатые нами. При этом мы все с особой благодарностью отмечаем, что, не давая спуску чужим форвардам, он никогда не переходит рубежей корректности, спортивной честности...»

Интересно отметить, что, долгие годы по праву считаясь одним из лучших защитников Москвы, Сергей в своем ЗКС иногда выступал за вторую команду, так как в первой действовала годами наигранная, слаженная оборонительная пара: Рушинский (задний бек) и Петр Попов. Некоторые руководители команд, мечтавшие приобрести такого мастера, пытались, используя это обстоятельство, вызвать у Сергея обиду.

– Для меня честь моего клуба, имя моего клуба дороже всего, – отвечал он. – А где поставят играть – это не столь уж важно.

Так и выступал неизменно во второй клубной команде. Тем не менее его высокое индивидуальное мастерство заметили, и в течение десяти лет он входил в сборную столицы.

В 1914 году Сергей впервые в составе первой команды завоевал звание чемпиона Москвы и потом повторял этот успех не раз.

Спортсмены старшего поколения, те, кому довелось узнать. Сергея Сысоева лично, вспоминали не только его игровую стремительность, отменную технику, но и такие замечательные качества, как уважительность к людям, высокая общая культура, энтузиазм.

Еще продолжая выступать на зеленых полях как игрок ЗКС и сборной, Сергей Васильевич начал вести большую педагогическую работу. Его, например, можно по праву назвать одним из отцов советского баскетбола. В начале двадцатых годов в Москве об этой игре знали очень мало. Сергей Васильевич сделал сам и совместно с товарищами несколько переводов книг по методике тренировки и правилам игры. Ему принадлежит и множество других печатных трудов, в том числе по теории и практике футбола.

Года три назад я разговорился с профессором Владимиром Михайловичем Дьячковым, нашим знаменитым «высотником», заслуженным тренером страны. Как всегда бывает при встречах, мы начали делиться творческими планами, тем, чем жили в тот момент. Я сказал, что заканчиваю книгу о футбольных фамилиях, назвал среди своих будущих героев и Сысовых.

– Сергея Васильевича я знал отлично! – воскликнул Дьячков. – Он был одним из моих первых педагогов в институте физкультуры. Хорошая память сохранилась о нем.

Хорошая память! Имя Сергея Сысова помнят сотни, а может быть, и тысячи нынешних тренеров, преподавателей, руководителей спортивных коллективов, организаторов советского физкультурного движения, которым он передал свою горячую любовь к спорту и дал путевку в жизнь, указал путь, по которому надо идти.

В начале тридцатых годов, когда весь народ был охвачен пафосом созидания, когда к напряженной творческой жизни потянулись люди в самых отдаленных уголках нашей страны, Сергей Васильевич по велению сердца оставил родную Москву и поехал в Таджикистан.

– В столице и без меня специалистов много, – говорил он провожающим на вокзале, – а там целина. Хочу работать там, где мои знания нужнее всего.

Приехав на место, он живо принялся за дело,

организовал первую в республике детскую футбольную школу, с энтузиазмом учил ребят прекрасной игре, которой они с братом посвятили свою жизнь. И я очень хочу, чтобы те, кто сегодня восторгается нашей сборной, болеет за «Спартак» или «Динамо», «Торпедо» или ЦСКА, знали и любили простую русскую фамилию – Сысоевы, вошедшую в летопись нашего футбола.

ДВЕ ПЛАМЕННЫЕ СТРАСТИ

Этого человека я знал на протяжении многих лет, мы были добрыми знакомыми, товарищами по профессии. Случалось, мы часами засиживались в редакции, спорили по поводу уже опубликованных статей, намечали темы для будущих, подбирали для них авторов.

Известно было об этом человеке и то, что в дни своей юности он дружил со многими знаменитыми русскими богатырями, что трудно найти у нас в стране другого такого человека, который бы так глубоко знал историю тяжелоатлетического спорта. Наконец, мы уважали этого человека за то, что он воспитал своего сына выдающимся волейболистом, игроком ЦСКА и сборной команды Советского Союза, открывшей в далеком Токио список олимпийских чемпионов по этому виду спорта.

Вы, конечно, уже догадались, дорогой читатель, что речь идет о Борисе Михайловиче Чеснокове. Если вы любите спорт, если регулярно читали спортивные газеты и журналы, то непременно видели эту фамилию. Она стояла под очерками об Иване Поддубном и Георге Гаккеншмидте, Иване Заикине и Иване Лебедеве, докторе Краевском и многих других людях,

вознесших своими успехами спортивную славу Родины.

– Хороший знаток истории,– говорили мы в своем кругу о Борисе Михайловиче, не задумываясь над тем, что сам он – часть этой истории, ее пионер, если хотите, герой.

Но все это, может быть, и осталось бы для меня (и для многих других) вечной тайной, если бы не счастливый случай.

Однажды, когда шло очередное заседание нашего клуба интересных встреч, в котором приняли участие многие известные в прошлом футболисты, зашел разговор о тех, кто дал путевку в жизнь этим прекрасным мастерам, кто заразил их жадой игры, любовью к ней.

– Моим футбольным учителем был Борис Михайлович Чесноков,– сказал знаменитый Павел Александрович Канунников.

– И моим тоже,– подтвердил Петр Тимофеевич Артемьев.

– И моим,– раздавалось со всех сторон.

Я не верил своим ушам. До последнего мгновения думал, что речь идет о ком-то другом, об однофамильце и тезке моего знакомого. И, когда собрание закончилось, когда гости стали расходиться, я подошел к одному из них, чтобы разрешить свои сомнения.

– Да, да,– улыбнулся мой собеседник,– речь идет именно о вашем авторе. Сейчас уже многие позабыли, что было сделано им. А вы пошевелите историю, поройтесь в его биографии – такое узнаете...

Я послушался совета, стал «рыться», встречаться с очевидцами, ворошить старые подшивки и не пожалел об этом. Передо мной в новом свете, интересная и удивительная, встала еще одна жизнь, отданная спорту, людям. Передо мной прошла история еще одной семьи, неразрывно связанной с историей нашего футбола. О ней сейчас и пойдет речь.

У железнодорожного служащего Михаила Николаевича Чеснокова было четверо сыновей – Владимир, Борис, Иван, Сергей, и каждый из них имел свой родной город, город, где он родился. В этом не было ничего удивительного: судьба семьи транспортника бросала ее с одного места на другое.

Второй сын в семье, Борис, появился на свет в Павловском Посаде, заштатном, тихом, похожем на село городишке тогдашней Московской губернии. Когда ему исполнилось семь лет, семья переехала в Нижний Новгород: отец, начавший свою карьеру со станционного телеграфиста, дослужился до начальника перевалочной Бурнавской пристани.

Здесь Борис в один из первых зимних воскресных дней увидел неповторимую, на всю жизнь запавшую в память и сердце картину кулачных боев. Лед сковал великую реку, ослепительный снег покрыл ее берега. И вот выстроились с двух сторон две живые черные стенки и молча стали сходитьсь. И было в этом движении столько решимости и отваги, столько молодецкой удали, открытого благородства, столько невысказанной еще, рвущейся наружу силы, что у Бориса захватило дух, и он крепко прижался к отцу.

– Ну что, испугался? – спросил сына Михаил Николаевич.

– Нет.

– Ну хорошо, хорошо. Смотри, как наши сейчас ударят...

Михаил Николаевич, человек по природе своей удивительно мирный, всегда ходил смотреть кулачные бои. У него даже были свои любимцы, люди могучие, за которых он болел.

После Нижнего Новгорода – город Ковров. Здесь кулачные бои носили еще более ожесточенный характер:

городские сражались против Мызы – пригорода на другом берегу Клязьмы. На льду реки разыгрывались самые настоящие сражения.

Нижний и Ковров оставили в памяти ребенка яркие и волнующие картины, разожгли в его маленьком сердце великое пламя азарта, жажды деятельности, глубокое преклонение перед силой и ловкостью.

Прошло несколько месяцев, и снова смена декораций: на этот раз маленькая станция, точнее разъезд, – Новки. Он запомнился мальчишке тем, что ежедневно приходилось добираться до школы поездом, двадцать верст в один конец. И здесь впервые вошла в его жизнь физкультура. Нет, речь, конечно, идет не о каких-то плановых занятиях, уроках по расписанию – тогда об этом и не мечтали. Просто здесь очень любили исконно русские игры – лапту, городки и чижик. В летние каникулы мальчишки сражались с утра и до позднего вечера, никогда не уставая и лишь меняя для разнообразия одну игру на другую.

Страсть к лапте, пришедшая к Боре Чеснокову в Новках, выросла до фанатизма в подмосковном Бирюлеве. Он уже был владельцем целого склада черных плотных мячей для лапты, научился выделывать хорошие биты из сосновых и еловых кругляшей. Но главное – он научился играть так ловко, так искусно, что не было ему равных в местечке.

– Ну и маленький, – удивленно качали головой все, кому доводилось увидеть, как сноровисто действует Борис, как не отстают от него братья. Маленьким его окрестили за то, что он был невелик ростом. Это, впрочем, не мешало ему обыгрывать всех местных великанов.

В Бирюлеве одна против другой стояли две товарные конторы, одна от Курской дороги, другая от Павелецкой. После рабочего дня служащие, устав от долгого прозябания в помещении, охотно наблюдали за играми молодежи. А потом и сами начинали пробовать силу. Прошло немного времени, и

вот уже весь городок оказался охваченным городошной эпидемией, яростно и самозабвенно сражался в лапту: контора против конторы, линия (так здесь назывались улицы) против линии. Во всех состязаниях сборная Чесноковых выступала самостоятельно и неизменно одерживала победы. Что же касается Бориса, то о нем по всей округе говорили с восхищением:

– Ловкий бесенок! Ни за что не перехитришь.

Да, именно бесенком, всегда неугомным, непоседливым, любящим движение, сделали Бориса Чеснокова детские игры.

Вскоре он надел форму 4-й московской гимназии, помещавшейся у Покровских ворот. В этом городе спорт поворачивался к нему все новыми гранями: вместе с товарищами он на Чистых прудах точил на льду свои бегаша и пристраивался за бегущим легендарным Николаем Струнниковым, проводившим здесь свои тренировки.

– Бывало, подпустит нас на близкое расстояние, – рассказывал мне как-то Борис Михайлович, – а потом включит скорость – и только мы его, как говорится, и видели.

Потом пришло увлечение профессиональной борьбой. Собственно говоря, впервые Борис увидел борьбу еще в Бирюлеве. Там в бараках жили ремонтные рабочие, в подавляющем большинстве молодые ребята, и в свободное время они часто устраивали борцовские турниры. Борис с интересом следил за поединками.

И все-таки там, в Бирюлеве, мальчик видел любительские схватки, а здесь, в Москве, отец, вняв его настоятельным просьбам, взял Бориса в цирк, где все третье отделение было отведено встречам знаменитых чемпионов французской борьбы.

Цирковая арена. Гремит бравурный марш, показывают свое искусство эксцентрики, воздушные акробаты, клоуны, но Борис совершенно не реагирует на все это. Он ждет. И вот

наконец:

– Начинается парад-але!

Распахивается занавес, скрывающий от зрителей проход за кулисы, и на ярко освещенную арену один за другим выходят настоящие богатыри. Вот кумир Бориса– эlegantный красавец с мощным торсом Карл Микул, вот настоящий, со сверкающими белками глаз негр, которого объявляют «Том Сойер», вот гордость русского спорта, король гирь Петр Крылов, а вот непобедимый и неповторимый Александр Вильям Муор Знаменский... Гремит оркестр, гремят аплодисменты, и колотится от небывалого счастья и волнения восхищенное увиденным сердце гимназиста. Он не может усидеть на месте, вскакивает, перевешивается через барьер, и отец то и дело вынужден дергать его за рукав:

– Да сядь ты, пожалуйста, на место!...

Побывали в цирке и другие мальчишки. Нужно ли после этого говорить, что через недельку-другую началось в 4-й гимназии повальное увлечение борьбой. Особенно доставалось Борису: был он небольшого роста, щуплый на вид, и каждому хотелось проверить на нем свою ловкость и силу, каждый считал, что именно здесь-то гарантирована победа. Но «маленький» показывал такую стойкость, такую ловкость, что вскоре только самые отчаянные головы решались на поединки с ним. Поединки эти были острыми, и по вечерам мать со вздохами и причитаниями пришивала к форменному костюму новую серию пуговиц и тщетно старалась снять с него следы желтой краски, покрывавшей все коридоры гимназии.

Но назавтра все начиналось снова. Однажды в схватку с Борисом вступил его тезка – Шагурин, сын известного домовладельца, парень рослый, признанный силач, велосипедист и конькобежец. Казалось, исход поединка не мог вызывать сомнения, но Чесноков отчаянно сопротивлялся, и поединок, за которым наблюдала почти вся гимназия,

затягивался.

Зазвенел звонок, оповещавший о конце большой перемены. Толпа зрителей постепенно редела. Наконец, и самые увлеченные разбежались по классам – дисциплина в гимназии была жестокая. – Давай перерыв сделаем, – с трудом переводя дыхание, предложил «маленький».

Но Шагурин расვიрепел. Он усиливал натиск, желая во что бы то ни стало вернуться в класс победителем, отчаянно наступал, забыв о всякой осторожности. И тут, изловчившись, собрав все свои силы, Борис-маленький четко провел свой любимый прием тур-де-бра, и тело Бориса-большого гулко шлепнулось на пол коридора. Наступила тишина. Где-то уже был в разгаре урок по химии, до слуха доносились отдельные фразы: «аш два о», «натрий хлор»...

И вдруг над головой раздались хлопки, а потом, путая русский с французским, кто-то воскликнул:

– Брафо, брафо! Такой маленький, но все же побеждает... Колоссаль!

Ребята вскочили на ноги. Перед ними стоял гроза всей гимназии их педагог месье Жано. Он взял Чеснокова за руку, поднял ее, как это делали судьи в цирке, провозглашая победителя, и так ввел в класс.

С этого дня Борис Чесноков стал всеобщим героем, а уроки французского языка начинались его сообщением о том, как закончился очередной чемпионат в цирке (он туда продолжал ходить регулярно), кто кого и на какой минуте положил на лопатки.

Победа над Шагуриным, а потом еще несколько удачных выступлений в чемпионате гимназии окрылили Чеснокова, и однажды – это было уже в одном из последних классов – он пришел в знаменитую в ту пору атлетическую школу Дмитрия Маро. Люди, лишь смотреть на которых он когда-то почитал за счастье, стали его друзьями и партнерами. Чесноков боролся с чемпионом Российской олимпиады

Сергеем Осиповым, встречался и с другими прославленными богатырями, и все это давало ему истинное наслаждение. Но однажды, выступая против партнера, который был на полтора пуда тяжелее (поединок шел в присутствии кумира Москвы Сержа Маро, и это, конечно, раззадоривало участников встречи), Борис постарался провести свой любимый прием, потянул гиганта на себя, но неудачно упал на плечо. Острая боль пронзила тело... При осмотре врачом оказалось, что произошел разрыв связок.

Борис остался горячим поклонником борьбы, другом Сергея Маро и Ивана Заикина, продолжал ходить в кружок, где встречался с очень интересными людьми, тянувшимися, как и он, к спорту (здесь бывал Иван Григорьевич Мясоедов, сын знаменитого художника, и сам живописец, известный в то время бас, артист Большого театра Василий Родионович Петров), но с выступлениями на ковре пришлось расстаться навсегда.

– Отныне, батенька, это занятие не для вас, – сказал доктор.

– Что ж, у меня еще остается футбол, – улыбнулся Борис.

Теперь, рассказав читателю, как, начиная с детских лет, шаг за шагом, иногда даже не подозревая этого, втягивался Борис Чесноков в спортивную жизнь, становился спортсменом по духу, по зову сердца, перейду к описанию его футбольной биографии.

Но для того чтобы понять ее, чтобы лучше уяснить, что сделал этот маленький ростом, но большой по духу человек, необходимо совершить небольшое путешествие в прошлое, еще раз окунуться в атмосферу тех лет, когда в Москве рождался и заявлял о себе во весь голос его величество футбол.

Выше уже говорилось, что первые сведения о возникновении этой игры в нашем городе относятся к 1895

году. Они не вызывают сомнения, так как почерпнуты из газеты того времени, в которой напечатано было следующее: «...на зеленой площадке, что у завода Гоппера, англичане, работающие здесь, затеяли играть в футбол. Москвичи проявляют к этой новой для них забаве великий интерес. Смотреть, как гоняют мяч, собираются по двести – триста человек. Случается, что кто-либо из толпы присоединяется впоследствии к играющим...»

Сейчас сообщение о том, что кто-то где-то играет в футбол, естественно, не может вызвать ни у кого из нас ни тени удивления. Но те, первые, конечно, совершали необычное. Нужно вспомнить тогдашний уклад жизни, сильно отдававший патриархальностью, чтобы понять, что значило для усатых и бородатых мужчин выйти на люди в трусах и майках, гонять мяч, то есть делать то, что никогда и никто до них не делал. Пришлось этим пионерам пережить и насмешки, и освистывание со стороны невежд, и колкие нападки печати... Но что может остановить истинно влюбленных в дело людей!

Началось все с простой забавы членов московской английской колонии, решивших потешить себя любимой на их родине игрой. Но вскоре нашлись у нас люди, сумевшие разглядеть в непонятной на первый взгляд игре большое будущее, прекрасное средство физического воспитания. Мы бы проявили явную неблагодарность, не назвав имен Р. Ф. Фульда, избранного впоследствии председателем Московской футбольной лиги, а также его товарищей А. Я. Торнтон, братьев Ф. Л. и В. Л. Казалет, А. И. Вашке. Многие из них относились к верхушке общества, но проявили себя в области физической культуры передовыми людьми и сделали очень многое для развития отечественного спорта.

Именно по инициативе Романа Федоровича Фульда и его единомышленников уже в 1896 году была создана при Московском гигиеническом обществе «комиссия по

устройству подвижных игр». Вскоре по ее инициативе на Ширяевом поле в Сокольниках оборудовали по всем правилам футбольное поле, а затем комиссия содействовала постройке такого же поля в дачном местечке Быкове, куда на лето перекочевывала основная масса играющей молодежи – первой футбольной нашей гвардии.

Итак, поле у завода Гоппера, Ширяево поле и Быково – вот три исходные точки, три колыбели новорожденного спорта в Москве. Много в играх, возникавших здесь, носило еще, конечно, стихийный и примитивный характер, выглядело первобытно, но делу дан был ход.

Прошло первое десятилетие. За это незначительное с точки зрения истории время игра успела прочно укорениться в быту москвичей. Команды, которых становилось все больше и больше, стали играть по единым правилам, написанным впервые Фульдом и отпечатанным в 1904 году. А вот еще одно интересное свидетельство происходивших в ту пору перемен, написанное журналистом Д. Благоевым: «Футбол у нас привился, спору нет. Смотреть его стало куда интереснее. Господа, отдающие этому модному занятию свое время, поняли, что игра «толпой» как это было вначале, не приводит ни к каким результатам, что необходимы определенная тактика, костюм и форма».

Год спустя, в девятьсот пятом, произошло событие, исключительное по своей важности: Р. Фульд и его компаньон А. П. Мусси организовали первый в Москве футбольный клуб – Сокольнический клуб спорта и построили для него также первое в городе обнесенное забором футбольное поле со скамейками для зрителей. Уютный, расположенный в основном бору стадион существовал долгие десятилетия, был любимым владением московских армейцев. На нем выросло не одно поколение советских чемпионов и рекорсменов.

Говорят, лиха беда – начало. Через два года появился еще один клуб – КФС, за ним другие. И вот наконец

происходит событие, которое с полным основанием можно назвать историческим: был опубликован календарь игр и проведен первый официальный розыгрыш первенства Москвы, в котором приняли участие всего четыре клуба – БКС (Британский клуб спорта, куда входили англичане, проживавшие в Москве), СКС, морозовцы и «Унион».

Это событие, несмотря на его видимую сегодня примитивность, имело исторические последствия для московского футбола. Оно дало ему крылья, послужило толчком вперед, увлекающим примером. Один за другим организуются новые футбольные клубы – в Замоскворечье, у Петровского парка, на Пресне, в дачных пригородах... Вся эта масса команд, жаждущих борьбы, интересных встреч, требовала какого-то единого руководящего центра, штаба, который мог бы направлять все нарастающий спортивный поток по новому руслу. И вот 21 декабря 1909 года представители всех клубов собрались на учредительное совещание и провозгласили создание Московской футбольной лиги. Футбол в древней столице России получил свое стройное организационное здание и пошел вперед, все быстрее и увереннее. Начался розыгрыш Кубка Фульда (для первых команд класса «А»), Кубка Вашке (для вторых команд класса «А»), прошумели первые междугородные матчи, шла подготовка к созданию сборной команды России и посылке ее на Олимпийские игры 1912 года в Швецию, строились все новые площадки, русские фабриканты налаживали выпуск своего, отечественного, инвентаря. Газеты писали: «Футбол у нас становится модным. Теперь на площадках, где идет игра, нередко увидишь благородных господ».

Вот что это было за время, когда начинали свою футбольную карьеру братья Чесноковы.

Первым из их семьи с футболом познакомился Борис. В 4-й московской гимназии учились, кажется, на два класса старше, Леонид Смирнов и Марк Варенцов – ребята, уже

успевшие познакомиться с футболом и влюбиться в него. (Леонид Смирнов через два года стал игроком сборной Москвы, а затем и сборной России.) Часто до начала занятий и на переменах они выскакивали в гимназический двор, подбирали себе партнеров, соперников, и начинались сражения.

Так получилось, что Борис Чесноков несколько раз оказывался в одной команде со Смирновым: гимназические знаменитости брали его за малый рост и невзрачный вид – хотели показать, что выбирают себе в помощники самых что ни на есть слабых. Но Борис через две-три игры стал показывать такую прыть, что при распределении игроков по командам все стали требовать:

– Чеснокова нам!...

– Нет, нам давайте!...

Борис и в самом деле научился очень ловко обращаться с мячом, легко проскальзывал мимо защитников, очень хорошо видел партнеров, а главное – совсем не уставал.

– Неугомонный малыш, – говорили о нем товарищи.

– Из этого парня выйдет толк, – вторили им другие. Тому, что маленький Чесноков выдвинулся в число лучших среди сверстников с такой поразительной быстротой, в общем-то есть довольно простое объяснение. Среди учеников 4-й московской гимназии преобладали дети весьма состоятельных родителей, избалованные, изнеженные, совершенно не привыкшие к физическому труду, к движению. Одним словом, типичные маменькины сынки. На их фоне Борис, прошедший суровую школу детства, имевший в своем «активе» годы увлечения лаптой, городками, чижигом, выглядел настоящим крепышом. Вот почему именно ему Леонид Смирнов, которого Чесноков всегда считал своим первым учителем и тренером, сказал однажды:

– Приходи завтра в ботинках попрочнее, пойдем играть с другой гимназией.

Игра состоялась где-то на Басманной, в парке, которого уже давно нет в Москве. Она длилась часа два, и все это время Чесноков без устали носился по полю. Сначала соперники его демонстративно не замечали, но после того, как он забил подряд три гола, стали кричать:

– Смотрите за этим лилипутом!

«Лилипут» разозлился и провел в ворота соперников еще два гола.

На этом его выступление за сборную своей гимназии прекратилось: команда в то же лето распалась. Но любовь к новой игре не ушла из сердца. Наоборот, она все больше и больше захватывала его.

– Папа, купи мяч,-все чаще и чаще просил Борис. Наконец заветное желание исполнилось. И четыре брата, собравшись вместе, стали все свободное время проводить во дворе, отчаянно разбивая отцовский подарок. Потом к этой четверке присоединились другие гимназисты, мальчишки с соседних улиц, мастеровые из депо... Число игроков росло с непостижимой быстротой. Двор дома уже давно оказался для них тесным.

С позволения отца Борис решил провести настоящий, по всем правилам, матч на... погрузочном дворе станции, что входил во владения Михаила Николаевича. И вот на большом пространстве, мощенном булыжником, ограниченном с двух сторон пакгаузами, начался поединок одетых и «голых» (чтобы было легче различать соперников, игроки одной из команд сняли рубахи).

Где-то неподалеку свистели маневровые паровозы, лязгали буфера подававшихся под разгрузку платформ, но все это заглушали удары по летающему от ворот к воротам мячу, крики футболистов и зрителей.

Зрителей на беду набралось в тот раз слишком много: пришли конторские служащие, машинисты, грузчики. Отец Чесноковых тоже оставил свой кабинет и стоял, с

восхищением и гордостью наблюдая, как ловко и отчаянно действуют его мальчишки. И вдруг:

– Это что за безобразие?! Прошу всех разойтись по своим местам.

Надо же было так некстати нагрянуть на станцию управляющему! Последовало строгое распоряжение: «Футбол на товарном дворе немедленно прекратить. Он отвлекает». Пришлось искать новое пристанище. Сначала нашли неплохую лужайку неподалеку от Калитниковского кладбища, потом чуть ли не половину лета играли на широкой, тихой Александровской улице, на лугах, что раскинулись в треугольнике между линиями Нижегородской и Курской дорог.

Как только братья Чесноковы и созданные ими команды вышли из тесноты товарного двора на открытые площадки, как только начались здесь регулярные матчи, к ним потянулись десятки и сотни молодых людей, рабочие с близлежащего металлического завода Гужона.

В памяти очевидцев тех событий надолго сохранились многие детали футбольных схваток. Вот проезжают по своей трассе всегда в одно и то же время известные на всю округу водовозы братья Васильевы. Медленно тянет наполненную водой бочку старая, заморенная кляча, а с трех сторон окружают ее, словно почетный караул, три рослых парня. Они староверы и даже летом не снимают свои, поддевки, черные фуражки. У Калитниковского кладбища на зеленом раздолье по субботам и воскресеньям кипят футбольные страсти. Три брата сначала в страхе наблюдают за ними издали, через некоторое время они смелеют, подходят ближе. А однажды старший из них сказал Борису:

– Разрешите и нам попробовать.

С тех пор постоянно можно было наблюдать одну и ту же картину: стоит водовозка на лугу, спокойно пощипывает траву лошадка, а три брата, не снимая своих поддевок, носятся

по полю, гоняют мяч. И неплохо у них все это получается.

Игроков становилось все больше и больше; уже давно прошло время случайных встреч, сложились свои, постоянные, с прочными связями и традициями команды. Дело принимало настоящий размах, охватывало огромное число людей. И только одно оставалось неизменным: не было пристанища у этих команд, со дня рождения получивших название «диких». Вот и с лугов у Калитниковского кладбища прогнали власти по настоянию святых отцов: шутка ли, вечный покой неподалеку, церковь, а тут озорники мяч гонять вздумали.

У молодого читателя, естественно, может возникнуть вопрос: и чего ребята эти мучились, шли бы себе в официальные клубы Московской городской лиги, благо этих клубов становилось все больше. Но в том-то и дело, что для подавляющего большинства тех, кто присоединился на Рогожке к братьям Чесноковым, путь в привилегированные городские клубы был по существу закрыт. Там играли в основном студенты и гимназисты, дети состоятельных родителей. Членский взнос, например, в клуб «Вега» составлял в 1911 году 15 рублей – месячное жалованье среднеоплачиваемого рабочего. О каких же клубах могли мечтать рабочие парни!

Огромная заслуга семьи Чесноковых, и прежде всего самого азартного и неукротимого из них – Бориса, в том и состоит, что она отстаивала право «дикого» футбола на существование. Именно Чесноковым принадлежит замечательная заслуга утверждения в Москве подлинно народного, массового футбола. И эту заслугу нельзя забывать!

Были эти ребята неугомными: выгнали с Калитниковского кладбища – бросились искать новое место.

И вот наконец была снята у Удельного ведомства площадка в Аиненгофской роще. Часть средств за аренду поступила от копеечных сборов кружковцев, остальные деньги

добавил отец братьев Чесноковых: Михаил Николаевич разделял страсть своих сыновей, видел в футболе прекрасное средство физического воспитания молодежи, организации ее культурного отдыха.

Площадка в Анненгофской роще оказалась на редкость уютной и удобной. Неподалеку стоял большой незанятый сарай – собственность владельца небольшой чайной. Сняли этот сарай и устроили в нем раздевалку, что в ту пору показалось ребятам верхом комфорта. А в дни игр владелец заведения за весьма умеренную плату доставлял сюда чай с лимоном – им поили гостей в перерыве между таймами. Это уже граничило с роскошью, походило на настоящий футбольный клуб. Да он и был, по существу, таковым – первый в нашей стране истинно рабочий, истинно национальный (в лиговых командах, как правило, все еще преобладали англичане) футбольный клуб. Имя ему дали – Рогожский кружок спорта, а между собой часто называли «чесноковским».

Вслед за этим первенцем по его вдохновляющему примеру стали появляться «дикие» футбольные кружки по всей Москве. Благодаря энергии Бориса Чеснокова и некоторых других «зараженных» им энтузиастов эти кружки, команды приобретали все более стройную и четкую организацию – свой календарь, свои строго установленные правила, свои традиции и законы. «Дикими» их называла лига, сделавшая в свое время доброе дело по утверждению футбола в Москве, но затем превратившаяся в бюрократическую организацию, которая отгородилась от народа барьером неприступности, напыщенного аристократизма. Ее руководители, в основном представители власть имущих, открыто и подчеркнуто показали свое классовое лицо, явное нежелание допускать в команды неугодные элементы – простых людей труда. Она повсеместно увеличила паевые взносы для членов клубов, издала приказ, запрещающий своим

рефери судейство игр «диких» команд.

В этих условиях работа, проделанная двадцатилетним энтузиастом Борисом Чесноковым имела огромное значение.

В январе 1912 года в седьмом номере журнала «К спорту» была напечатана его статья, появление которой произвело в кругах спортивной общественности впечатление разорвавшейся бомбы. Материал поражал смелостью и прямотой, остротой постановки вопроса.

«Главный элемент состава «диких» кружков,— писал автор,— рабочие, мелкие служащие и учащаяся молодежь. Это не московские патриции – игроки лиги, приезжающие на состязания на автомобилях. Это демос, страстно увлекающийся здоровым и интересным спортом, подобно тому, как раньше он увлекался борьбой... Пусть лига уделит ему хоть крохи своего внимания и протянет опытную руку помощи».

Борис не ограничивался устными и письменными заявлениями, а носился по Москве, подыскивая поля, занимаясь подготовкой собственных судей. Он установил контакты почти со всеми «дикими» командами огромного города и, организуя их встречи, поддерживал жизненный потенциал народного футбола.

Конечно, он видел, что поначалу уровень игры неорганизованных футболистов сильно отстает от лиговых. И Борис стал первым в Москве тренером рабочей молодежи— тренером Рогожского кружка спорта.

– Мы занимались под его руководством очень серьезно и планомерно,— вспоминал Павел Александрович Канунников.— Тренировка лиговых команд в ту пору состояла в основном из того, что бесконечно били по воротам. Борис Чесноков первым в Москве ввел у нас в программу занятия кроссы, упражнения с мячом – индивидуальные и групповые, сообщал нам интереснейшие сведения по тактике, которые черпал из малочисленных, к сожалению, но все же

появившихся время от времени литературных источников. Вот почему в технике и тактике мы росли быстрее аристократов и в конце концов перегнали их.

«Дикий», а по существу подлинно массовый, национальный русский футбол вырастил вскоре таких выдающихся мастеров, как П. Канунников, П. Исаков, Н. Троицкий, К. Блинков, Ф. Селин и многих других, ставших истинной гордостью отечественного спорта. Более того, пришло время, и они в личных встречах с лиговыми командами доказали, что превосходят их по всем статьям. Но об этом рассказ еще впереди.

Итак, лига отвергла «диких». Но Борис Чесноков, бывший не только одним из ее лучших игроков, но и ее общепризнанным вожакom, не сдавался. Часто забывая о личных интересах, об отдыхе, подчас подвергаясь насмешкам и даже издевательствам со стороны бюрократов, он все же продолжал воевать за «свой» футбол.

И старательность эта в конце концов была вознаграждена. Нашлись такие же энтузиасты, как Борис Чесноков, он зажег их своей неудержимой энергией. Не только на старой Рогожской заставе, но и в других районах города появились свои лиги, а затем была организована общая лига «диких» кружков, руководителем которой единодушно признали Бориса Чеснокова.

С 1911 года началась новая, увлекательная футбольная жизнь. А спустя два сезона Рогожский клуб добился феноменальных успехов. Об этих успехах особенно много и подробно писал журнал «К спорту». Вот что говорилось в одной из заметок, опубликованных осенью 1913 года:

«Осенний футбольный сезон можно не без оснований считать «страдной порой» для всех сторонников этого спорта.

И вот в данный момент эту пору мытарств футболиста по различным, разбросанным по отдаленным концам города площадкам, куда при всех обстоятельствах и ЕО всякую

погоду гонит его страсть увлечения, следует считать почти оконченной.

Настало время подведения итогов и ответа на очередной вопрос: кем и что сделано в минувшем сезоне?

Как известно, в последнем... видную роль сыграла лига спортивных кружков, объединенных нашим журналом, победителем в которой вышел популярный Рогожский кружок спорта.

Между прочим, попутно с названной лигой, хотя совершенно независимо от нее, действовали союзы вторых и третьих команд и кружков, записавшихся на оспаривание кубка «К спорту». В них тоже на первое место вышли команды Рогожского кружка, выигравшего, таким образом, первенство города Москвы для свободных кружков во всех трех категориях. Это поистине выдающиеся результаты».

Можно было бы продолжить эту цитату (далее в заметке очень подробно, с большим уважением и любовью рассказывается о победителях), но и так ясно, какую роль, какое место в футбольной жизни Москвы играл в ту пору «чесноковский» кружок. Он вошел в нашу историю не только как пионер народного футбола, но и как спортивный коллектив высокого класса, большого игрового диапазона, имевший в своем составе интересных, пользовавшихся в Москве большой известностью мастеров кожаного мяча. В первой команде этого кружка (кстати, закончившей сезон 1913 года шестнадцатью победами в шестнадцати встречах) играли сначала четыре (Владимир быстро окончил свою спортивную карьеру), а затем неизменно три брата Чесноковы: Иван защищал ворота, Сергей выступал на правом крыле нападения, Борис вначале чаще всего был в центре линии нападения, а потом действовал на месте левого полусреднего.

«Братья Чесноковы,— писал журнал «К спорту»,— сделали очень многое для Рогожского кружка спорта своей полезной организационной деятельностью. Но не меньше

сделали они для его успехов в нынешнем сезоне своей прекрасной игрой. Большинство голов, оказавшихся в чужих воротах, было проведено ими».

Интересно и такое сообщение: «Ввиду наступления зимнего сезона, долженствующего разобщить членов кружка на долгие месяцы, в РКС решено поддержать исчезающую временно связь устройством лыжной станции, назначение которой должно еще более сплотить членов этого клуба». Всего несколько слов, а как много они говорят нам. И о том, что Борис Чесноков вместе со своими неизменными помощниками – братьями сумел создать в клубе обстановку настоящей спортивной дружбы. И о том, что одним из первых, а может быть, самым первым, в Москве он выдвинул идею круглогодичной тренировки членов футбольного клуба.

В январе 1915 года в одном из московских спортивных изданий появилась заметка, отрывки из которой мне бы хотелось процитировать.

«Популярнейший из «диких» кружков Москвы – Рогожский кружок спорта – после пятилетнего существования прекращает с нынешнего года свою деятельность.

Организованный Б. М. Чесноковым в 1910 году на почве всеобщего увлечения футболом кружок этот принужден был испытать немало всякого рода мытарств за полдесяток лет своей жизни, прежде чем смог составить себе то имя, по которому его справедливо считают сильнейшей футбольной организацией.

Спортивное существование всякого «дикого» кружка обставлено несравненно большими трудностями, чем жизнь официально зарегистрированных обществ, и в очень редких случаях у молодежи хватает терпения, чтобы преодолеть все пороги на пути к намеченной цели, не имея нигде и ни в чем поддержки. Рогожский кружок спорта был одной из таких организаций, которая смогла выдержать все встреченные на своем пути удары и теперь, уже добившись известной славы,

добровольно прекращает свою спортивную деятельность».

Отметив выдающиеся спортивные достижения кружка, выигранные ими матчи, трехлетнее обладание кубком «К спорту», автор заметки продолжал: «В последние два года РКС, казалось, прочно обосновался в Анненгофской роше. Однако осень истекшего года показала другое. Собрав все, какие только мог, средства, кружок за приличную сумму снял, как и в 1913 году, у Удельного ведомства площадку и надеялся удачно сыграть в сезоне. Судьбе угодно было сделать иначе. На первое же лиговое состязание к рогожцам на поле пожаловал представитель полиции и без объяснения причин потребовал всем разойтись. Свое указание он высказал так энергично, что все попытки объясниться с ним заранее были обречены на провал. Представитель кружка ходил на следующий день к приставу в участок, но последний даже не пожелал с ним говорить. В результате всего этого рогожцам пришлось скитаться по чужим полям и, кое-как закончив сезон, принять то решение, о котором мы сказали выше,— прекратить свою деятельность».

Как говорится, комментарии здесь излишни. Прорвавшись сквозь рогатки царской цензуры, эта заметка многое объяснила тогда рабочему люду и многое раскрывает нам сейчас. Нет, не было пути в царской России народному спорту. Притесняемый финансовыми тузами, гонимый полицией, которая боялась всякого объединения трудящихся, влачил он безрадостное существование.

Но сделанное Рогожским кружком не пропало бесследно— семена, оброненные им, упали на благодатную почву. А решение о его закрытии отнюдь не было отступлением. Уже давным-давно между Борисом Чесноковым и представителями «легального» клуба «Новогиреево» шли переговоры о творческом воссоединении. Сначала руководители клуба предлагали место в своих рядах всем четырем братьям Чесноковым и еще нескольким

способным игрокам, но Борис наотрез отказался от этого приглашения.

– Перебежчиками мы не будем,– решительно заявил он.– Давайте принимайте всех членов нашего кружка под свою крышу. От этого «Новогиреево» только выиграет, выиграет весь московский футбол,

Борис Чесноков имел право так заявлять. В Рогожском кружке была выращена целая плеяда отличных мастеров кожаного мяча, которые ничем не уступали, а зачастую и значительно превосходили своим искусством лучших игроков лиговых команд. Рогожский кружок спорта и футбольный клуб «Новогиреево» слились воедино под флагом и именем последнего.

«Это объединение,– писал в те дни журнал «К спорту»,– бесспорно, пойдет на пользу и тем, и другим и послужит тому, что у нас в наступающем сезоне появится еще одна сильная команда».

Да, все знали, что «Новогиреево» усилится с приходом «дикого» пополнения. Но никто не предполагал, что этот союз принесет уже через несколько месяцев одну из самых громких сенсаций.

Но для того чтобы понять ее, нам теперь нужно хотя бы вкратце ознакомиться с тем, что в ту пору представлял собой официальный, лиговый, футбол. Нужно сказать, что он уже набрал силы, получил большой опыт, организационно был отлично подготовлен. Начиная с 1910 года лига разыгрывала Кубок имени Фульда для первых команд сильнейших клубов, что, по существу, было официальным чемпионатом города.

Участников этих соревнований насчитывалось много, но настоящей спортивной борьбы, по существу, не было. Все четыре года подряд призы, кубки и чемпионские титулы явились добычей команды спортивного клуба «Орехово». Тут нет ничего удивительного: организованная при текстильном предприятии одного из крупнейших в то время фабрикантов

Морозова, существующая на его средства, она имела по сравнению с другими хорошие условия. Но дело заключалось не только в этом. Весь состав, команды был укомплектован из числа служивших на фабрике англичан – молодых людей, успевших у себя на родине досконально познакомиться с секретами игры, передовой тактикой, посмотреть состязания лучших мировых клубов. Все это позволило морозовцам, так чаще всего называли футболистов «Орехова», стать на голову выше своих соперников. Только в 1914 году их сумел обойти ЗКС.

Наступал осенний сезон 1915 года – время решающих битв на зеленых полях, волнующих встреч, жарких баталий, державших в большом напряжении и самих футболистов, и зрителей.

Незадолго до начала турнира в журнале «К спорту» (мне приходится цитировать его часто, так как он, по существу, являлся тогда единственным специальным изданием) появилась заметка «Приятное ожидание» – нечто подобное нашим сегодняшним обозрениям, которые журналисты пишут накануне важных спортивных событий.

«Очень скоро, – извещал автор, – увидим мы снова в деле наши лучшие клубы. Что же уготовит им судьба? Надеемся, морозовцы, хотя у них и есть некоторые изменения в составе, окажутся, как прежде, явно не по зубам всем остальным. На конкуренцию с ними может рассчитывать разве что один Замоскворецкий клуб спорта, наш опытный, старый ЗКС. Но вряд ли». Перечислялись еще несколько клубов – возможных фаворитов. «Новогиреева» среди них не было.

Но недаром говорят: прогнозы в спорте – вещь весьма неблагодарная. Так утверждают сейчас, так считали специалисты и много лет назад. И правильно считали. Ибо каждое соревнование, даже то, в котором встречаются заведомо неравные соперники, несет в себе много неожиданностей, открытий, в каждом спортсмене или группе

спортсменов могут проявиться такие качества, которых прежде в них не видели. Иначе спорт перестал бы быть спортом.

Ошиблись оракулы и на этот раз. Борьба в чемпионате Москвы, первом официальном соревновании, в котором участвовали бывшие рогожцы, сложилась на редкость остро, интересно, привлекла всеобщее внимание.

«После сообщений с фронта,— писал в одном из своих обзоров журналист Д. Зуев,— по популярности среди москвичей стоят футбольные новости. И виной тому доселе весьма посредственная команда «Новогиреево», которая неожиданно для многих вырвалась вперед...»

Действительно, этот коллектив, где отныне футбольными делами руководил Борис Чесноков, где в первой команде весьма успешно выступали он и два его брата, ошеломил всех. Команда стала выигрывать одну встречу за другой.

С самой лучшей стороны проявляли себя все три брата Чесноковы. Эта фамилия в тот год пользовалась особой популярностью, ее повторяли все любители спорта. «Настоящая футбольная фамилия»,— говорили о них.

И не только говорили. Часто, очень часто писали.

Я перелистываю подшивки ветхих, готовых рассыпаться при неосторожном обращении, газет и журналов. Среди отчетов пятнадцатого года то и дело встречаются похвалы Чесноковым. Вот Борис в матче с КФС с помощью блестящего дриблинга обошел двух соперников и так точно передал мяч Канунникову, что «последнему уже не составляло никакого труда сделать гол». А через несколько минут в этом же матче он сам «неотразимым шютом» (так по-английски называли тогда сильный удар) увеличил счет. Юркий, подвижный, настойчивый Борис всегда играл с большой пользой для команды. Не отставали Иван, считавшийся хотя и не самым лучшим в Москве, но вполне надежным вратарем, а

также Сергей, который в 1915 году был даже специально премирован клубом за высокое мастерство и самоотверженность, проявленные на футбольном поле.

Все это еще раз подтверждает тот факт, что семья Чесноковых дала московскому, а следовательно, всему российскому, футболу не только неутомимых организаторов, но и настоящих мастеров кожаного мяча.

Итак, команда, возглавляемая Борисом Чесноковым, чрезвычайно удачно начала сезон и до самого последнего момента сохранила лидерство.

Перед последним туром сложилась очень острая ситуация. Прошлогодние и неоднократно победители первенства морозовцы догнали по очкам «Новогиреево». Каждой из команд оставалось провести по одному матчу: морозовцам – с КФС, «Новогирееву» – с ЗКС. Оба состязания были назначены на один и тот же день – 20 сентября. По воспоминаниям очевидцев, футбольная Москва жила всю неделю ожиданием предстоящих встреч.

В назначенный день поле ЗКС (у Калужской заставы), считавшееся тогда одним из лучших в городе, было запружено народом. «Никогда еще у нас футбольный матч не собирал столько публики», – с радостью сообщал корреспондент журнала «К спорту». Всем хотелось узнать, сумеют ли нашумевшие уже своими успехами новогиреевцы противостоять на этот раз натиску хозяев поля. Привлекло людей и объявление, что будет поддерживаться телефонная связь с Ореховом, где в тот же час морозовцы принимали КФС.

И вот матч в Москве начался. Сразу на поле то у одних, то у других ворот возникли острые положения, темп был взвинчен до предела. Прошло всего двенадцать минут, и очередная атака хозяев поля закончилась голом.

Болельщики морозовцев, а их здесь было немало, взорвались ликующими криками. Трудно играть в такой

обстановке. Но гости не пали духом. Последовала четкая комбинация Бухтеев – Б. Чесноков – Канунников, и последний очень сильным ударом под перекладину сравнял счет. В это время проходивший вдоль линии зрителей невысокий человек с рупором в руках громогласно объявил:

– В Орехове первая половина близится к концу. Морозовцы проигрывают со счетом 0:1.

Не успели объявить эту новость, как футболисты ЗКС организовали очередную атаку, на штрафной площадке «Новогиреева» возникла суতোлка, и хозяева сумели протолкнуть в ворота еще один мяч.

Среди зрителей царило небывалое ликование. Ведь если произойдет «чудо» – проиграют оба лидера, то замоскворецкие футболисты догонят их по набранным очкам.

Но «чуда» не случилось. После отдыха новогиреевцы показали такую слаженность, такую неутомимость и волю к победе, что ЗКС не смог остановить их натиска. Вот уже левый край Зольшкин сравнивает счет, потом блестяще играющий Канунников выводит свою команду вперед, и наконец Борис Чесноков ставит победную точку – 4:2! И тут же приходит сообщение:

– Морозовцы проиграли – 0:2.

Таким образом, команда «Новогиреево» заняла первое место.

«Впервые лучшей командой Москвы, – писал по этому поводу журнал «К спорту», – стала команда, где нет ни одного иностранца. Их победа вдвойне отрадна: она говорит о том, что русский человек спор в футболе. Спасибо новогиреевцам за науку. Спасибо их капитану и организатору Борису Чеснокову».

1 октября новоявленный чемпион провел традиционную встречу со сборной города и победил со счетом 3:0. Автором третьего гола был вновь Борис Чесноков.

Хочу рассказать еще об одной игре этой команды. В мае

1916 года в Москву приехала из Петрограда команда «Меркур» – чемпион тогдашней столицы России. Встреча двух футбольных гигантов ожидалась с большим интересом. Московская пресса, на сей раз очень сдержанная, все же отдавала накануне состязания некоторое предпочтение гостям, не без оснований считая, что «у них слава погромче» («Меркур» успешно выступал на футбольных полях своего города в течение многих лет) и опыта куда больше.

Однако новогиреевцы уже в который раз произвели сенсацию, нанеся «Меркуру» сокрушительное поражение. Вот как писала об этом матче одна из московских газет:

«Огромное количество собравшейся публики и серьезность предстоящей встречи создали у игроков обеих команд нервное состояние, в котором они и вышли на поле.

Началась игра в очень быстром темпе. И «Меркур» и «Новогиреево» были неузнаваемы. Первый точно набрался новых сил, от прежней его вялости в матче с СКЛ не осталось и помина. Новогиреевцы поразили не только быстротой игры, но и на редкость дружным ведением ее. Бешеный натиск передовой линии москвичей, поддерживаемый хавбеками, не смутил защиту «Меркура», а его форварды также неудержимо рвались к воротам противника. Взрывы аплодисментов только подливали масла в огонь, и игра развивалась с каждой минутой. Через четверть часа после начала на штрафной площадке бек «Меркура» резко сбивает Канунникова, и судья дает штрафной без защиты (так в ту пору называли одиннадцатиметровый.– Л. Г.). Сильным ударом С. Бухтеев делает первый гол.

Отчаянно рвутся на левом краю петроградец Соловьев и в центре Самойлов, но дружное нападение «Новогиреева» через восемь минут вновь увенчивается успехом – Бухтеев берет высокую подачу головой и делает второй мяч.

Путем больших усилий петроградцы минут через пять сквитывают один мяч. «Новогиреево» продолжает играть

изумительно, и скоро Канунников проводит третий гол. Игра не стихает. После энергичного напора новогиреевцев правым краем «Меркур» бьет мяч на корнер. С подачи последнего Чесноков сильным ударом издали красиво делает четвертый мяч.

Несмотря на такой почти разгром, петроградцы продолжают горячую игру, но добиться ничего не могут и кончают хавтайм при счете 4:1.

Во время перерыва и в публице и среди самих игроков оживленные разговоры.

Результат считают изумительным и неожиданным. Ждут отыгрыша петроградцев...»

В конце концов «Новогиреево» выиграло матч со счетом 6:1. Отмечая заслуги отдельных линий новогиреевцев, автор этой заметки писал: «В полузащите хорош был Леонтьев и особенно выделялся Чесноков».

С осени 1915 года у команды «Новогиреево» началась полоса удач, продолжавшаяся три сезона подряд. В семнадцатом году она вновь стала чемпионом города и обладателем кубка, а вторые и третьи команды этого клуба неизменно оказывались лучшими в своих подгруппах и награждались специальными призами.

Меня могут спросить: почему я, взявшись писать о людях, о футбольной фамилии Чесноковых, так много места уделяю командам, их успехам, истории? Могу ответить на это словами специального адреса, который был вручен одному из представителей этой семьи 23 сентября 1917 года, после того как первая команда клуба вновь завоевала звание чемпиона Москвы. В нем говорится:

«Дорогой Борис Михайлович! Позвольте от лица комитета Новогиреевского спортивного общества... выразить благодарность за ваш плодотворный труд...

Ваша долголетняя работа в области спорта вообще и в области футбола в частности позволила нам очень высоко

поставить наши футбольные команды.

Ваша выдающаяся энергия по привлечению игроков в члены нашего общества и их подготовке к соревнованиям ознаменовалась рядом выигранных командами первенств и кубков: Фролова (лето 1915 г.), Фульда (осень 1915 г.), Миндера (осень 1915 г.), Вашке (осень 1916 г.). Кроме того, первая команда выиграла весной 1916 года у победителей первенства Петрограда «Меркур» матч со счетом 6:1.

В 1917 году, в летнем сезоне, первая команда выиграла под вашим руководством первенство и почетный жетон в спортивной лиге Московско-Казанской ж. д. . .

Осенние игры 1917 года Московской футбольной лиги закончились весьма благоприятно для нашего общества: первая и третья команды выиграли первенство и кубки Фульда и Миндера.

Кроме этого, пройдя без поражения первый круг календарных игр, первая команда на днях победила приехавшую в Москву сборную лучших игроков Петрограда со счётом 2:0. . .»

В адресе, подписанном всеми членами комитета, говорится о необыкновенном организаторском таланте Чеснокова, о его спортивных достижениях.

Этот документ (и многие другие, которые я мог бы еще привести) убеждает нас в том, что жизнь семьи Чесноковых была неотделима от спорта, от футбольных клубов РКС и «Новогиреево», которым она отдала жар своих сердец, свою энергию, любовь.

Футбольная биография братьев, блестящая по содержанию, была не очень долгой. Борис, за которым из-за его недюжинного мастерства очень часто охотились хулиганы зеленых полей, получил в сезоне семнадцатого года тяжелую травму ноги, которая навсегда вывела его из строя. Владимир вступил в ряды большевиков – его увлекла революционная стихия, потом партия послала его на работу в деревню. Он и

погиб как солдат в бою с врагами Родины. Иван еще оставался в «Новогирееве», а потом долгие годы был на тренерской, инструкторской работе в московских спортивных обществах «Пищевик» и «Спартак». Сергей до середины двадцатых годов играл за ОППВ (Опытно-показательная площадка Всевобуча) – прародительницу нынешнего ЦСКА. В расцвете сил, молодой и жизнерадостный, он трагически погиб.

Интересно, ярко сложилась жизнь «неугомонного малыша».

Потеряв в результате травмы возможность активно выступать на зеленом поле, он тем не менее не изменил спорту. 1 марта 1919 года, в день организации Центральных курсов инструкторов Всевобуча, Борис Чесноков был зачислен в их штат – сначала преподавателем, потом начальником спортивного отдела. Позже курсы были переименованы в Главную военную школу физического воспитания трудящихся.

Здесь инициатива, сметка, любовь к спорту, свойственные этому человеку, проявились в полной мере. По предложению Чеснокова был создан первый в нашей стране спортивный клуб «Академия». Сколько хороших, славных и просто необходимых дел здесь совершалось!

«В «Академию» приходили люди в лаптях, иногда полуграмотные, а уходили отсюда настоящими пропагандистами физической культуры, безусловно знающими свое дело специалистами», – писал впоследствии один из выпускников и участников клуба, известный советский атлет-многоборец, заслуженный мастер спорта Александр Демин.

А кто-то другой метко назвал «Академию» колыбелью советского спорта. Этот клуб стал родоначальником ныне знаменитых и традиционных эстафет по кольцу, сначала Бульварному, потом Садовому, возродил русский хоккей, стал организатором первых состязаний по плаванию, гимнастике.

– Когда вспоминаешь ту далекую, трудную и в то же время прекрасную пору, – рассказывал Александр Александрович Демин, – неизменно видишь всегда занятого, увлеченного Чеснокова. Он был зачинателем многих дел: то придумывал массовые выступления на площадях города, то организовывал выезд в родное Новогиреево, то устраивал показательные соревнования по боксу... Многое в «Академии» было просто невозможно представить без его руководства и участия.

Борис Михайлович Чесноков – бесспорно, старейший спортивный журналист страны. Начав в 1915 году сотрудничать в журнале «К спорту», а затем и редактировать его, этот человек свыше пятидесяти лет не расставался с пером, пропагандируя физическую культуру для народа.

Он был первым спортивным обозревателем «Правды», интересно вел отдел спорта в журнале «Прожектор», мы знаем его как первого директора государственного издательства «Физкультура и спорт» и автора первого (теперь уже уникального) энциклопедического словаря по спорту. Вообще, в нашей спортивной журналистике многое «первое» принадлежит именно ему. Современник и друг целой плеяды русских геркулесов – Ивана Заикина, Ивана Поддубного, Ивана Лебедева и ряда других, он отдал немало сил и таланта, рассказывая молодежи об их спортивных подвигах. Борису Михайловичу принадлежит особая, исключительная заслуга в пропаганде тяжелой атлетики, ее глубоких национальных корней, ее славных и никогда не меркнувших традиций в отечественном спорте.

Борис Михайлович Чесноков прожил долгую, очень интересную и полезную жизнь. До самых последних дней с любовью и неугасимой энергией выступал он в печати, вдохновенно писал страницы истории нашего спорта – истории, в которой ему и его семье навсегда отведено достойное место.

НЕУГОМОННЫЕ МОСКВИЧИ

Жизнь братьев Павла и Анатолия Канунниковых неразрывно связана не только с детством и юностью нашего футбола, но и с его первыми выступлениями и победами на международной арене. В бурной, разнообразной и по-своему интересной спортивной жизни своего времени они, безусловно, заняли почетное место. «Самыми неугомонными москвичами» назвал их в одном из отчетов журнал «Русский спорт».

Если бы кому-нибудь вздумалось написать книгу о московских болельщиках, то в первой главе ее, несомненно, следовало бы отвести пространное место известному пресненскому старожилу, рабочему, а потом служащему фабрики «Лакокраска» Александру Ивановичу Канунникову. Сам он не успел стать спортсменом. Говаривал: «Эх, жаль, слишком рано я родился...» Но уже в зрелом возрасте познакомившись с только что утверждавшимся, все набиравшим силу футболом, полюбил этот вид спорта, стал его горячим поклонником, или, как говорят у нас теперь, болельщиком.

И вот новая страсть, как и следовало предполагать, привнесла с собой изменения в быт и «внутренний распорядок» семьи. Теперь каждое воскресенье жена с раннего утра пекла пироги, Александр Иванович клал их побольше в свою рабочую сумку и отправлялся смотреть состязания. В газетах тогда никаких объявлений не делали, «Спортивная Москва» еще не выходила, радио и телевидения не было. Но

зато безотказно работал беспроводный болельщицкий телеграф. Уже в пятницу из уст в уста передавали знатоки, где и когда вспыхнут главные спортивные баталии. Александр Иванович с бухгалтерской точностью выписывал себе расписание встреч, а субботними вечерами долго сидел над ним, решая, куда же все-таки, пойти, и составлял расписание маршрутов. Дело это было по тем временам далеко не легкое: не то что метро, автобусов еще не было, совсем недавно пустили трамвай, линий было мало, и главным транспортным средством оставалась конка.

Несмотря на такие трудности и связанные с ними материальные расходы, Александр Иванович часто успевал за день побывать на двух-трех площадках. Возвращался поздно вечером, неизменно веселый, шумный, радостно возбужденный и всегда с жаром, со страстью, с мельчайшими подробностями передавал своим мальчишкам все, что успел узнать (сыновей у него было четверо— Александр, Павел, Анатолий и Николай). В его устах обыкновенные люди — голкиперы, беки, хавы, форварды— вырастали в героев, былинных богатырей. А когда мальчишки подросли, он стал водить их с собой, учил понимать игру, восхищаться ею. Именно Александр Иванович Канунников, один из пионеров многоликой армии болельщиков, зародил в сердцах своих сыновей любовь к футболу, которая навсегда осталась с ними. Именно он «виноват» в том, что стала его семья спортивной, приобрела большую известность, дала нашему футболу одного из самых известных, самых великолепных мастеров атаки.

Все четыре брата Канунниковы выросли способными, известными спортсменами. Старший, Александр, правда, не пристрастился к игре, но зато пользовался славой первоклассного лыжника, увлекался легкой атлетикой. В подшивках издания «К спорту» можно найти не одно упоминание его фамилии среди участников и победителей различных состязаний.

Замечательным футболистом стал третий по старшинству брат – Анатолий. В 1922 году он вместе с Павлом был принят в состав знаменитой «Красной Пресни» на место крайнего полузащитника. Здесь среди футболистов с громкими именами, звучавшими на всю страну, чувствовал он себя равноправным. Решительный, неутомимый, достаточно техничный, смелый, он был в ту пору одним из лучших московских хавов и несколько, раз включался в первый или второй составы сборной Москвы.

Анатолий прожил в советском футболе не только яркую, но и долгую жизнь. После «Красной Пресни» он единодушно был введен в состав «Пищевика», затем его приняли в команду мастеров московского «Локомотива». В общем, активно выступал на футбольных полях вплоть до начала Великой Отечественной войны. До той же поры его игровой авторитет неизменно оставался весьма высоким.

И все-таки в этой большой, дружной и много сделавшей для отечественного спорта семье один из сыновей Александра Ивановича Канунникова занимает, бесспорно, особое место и по таланту, и по мастерству, и по масштабам спортивной славы, выпавшей на его долю. Я говорю о Павле Канунникове.

Его биография сложилась в целом обыкновенно для той необыкновенной в истории футбола поры. Шло первое десятилетие нашего, двадцатого века. Новая, только что появившаяся в России игра все увереннее, все заметнее набирала силу. И, разумеется, московские мальчишки охотно взяли на себя роль ангелов-хранителей футбола.

Паша Канунников долгое время гонял мяч по пыльным улицам Пресни, а потом, когда подрос, стал все чаще появляться на площадке так называемого Общества физического воспитания. Ему и его юным товарищам повезло: директором той маленькой, но уютной спортивной пристани был Борис Ефимович Евдокимов (потом, много лет спустя, выяснилось, что в лице его Пресня имела коммуниста-

подпольщика, верного ленинца и что пост директора стадиона выбрал он не случайно – партия приказала быть поближе к рабочей молодежи). Этот директор страстно любил детей и, набрав себе пресненских ребят, стал их футбольным учителем. Играл с ними, а главное, доставал для них новенькие, удивительно красивые мячи– предмет искренней зависти тех ребят, кому не удалось попасть в кружок.

Когда Павлу исполнилось девять лет, отец отдал его в Коммерческое училище на Остоженке. Вот уж где было настоящее футбольное царство! С утра до позднего вечера на довольно просторном дворе кипели жаркие футбольные сражения: класс выступал против класса, этаж – против этажа. Это были, так сказать, официальные встречи. Но еще чаще игры начинались произвольно: сколько подберется желающих, столько и играли.

Павел вставал как можно раньше – жили здесь же, в общежитии,– и почти всегда попадал в число счастливцев: играл непрерывно. А потом уже случалось так, что его товарищи по классу, когда предстоял важный матч, говорили:

– Ты приходи обязательно. Не обойтись без тебя.

Действительно, одиннадцатилетний парнишка стал необходимым своим сверстникам, потому что уже тогда играл значительно сильнее их. Казалось, ничего не стоило ему обвести двух-трех соперников, а на голы ему везло невероятно: как ударит, так, глядишь, мяч в «воротах», обозначенных на земле двумя грудями камней.

Игры во дворе училища были, как правило, уделом мальчишек из младших классов. Ребята постарше облюбовали себе отличную площадку у Хамовнического плаца, где шли уже настоящие спортивные поединки, собиравшие большую зрительскую аудиторию.

В сборной команде училища были имена, широко известные любителям спорта: Мартынов, славившийся своим высоким вратарским искусством, Россиус и другие. Было на

кого посмотреть, у кого поучиться.

Нужно ли говорить, что молодой Канунников ходил на все игры сборной команды, смотрел матчи с нескрываемым волнением и искренне завидовал тем, кто получил счастливую возможность принять участие в игре.

– Дождемся ли мы когда-нибудь такого счастья? – спросил он однажды у своего сверстника.

– Ты-то скоро дождешься, – ответил товарищ по классу.

Разговор этот произошел весной 1913 года, а через два месяца пятнадцатилетнему Павлу было предложено сыграть за училище. В первом же матче с футболистами соседнего реального училища новичок забил гол.

Как-то в редакцию журнала «Спортивная жизнь России» пришел профессор доктор экономических наук Лев Сергеевич Карташев.

– Я к вам по делу, – сказал Лев Сергеевич. – Увидел у внука номер журнала, в котором рассказывается о Павле Канунникове, и вот решил зайти, узнать адрес товарища далекого детства.

Встреча двух гимназистов начала века, увы, не состоялась, но Лев Сергеевич у нас разговорился, предался милым сердцу воспоминаниям. Вот короткая запись его увлекательного, взволнованного рассказа.

– У нас в Коммерческом училище футбол был в большом почете. Год или два я играл с Павликом на равных, но затем он как-то сразу вырос в спортивном отношении и уже в пятнадцатилетнем возрасте был введен в состав первой сборной училища. Нужно вам сказать, в ту далекую пору главную массу футболистов и в Москве, и в других городах России составляли студенты и учащиеся средних учебных заведений. Лучшие из них входили в составы рождавшихся один за другим клубов. Остальные были предоставлены самим себе, Московская футбольная лига никак не хотела загружать себя лишними хлопотами.

Но вот в тринадцатом году, как раз в том самом, который так счастливо начался для Павла Канунникова, в Москве была организована лига высших учебных заведений. В этом же сезоне городская футбольная лига с большим нежеланием взяла под свою опеку школьный футбол. Этот шаг она в протоколе заседания своего комитета от 29 марта объяснила так: «Решаем придать здесь футболу организационный порядок ввиду сильного распространения игры среди учащейся молодежи».

И уже весной того же года состоялось первое в истории спортивной Москвы первенство школ города, в котором приняло участие двадцать девять команд. Соревнование прошло по олимпийской системе. В финале спортсмены Коммерческого училища встретились с командой одной из частных гимназий. Счет красивым ударом открыл Павел Канунников (он был самый молодой среди всех участников), но потом соперникам удалось провести два ответных мяча, и победа осталась за ними.

В 1914 году, расшаркиваясь перед генералом Воейковым, назначенным на должность главнонаблюдающего за физическим воспитанием в России, лига учредила специальный приз его имени для розыгрыша между школьными командами. Слух об этом призе быстро разошелся по городу и привлек всеобщее внимание. Если в предыдущем сезоне участники записывались в турнир сами, по своей инициативе, то теперь прошения о допуске к соревнованию посылали директора учебных заведений или особо уполномоченные ими на то лица.

И вот вновь вспыхнула борьба, привлекая к себе всеобщее внимание. В ней участвовало теперь уже тридцать четыре команды. Сборная Коммерческого училища провела пять игр (жеребий для нее сложился неудачно, и пришлось сыграть один дополнительный матч, причем с прошлогодним победителем, который она выиграла – 5:2) и во всех одержала

победу. Выигранный приз был доставлен в училище и водружен на видное место, прямо напротив главного входа.

В тот год за училище играли мастера футбола, уже известные всей спортивной общественности. В воротах по-прежнему стоял знаменитый Мартынов, на поле играли не менее популярные и очень искусные Архангельский, Бухтеев (вскоре вошедшие в сборную Москвы), быстрые, физически сильные юноши, любимцы публики Мичугов и Горелов... И все-таки, по всеобщему признанию, совсем еще юный Павел выделялся среди них. Он был, несмотря на свои шестнадцать лет, физически силен, а на поле действовал как опытный боец. В пяти играх он забил тогда – помню и по сей день – более десяти мячей. В пятнадцатом и шестнадцатом годах Коммерческое училище еще дважды повторяло свой успех, и каждый раз в линии атаки этой лучшей школьной команды города играл Павел...

Этот рассказ старого человека, до сих пор не потерявшего юношеской влюбленности в футбол, помог мне и, вероятно, поможет вам, дорогой читатель, лучше понять спортивную жизнь той поры, понять, что студенческий и школьный футбол являлся в ту пору неисчерпаемым источником пополнения классных команд – лиговых и внелиговых, которых становилось все больше и больше.

Павла Канунникова заметили, его талант быстро угадали, и уже в конце 1914 года молодой нападающий был приглашен Борисом Михайловичем Чесноковым в Рогожский клуб спорта. А через несколько месяцев Павел вместе со многими членами «чесноковского» кружка перешел в состав лиговой команды «Новогиреево».

Не буду останавливаться особо на этой поре спортивной жизни моего героя, потому что о новогиреевцах сказано уже немало, а все их громкие победы неразрывно связаны с именем Канунникова, с его мастерством. Лишь для того чтобы подтвердить это, позволю себе остановиться подробно на

одной встрече, имевшей тогда большое значение, встрече, которая позволит нам увидеть Канунникова непосредственно на поле, в самой гуще событий.

В те годы главными событиями спортивной жизни страны являлись встречи команд Петрограда и Москвы.

В этих городах были сосредоточены все лучшие силы, шел между двумя столицами давнишний и принципиальный футбольный спор.

И вот в 1916 году в Москву с дружеским визитом приехали мастера клуба «Меркур» – чемпионы города на Неве. Вначале им была предоставлена возможность сыграть с командой СКЛ, а 9 мая против гостей выступал чемпион Москвы «Новогиреево». Матч, как уже говорилось выше, закончился в пользу москвичей со счетом 6:1. Лучшим игроком на поле был назван Павел Канунников, который заметно выделялся своим мастерством. В самом деле, если мы попытаемся расчленить это состязание на отдельные моменты, то увидим, что Павел в ходе поединка не раз играл решающую роль. Именно его прорыв в самом начале матча привел к голу. Затем, уже при счете 2:0, петроградцы забивают один ответный мяч. Напряжение нарастает, и в этот момент точный удар Канунникова под планку ворот фактически лишает гостей всякой надежды, команде же москвичей дает не только солидное голевое, но и моральное превосходство.

У каждого большого спортсмена есть день и час, когда он утверждает свое имя, когда какой-то значительный успех делает его навсегда известным и любимым зрителями. Таким днем для Павла Канунникова стал незабываемый день матча Москва – Петроград: двадцатилетний юноша вышел на поле в составе сборной команды столицы первого в мире государства рабочих и крестьян. Много было тогда в Москве исключительно сильных футболистов, ярких дарований, но наш герой оказался лучшим среди одиннадцати лучших. «Его назначение в команду Москвы на матч с Петроградом

выглядит совершенно бесспорным»,– писал накануне состязания один из обозревателей.

Москва – Петроград! Какой гордой и волнующей романтикой были овеяны в ту пору встречи сборных команд этих городов! Какой жаркий и бескомпромиссный шел между ними спор! И как благотворно сказывалось все это на воспитании у молодежи чувства глубокой любви к спортивным традициям своих городов, чувства высокого и стойкого спортивного патриотизма!

Поскольку Петроград и Москва являлись постоянными и, как говорится, непримиримыми соперниками, были и у них свои счеты. До дня, о котором я пишу, преимущество имел город на Неве. Для наглядности приведу хронологию встреч сборных команд Петрограда и Москвы: 1907 год –2:0, 5:4; 1908 год –4:0; 1909 год – 7:1; 1910 год –2:0, 0:3; 1912 год–2:2, 2:2, 4:1; 1913 год –3:0; 1915 год –2:1; 1916 год –2:2; 1917 год–1:1.

Как видно, преимущество петроградцев было подавляющим. И все, кто пришел на стадион, ожидали, что вновь придется москвичам отбиваться, сдерживать пыл своих грозных соперников. Но произошло неожиданное– сборная Москвы учинила настоящий разгром. Матч был выигран ею со счетом 9:1. Четыре гола забил Павел Канунников.

«Небывалое поражение Петрограда,– говорилось в одном из газетных отчетов,– некоторые делают попытку объяснить слабым составом. Нет, граждане, состав самый что ни на есть лучший, все знаменитости налицо. Просто Москва на этот раз сыграла с блеском... Трудно хвалить кого-нибудь – ненароком обидишь других. А все-таки о молодом Павле Канунникове нельзя не сказать. Вот уж талант, истинное слово талант!»

И до этого дня любители спорта хорошо знали Канунникова, но именно после матча со сборной Петрограда пришли к нему большая слава, тот ореол исключительности,

которым окружает народная молва истинных героев спорта.

Интересно, что, когда в 1967 году журнал «Спортивная жизнь России» проводил среди читателей опрос, чтобы на основании его составить сборную пятидесятилетия, к нам в редакцию прислал письмо один из свидетелей той встречи Николай Абрамович Меньшиков. Я цитирую его послание с некоторыми сокращениями: «Очень понравилась ваша идея составить сборную пятидесятилетия, но должен прямо сказать: вряд ли окончательный состав ее будет отвечать главному требованию – творческой объективности. Большинство ответов, без сомнения, придет молодежь, она будет называть тех, кто играет сегодня. В крайнем случае Боброва, Федотова... А вот мне в дни, моей юности довелось увидеть Павла Канунникова, когда на поле ЗКС в 1918 году он вбил четыре мяча в ворота сборной Петрограда. С тех пор я ничего лучшего не видел. Был мальчишкой, стал стариком, а его никогда не забуду...»

Итак, пришли к Павлу Канунникову слава, всеобщее признание, а он оставался таким же простым, скромным и бесконечно влюбленным в футбол человеком. Ради него он мог делать все. То была чудесная, неповторимая пора, когда вырастали, словно на дрожжах, яркие, самобытные футбольные таланты.

У себя на Пресне Павел подружился с семьей Артемьевых, особенно со старшим из братьев – Иваном. В те годы и понятия не было о регулярных тренировках, круглогодичном цикле, методике... Но Иван Артемьев, Павел Канунников занимались, право, ничуть не меньше, чем нынешние мастера.

– Ваня Артемьев, – рассказывал мне в свое время Павел Александрович, – ужас как любил гонять мяч. Причем, несмотря на уже большую известность, не чурался встреч с «дикими». Наоборот, возьмет мяч, зайдет ко мне и еще с порога кричит: «Паша, пойдем погоняем!...» Мы, два игрока

сборной, шли на один из пресненских пустырей, находили мальчишек и вдвоем с Иваном сражались против семи-восьми человек. Устанут мальчишки – другие приходят им на смену. Так продолжалось по несколько часов. Бывало, когда уже стемнеет, получишь мяч и кричишь: «Иван, где ты?» – «Здесь, Паша!...» – слышишь и пасуешь на голос. Вроде бы забава, а сколько сил приходилось тратить, сколько проявлять мастерства, хитрости, изобретательности, чтобы побеждать юных соперников. Иногда идешь домой весь мокрый, усталый, а Иван кричит: «Завтра обязательно зайду!»

В первые годы Советской власти команда «Новогиреево» распалась, и Павел стал выступать за КФС. Закончит, бывало, работу и, не забегая домой, с заранее приготовленным чемоданчиком едет на игру трамваем через всю Москву. А к ночи – домой.

Еще сложнее было попасть на официальные матчи. Проводились они только по воскресеньям, а в воскресенье тогда трамваи не ходили – не хватало энергии.

Но недаром говорится, что нет безвыходных положений для того, кто хочет найти выход. Жили тогда в Сокольниках и играли в КФС братья Денисовы – Николай и Михаил. Первый славился сильным ударом, второй был очень надежным вратарем. Денисовы имели свой дом, и он-то, благодаря удивительному гостеприимству хозяев, стал надолго приютом для игроков из других районов. Павел уезжал к Денисовым в субботу, собирались здесь к вечеру и другие. Родители Николая и Михаила заготавливали к предыгровому дню пшена, варили котел каши. За стол садилась чуть ли не вся команда. Эта были трогательные, душевные вечера, в ходе которых еще больше крепла дружба людей, увлеченных одним делом.

В начале двадцатых годов вместе со своими неразлучными друзьями Артемьевыми Павел принял самое активное участие в строительстве стадиона на Пресне. По всеобщему настоянию его назначили казначеем.

– Ох и строгий был,– вспоминали товарищи.– Каждая копейка на учете. А когда концерты устраивали, он в кассу садился. Некоторые, бывало, по два, три билета берут, только чтобы с самим Канунниковым словом обмолвиться, руку его пожать.

Теперь, пожалуй, пришла самая пора ответить на вопрос: что же подкупало в игре Павла Канунникова, чем он заслужил такую громкую славу?

Очевидцы говорят, что, когда Павел Канунников впервые выбежал на зеленое поле в составе команды «Новогиреево», зрители закричали:

– Где вы такого раздобыли?

– Куда ему, грешному...

Несмотря на молодость, Павел с виду казался грузным, тяжеловатым. Но стоило начать игру, как этот с виду неуклюжий парень превращался в настоящего мастера мяча. Он с удивительной легкостью проходил сквозь линию обороны соперника, обыгрывая одного, двух, трех, а иногда и больше защитников. И делал это с таким искусством, с такой кажущейся легкостью, что не оставлял среди зрителей ни одного равнодушного.

В первые годы, играя в «Новогиреево», КФС и частично в «Красной Пресне» на месте полусреднего нападающего, Павел блистал сугубо индивидуальной игрой (что в ту эпоху грехом не считалось), был великолепным «солистом». Вся Москва говорила о его прорывах, неудержимости в атаке. В том памятном матче Москва – Петроград он поразил воображение всех присутствовавших своим третьим голом: принял мяч почти у центральной линии, двинулся вперед, сначала неторопливо, затем, все набирая скорость, проскользнул мимо одного полузащитника, другого, виртуозным финтом обыграл двух рослых петроградских защитников и примерно с одиннадцатиметровой отметки сильнейшим ударом послал мяч в левый от себя верхний угол

ворот.

Позже Канунников показывал неоспоримые способности организатора, проявлял на поле свой комбинационный дар. В первой команде «Красной Пресни» эти же высокие качества проявил и его брат Анатолий, о котором мы уже говорили как о талантливом полузащитнике, неоднократно входившем в состав второй сборной Москвы.

Здесь я позволю себе сделать отступление и сказать еще несколько слов об Анатолии. Однажды один из ветеранов футбола, его современник и товарищ, так сказал мне:

– Будь Анатолий Ивановым, Петровым или Сидоровым, он бы до сих пор остался в памяти. Быстрый, невероятно выносливый (однажды он в силу сложившихся обстоятельств сыграл в один день три матча подряд, сначала за третью, потом за вторую команду «Красной Пресни» и, наконец, за первую), умный, хорошо видящий поле, он пользовался большим уважением всего футбольного мира. Но Анатолий носил фамилию Канунников, и слава великого брата, естественно, затмила его славу, его неповторимые черты, игровой почерк. Но он ничуть не смущался этим обстоятельством и сам везде и всюду говорил с восхищением о высоком искусстве Павла.

А искусство это было и впрямь высоким. В двадцатые годы Павел стал кумиром московской молодежи, его выступления в составе «Красной Пресни» и не менее сильного «Пищевика» неизменно получали лестную оценку прессы.

В 1923 году впервые после Великой Октябрьской революции была создана сборная РСФСР. Она должна была представлять молодое государство рабочих и крестьян на стадионах Скандинавии и Прибалтики. Поездке команды придавалось особое значение, в ее состав футболисты отбирались с особой тщательностью, для чего создали специальную комиссию. Павла Канунникова включили в линию нападения сборной единогласно.

Первая остановка в Стокгольме. Здесь наряду с проявлением дружбы и симпатии, которые выражал гостям трудовой народ, посланцы Страны Советов увидели и истинное лицо буржуазной демократии. В витринах роскошных магазинов появились карикатуры на русских футболистов. В газетах печатались призывы бойкотировать встречи с ними.

Но матч все-таки состоялся. И не где-нибудь, а на Королевском стадионе, где проводились самые важные, престижные состязания.

Видно, желая сразу поставить на место, проучить как следует гостей, «отцы города» приказали выставить против них сборную Стокгольма, составленную из лучших игроков. Посланцам Москвы и Петрограда (сборная РСФСР была составлена из представителей этих городов) прочили самый настоящий разгром.

И вот свисток судьи вызвал противоборствующие команды на поле. Трибуны были заполнены до отказа, жители шведской столицы проявили к поединку большой интерес. Одни хотели познакомиться с русской командой, другие не скрывали, что пришли насладиться картиной ее неизбежного поражения.

Поначалу состязание и в самом деле складывалось не в пользу советских спортсменов. Уже на пятой минуте после прорыва шведов мяч влетел в ворота сборной РСФСР. В ложах, где сидела изысканная публика, царило откровенное ликование.

Наши начали с центра. Попытались наладить игру, но никак не получалось. А шведы, ободренные успехом, продолжали наступать. Вратарь нашей команды москвич Николай Соколов играл, по общему признанию, блестяще. Но даже его искусство не в силах было остановить натиска хозяев. Еще два мяча влетели в ворота сборной РСФСР.

После третьего гола кто-то из наших ребят в отчаянии

произнес:

– Да что же это такое, братцы?!

Это простое, из глубины души вырвавшееся восклицание неожиданно встряхнуло, отрезвило всех. Каждый понял: дальше просто некуда отступить. Нужно предпринимать что-то решительное, добиться перелома в игре.

В эти минуты великолепные качества бойца и мастера высокого класса проявил Павел Канунников. Именно он повел за собой команду. Его смелые индивидуальные проходы, четкие, продуманные передачи партнерам создали у ворот соперников ряд острейших ситуаций. Вот он снова смело рвется вперед, выходит на удобную позицию, готовится произвести удар, но шведские защитники грубым приемом сбивают его с ног. Судья назначает штрафной. Это метрах в восемнадцати от ворот. Удар выполняет полузащитник Павел Батырев. Сильно и точно посылает он мяч в самый угол ворот. Гол!

Теперь заплодировали на стоячих местах, там, где находился рабочий люд. Мало их было, но до наших дошло их приветствие, что явилось серьезной моральной поддержкой. И хотя до перерыва соперникам удалось провести в ворота сборной РСФСР еще один мяч, у ребят не исчезла надежда спасти положение.

В раздевалку во время перерыва наши пришли усталые, возбужденные. Тренера тогда у сборной не было, указать на ошибки некому. Петроградцы бросали недоуменные взгляды на своих московских товарищей, искренне удивлялись, почему они играют хуже, чем у себя дома. А москвичи с еще большим недоумением смотрели на них.

В эту минуту вновь отлично проявил себя Павел Канунников. Он взял на себя смелость выступить перед командой:

– Мы стали жертвой собственной растерянности, а между тем не так страшен черт, как его малюют. Наш

соперник ничуть не сильнее нас. Нам нужно наладить коллективную игру, каждому следует проявить свои лучшие игровые качества. Вот вы, Михаил Павлович (это он обратился к знаменитому Бутусову.-Л. Г.), должны лучше использовать свой сильный удар, чаще тревожьте шведского вратаря. Вы, товарищ Артемьев, прорывайтесь по краю, делайте острые передачи в центр...

Его спокойная, рассудительная речь объединила людей, вселила в них уверенность, зажгла энтузиазмом.

Боевым вожаком коллектива, спортсменом сильной воли проявил себя Павел и на поле. После перерыва он заиграл с таким азартом и мастерством, что не раз вызывал одобрительные возгласы и аплодисменты зрителей. Во время одной из атак Каиуиников обошел двух шведских защитников и четким ударом забил гол. 2:4. Стало уже значительно легче. Потом последовали два сильнейших «шюта» Михаила Бутусова, и к неопишуемой радости нашей команды положение выравнилось – 4:4.

Удача вдохновляет, а вдохновение придает силы. Неудержимо рвутся вперед красные майки. И вот снова неутомимый, не знающий покоя Канунников, как слаломист обойдя трех шведских игроков, играет в пас с Исаковым, снова получает мяч и с ходу красивейшим ударом забивает пятый гол. Победный счет! Правда, удержать его не удалось: сказались огромная усталость и большое нервное напряжение. Центр нападения шведов, игрок очень сильный, агрессивный, за минуту до финального свистка провел еще один гол, свел матч к ничейному результату – 5:5.

Вечером в гостиницу, где остановилась команда РСФСР, пришли первые газеты. «Русские – игроки мирового класса»,– писала одна из них. «На Королевском стадионе гости продемонстрировали нам настоящее чудо»,– вторила ей другая. Привлек внимание подробный отчет о матче, написанный знаменитым шведским обозревателем того

времени Эриком Карлссоном. В нем говорилось: «Да, футболисты Советов по-настоящему удивили нас. Среди них есть мастера такого высокого класса, что хочется поклониться их виртуозному искусству. В нападении особенно выделялись Михаил Бутусов и Павел Канунников. «Шют» Канунникова и последовавший за ним гол во втором хавтайме буквально деморализовали нашу команду. Думается, не получи этот прекрасный мастер травмы (он покинул поле, и это заметно ослабило русскую команду), вряд ли удалось бы нашей сборной свести трудный матч вничью».

В двенадцать ночи сборная России покинула Стокгольм и отправилась в Гетеборг. Несмотря на столь поздний час, провожать ее пришло немало людей. Советским футболистам было адресовано много теплых слов от их шведских доброжелателей.

Гетеборг встретил по-праздничному: всюду были толпы нарядных людей, на площадях играли оркестры, громко выкрикивали последние новости газетчики. Оказалось, в городе проходит всемирная художественная выставка.

– Вас будет смотреть весь мир, – сказали участникам сборной в посольстве. – Постарайтесь не ударить в грязь лицом.

Увы, и здесь поначалу дела складывались неважно: сборная проигрывала 0:3 и с таким счетом ушла на перерыв.

– Друзья! Что с вами происходит? – не вошел, а скорее вбежал, ворвался в раздевалку посол СССР в Швеции В. В. Осинский.

Что происходило с ребятами? Сказались усталость от вчерашнего матча, ночной переезд на «сидячих» местах, болезнь четырех спортсменов, из-за чего пришлось перекраивать все линии команды. Особенно переживали ребята из-за того, что не смог выйти на поле Павел Канунников: он получил травму. Да и противник не так-то уж прост: сильнейший клуб города и один из лидеров чемпионата

страны – «Весберг». Неделей раньше он здесь же, на своем поле, выиграл у знаменитого лондонского «Арсенала». Но все это только объясняло, но не меняло положения. И. Осинский сказал взволнованно: – На трибунах дипломаты десяти стран! Богатые со всего света. Что скажут они о России? Во втором тайме вы должны проявить всю свою революционную боевитость и добиться победы!

«Что скажут они о России?» Может быть, не произнеси посол этих слов, ребятам не удалось бы вырвать победу в матче. Но теперь они сражались вдохновенно, не щадя себя. И совершили то, чего уже никто не ожидал: победили со счетом 4:3.

Ну и шуму наделала эта игра! Гостей даже решили перевести в самую лучшую, фешенебельную гостиницу, да они уже уезжали в другой город, где их ожидал следующий матч. Там и получили газеты, в которых оценивался гетеборгский поединок. «Да,– писал один из обозревателей, – советские футболисты не чета прежним русским футболистам, которых мы видели у себя на Олимпийских играх 1912 года. К тому же они очень хитры. В первом хавтайме они играют не в полную силу, а затем делают в своей команде перестановку и во втором тайме добиваются легкой победы».

Никто из наших футболистов, конечно, не принял всерьез это довольно-таки наивное объяснение успеха команды, ибо каждый из них чувствовал на себе, какого труда стоила победа над шведами.

Снова в путь. Замелькали города, стадионы, названия команд. Ребята играли через день труднейшие матчи. И каждый соперник хотел их сломить. Но футболисты Советской России никому не уступили.

Кончилось все это тем, что буржуазные газеты стали кричать о неслыханном моральном уроне, нанесенном шведскому футболу, и потребовали решительного реванша. Против футболистов РСФСР собиралась выступить

национальная сборная Швеции.

Команду советских футболистов пригласили в наше посольство. Осинский, вдруг ставший страстным поклонником и знатоком футбола, ходил по своему кабинету, радостно потирая руки, и спрашивал каждого:

– Ну как, будем играть?

– Будем, – отвечали ему ребята. – Только пусть дадут нам несколько дней для отдыха.

Эту просьбу хозяева матча удовлетворили. Пока гости проводили время в роскошном загородном пансионате, хозяева усиленно готовились к встрече с ними, как говорится, наигрывали состав.

Стокгольм заколотило в футбольной лихорадке. Вскоре к нашим спортсменам приехал Осинский, передал им ворох газет:

– Читайте, читайте! Вы здесь такое о себе найдете, чего сами не знаете и никогда бы не узнали!...

Посол сообщил, что цены билетов на Королевский стадион возросли в десять раз по сравнению с первым выступлением советской команды и что, несмотря на это, они уже все давно распроданы.

– Знают ли на Родине о наших выступлениях? – спросил у него кто-то.

– А как же, – последовало в ответ. – Все центральные газеты публикуют сообщения о матчах. Вы делаете важное политическое дело.

Наступил день матча – 21 августа 1923 года. Советские футболисты вышли на разминку и увидели, что все места на стадионе заняты. По обеим сторонам от королевской ложи высились государственные флаги Швеции.

– А почему не вывешивают наш? – спросил у представителя нашей футбольной федерации Павел Канунников, назначенный, на эту игру капитаном команды.

– У нас нет на это официального разрешения, –

последовал ответ.

– Что ж, мы его охотно подождем, – решительно заявил Павел и повел своих товарищей в раздевалку – Пока не появится советский флаг, мы играть не будем!

Минут через десять в раздевалку вошел официальный представитель хозяев поля и сказал через переводчика:

– Разрешение получено, но во всем городе нет ни одного советского флага. Так что придется подождать до следующего раза.

– Ничего, – успокоил его Павел Канунников. – Советский флаг мы привезли с собой.

Швед ушел, как показалось ребятам, совсем не обрадованный тем, что услышал. Вскоре он вернулся и взял у ребят красное полотнище с серпом и молотом. А еще через десять минут в раздевалку вбежал Павел Канунников и крикнул товарищам:

– Ребята, все в порядке! Флаг вывешен!

Они вышли, встреченные громом аплодисментов, и все как один повернулись к королевской ложе. Над ней, чуть колыхаясь на ветру, купаясь в лучах ослепительного летнего солнца, алел наш флаг. Первый советский флаг, поднятый над зарубежным стадионом! Наши футболисты стояли молча и испытывали такую радость, какая, вероятно, приходит к солдатам, взявшим штурмом неприступную крепость.

Потом начался матч, очень трудный для нашей команды. Трудный и потому, что соперник был очень силен, и потому, что судья швед Бельбард оказался не слишком объективным, и, наконец, потому, что выступать в престижных состязаниях всегда очень нелегко.

Борьба шла равная. Но вот последовала стремительная и красивая комбинация Бутусов – Канунников – Григорьев, и последний, выведенный партнерами на отличную позицию для удара, забил гол. Шведы вскоре сквитали его с пенальти: кто-то из наших защитников в штрафной площади случайно

коснулся мяча рукой.

Почти до самого конца матча этот счет не менялся. И вот Павел Канунников решительно рванулся вперед, оттянул на себя защитников сборной Швеции и точно переправил мяч Бутусову. Тот без подготовки метров с двадцати нанес мощный и точный удар по воротам.

Шведский голкипер сделал отчаянное усилие парировать этот удар, но мяча не достал.

Игра завершилась со счетом 2:1 в пользу сборной РСФСР.

Сразу после матча в раздевалку пришел Осинский. Он вручил каждому из наших футболистов по плитке шоколада и сказал торжественно:

– Друзья! А ведь правы были буржуазные писаки, называвшие вас в первые дни приезда красными агитаторами. Вы сегодня блестяще подтвердили это. На глазах десятков тысяч зрителей взвилось над стадионом революционное Красное знамя. Это ли не самая яркая, самая наглядная и убедительная агитация за Советскую власть! Молодцы, ребята!

На следующее утро шведские газеты восторженно писали о нашей команде, о ее манере игры и высоком боевом духе. И среди наиболее ярких, запомнившихся футболистов неизменно называли Канунникова.

Такую же высокую оценку получал Павел и после всех других матчей этого знаменитого и победоносного турне, которое продолжилось по стадионам Норвегии, Германии, Эстонии. Советские футболисты за эту поездку провели в ворота соперников 85 мячей, пропустив в свои 23. 32 гола забил Бутусов, 27 – Канунников.

Передо мной извлеченный из архива отчет о поездке команды, составленный руководителем делегации для доклада. В нем наряду с общей оценкой турне, цифровыми выкладками о количестве забитых и пропущенных мячей есть

следующие слова: «Считаю необходимым особо отметить исключительную по мастерству и силе воздействия на соперников игру Михаила Бутусова (Петроград) и Павла Канунникова (Москва). Даже в очень сильном и ровном составе сборной они выделялись заметно...»

У себя в Москве Павел еще два года продолжал выступать за команду «Пищевик», затем был приглашен в КОР (Клуб Октябрьской революции, прообраз нынешнего «Локомотива») и там не однажды решал исход матчей своей мастерской игрой. Даже скупая в те годы на похвалы спортивная пресса часто выделяла среди участников матчей на первенство города и страны имя знаменитого москвича.

Позволю привести лишь один пример. В 1926 году чемпионат столицы сложился на редкость остро. Вместе со старыми, уже успевшими создать свои прочные традиции клубами звание сильнейших успешно оспаривали и молодые коллективы. Особенно хорошо выступала команда «Динамо», созданная лишь три года назад. Она разгромила пользовавшуюся в ту пору громкой славой «Трехгорку» со счетом 6:2, заставила сложить оружие футболистов сахарного завода (6:1) и «Пролетарской кузницы» (8:2). Оставался последний матч – с «Пищевиком», решавший судьбу первенства.

Он собрал небывалое по тем временам число зрителей. Все ожидали сенсации, но динамовцы на этот раз ушли с поля побежденными. «Вчера мы увидели игру настоящую, увидели мастерство высокого класса, – писал корреспондент центральной спортивной газеты. – У победителей чувствовалось полное единство игроков старшего поколения и молодежи. В нападении как всегда отличился Канунников. Его неуязвимый задор, умные пасовки, правильный выбор места и точные удары вызывали искреннее восхищение на трибунах и ставили динамовских защитников в трудное положение».

О том, какой исключительной и неизменной

популярностью пользовался Павел Канунников в стране, говорят две заметки, опубликованные в газетах Ленинграда и Одессы.

«Мы безмерно счастливы,— писала в 1922 году одесская газета,— приветствовать в своем городе команду, в которой выступает знаменитый Павел Канунников. Каждый одессит много слышал о его игре, а теперь увидел своими глазами. Да, мастерство великолепное. Именно два гола, забитые Канунниковым, обеспечили победу москвичам».

В том же году во время очередного визита сборной Москвы в Ленинград местная газета в своем отчете отметила: «Как всегда, в составе Москвы выдающимся солистом выглядит Павел Канунников. Двадцативосьмилетний футболист поражает всех своим юношеским задором. Он как и прежде неустрашим в нападении и показывает пример всем нашим форвардам...»

Павел Канунников продолжал играть и в составе сборной страны. Ему пришлось выступать на стадионах Турции, Германии, Австрии, состязаться со сборными рабочими командами Финляндии, Латвии. В составе сборной Москвы он завоевал почетное звание чемпиона Всесоюзной спартакиады 1928 года. Он играл так, что казалось, ничто не помешает этому человеку постоянно находиться в спортивном строю.

Но в дело вмешался один из тех случаев, которые, увы, нередко происходят, особенно в то время, с мастерами высокого класса. Еще во время поездки сборной РСФСР по Скандинавии в одном из матчей рослый защитник соперников, разъяренный сознанием своей беспомощности перед Канунниковым, бросился на нашего форварда, который в этот момент получил от партнера мяч, и откровенно грубо сбил его. Падать Павлу приходилось не впервой, но на этот раз дикая боль обожгла тело. Друзья донесли его до раздевалки, и подоспевший врач сразу определил: глубокий вывих

плечевого сустава. Полчаса пытался он поставить на место «непослушную» кость, довел Павла до обморочного состояния, да так ничего и не смог сделать. Повезли в город, к самому крупному специалисту. Тот осмотрел и сказал:

– Случай исключительно тяжелый...

Домой в родную Москву наш спортсмен вернулся в бинтах. Его обследовали лучшие травматологи профессора Духовский и Зацепин. Четыре месяца лечения, казалось, дали результаты. Когда летом 1925 года сборная команда Советского Союза выезжала в Турцию, в ее составе все вновь увидели своего любимца Павла Канунникова.

Но никто не знал, что в спешке сборов, а может быть, и потому, что не желал себя показывать «неполноценным» перед товарищами, наш герой оставил дома приготовленный ему протез для плеча. И вот Анкара. До матча осталось всего пятнадцать минут. Советская команда вышла на разминку. Павел разбежался, готовясь ударить по воротам, но мяч, подхваченный ветром, отнесло в сторону. Равновесие удержать не удалось и... снова вывих да еще с переломом. Тут же, на поле, бывший игрок СКС Николай Александрович Бункин, ставший врачом, оказал своему другу первую помощь.

Снова прием у Духовского, затем консилиум Духовский – Зацепин. Знаменитости на этот раз развели руками:

– Мы бессильны помочь...

Спустя некоторое время Канунникова направили в Германию на излечение. Там ему была сделана сложная операция. И вот безапелляционный приговор: спортом заниматься нельзя.

Хмурый, расстроенный уезжал из Берлина Павел. И вдруг на вокзале его окружила толпа людей: знаменитого советского футболиста пришли проводить рабочие-спортсмены Германии, те, с кем еще совсем недавно он сражался на футбольном поле, и те, кто с трибун восхищался

его мастерством. Были цветы, добрые напутствия, просьбы передать самые лучшие пожелания советским людям.

Через двое суток – Белорусский вокзал родной столицы. Павла встретил брат Анатолий. Он с увлечением рассказал о чемпионате города, жарком споре за звание чемпиона, новых именах, неожиданностях в исходе поединков.

– А тебя, Паша, очень ждут в команде. Будешь играть?

– А как же! – невозмутимо ответил тот...– Ты же ведь знаешь, что без футбола мне не жить.

И уже через три дня Павел надел на перетянутую ремнями бандажа грудь тугую, аккуратно отглаженную футболку. Выйдя на поле, он провел в ворота соперников три гола из четырех победных, записанных на счет его команды. Это не стало эпизодом. Тяжелая травма не помешала ему играть еще долгое время, доведя свой активный футбольный стаж до солидной цифры – тридцать лет! А потом, уйдя из большого спорта, он долгие годы проработал в отделе футбола ВЦСПС, занимался вопросами торговли спортивными товарами, был директором стадиона на Красной Пресне, где родился и вырос, где пришла к нему большая спортивная слава, где он знал каждый камень и где, кажется, каждый человек знал его.

Здесь же, на Красной Пресне, сейчас ежегодно устраиваются традиционные соревнования на приз заслуженного мастера спорта Павла Александровича Канунникова. Они неизменно привлекают большое число рабочих команд и отличаются высоким боевым накалом.

ОНИ С КРАСНОЙ ПРЕСНИ

Как сейчас помню этот день – 10 марта 1968 года.

Я шел по улицам Красной Пресни, похорошевшей за последние годы. Вот корпуса новых домов, возвышающиеся по соседству со старыми, приземистыми, вдавленными в землю. Вот клуб, который жители называют Дворцом культуры, потому что он и впрямь напоминает собой царственное здание – столько в нем простора, света, торжественности.

У входа в клуб огромный, бьющий в глаза алой краткой плакат: «Сегодня в парке традиционные соревнования по русскому хоккею на приз братьев Артемьевых».

Иду в парк. Погода выдалась на славу. Казалось, зима и весна, встретившись на заветном рубеже, щеголяли друг перед другом своим великолепием.

В парке было оживленно, но особенно много людей собралось у основного хоккейного поля. Они окружили его плотным живым забором.

С минуты на минуту должна начаться эстафета: участников состязаний собралось много, они собирались поспорить в искусстве бега по ледяной дорожке, а уж потом четверем самым быстрым командам предстояло скрестить клюшки в борьбе за главный приз.

Среди многочисленной группы спортсменов, облаченных в красные, оранжевые, зеленые, черно-белые рубашки, среди озабоченно готовивших старт судей и собравшихся здесь фотокорреспондентов зрители приметили

двух ладно скроенных мужчин, застывших у самого края беговой дорожки. Это были Иван и Петр Артемьевы. Все узнавали их, улыбались, радовались, как радуются встрече со старым, близким знакомым. Меня это открытие приятно удивило. Я поделился им с Павлом Александровичем Канунниковым, стоявшим рядом в группе почетных гостей.

– Чего ж тут особенного, – пожал он плечами. – Ведь эта семья очень много сделала для спорта, в частности для футбола и хоккея. С именами Петра, Ивана и других братьев связаны лучшие страницы истории отечественного спорта...

Эту главу, как читатель уже, вероятно, догадался, я и посвящаю старинной русской футбольной семье – семье Артемьевых.

* * *

Есть на земле Рязанской большое село Лобково. Раскинулось оно среди широкого степного простора, вытянулось по обе стороны проселочной дороги всеми своими ста пятьюдесятью избами чуть ли не на два километра. С этим селом у Артемьевых неразрывно связано великое слово – Родина.

– Мы народ простой, родословную не ведем, – сказал мне как-то один из них, Петр Тимофеевич. – Правда, хорошо помню деда своего – Артемия Артемьевича Артемьева. Удивительной доброты был человек, трудолюбивый, а жизнь сложилась тяжелая. Талантливый мастеровой, хлебороб, проводивший в поле от зари до зари, он никогда не мог свести концы с концами. Воспитанный в духе степенности, не употреблявший бранных слов, дед знал только одно ругательство и всегда облегал им душу в трудную минуту:

– Ах, сволочь окаянный, опять денег нет...

Таким вот, досадливо разводящим руками, ругающим

неизвестно кого, растерянным и обиженным, запомнили его внуки.

Запомнили они и другие картины. Как брал их дед с собой на покос, как звонко пела по утрам сталь, как, войдя в азарт работы, он чуть не наступал на шагнувших впереди мальчуганов и весело покрикивал:

– Пятки! Пятки!

Помнят внуки, как иногда он гладил их по головам своей шершавой рукой и говорил задумчиво:

– Ничего, птенцы, может быть, дождетесь вы жизни человеческой. Я вот не дождался. А вам, гляди, и повезет...

– Дедушка, а почему ты нас жалеешь? – спросил в одну из таких минут совсем еще маленький Петя.

– Да как же, внучек, вы ведь и детства настоящего не видели. И поиграть-то как следует некогда. Чуть на ноги стал, сам ходишь – уже ты работник.

Недолго были внучата рядом с дедом, В деревне становилось жить все тяжелее, и отец ребят, посоветовавшись с Артемием Артемьевичем, решил бросить родной дом, податься на заработки в Москву, благо слыл он на всю округу незаменимым сапожником.

Так и очутился рязанский крестьянин Тимофей Артемьевич Артемьев со своей семьей на знаменитой Пресне. Семья очень большая, пять сыновей: Иван, Петр, Тимофей, Георгий, Сергей. С утра до ночи стучал молотком хозяин этого «божьего стада», как сам он называл своих мальчишек, а накормить всех досыта не мог. Однажды пришел пообедать усталый, посмотрел на старшего, только что закончившего трехклассную школу:

– Ну, Иван, ты уже у меня ученый, давай отцу помогай. Будешь учеником в нашей мастерской.

Так еще у одного Артемьева кончилось детство.

На Пресне в то время прошли знаменитые баррикадные бои девятьсот пятого года, и стала она с тех дней Красной – от

всплесков революционных знамен, от рабочей крови, пролитой на мостовых. По вечерам было тревожно, цокали по брусчатке подковы – это наряды конной жандармерии совершали свой очередной обход. Вослед им из приземистых, неказистых домиков рабочие показывали свои увесистые кулаки, слышался шепот:

– Ну подождите, гады, настанет наш черед.

Три мрачных года проползли один за другим как грозовые тучи. Собрания, сходки были запрещены, массовые развлечения тоже. Только летом девятьсот восьмого чуть ожила рабочая Пресня.

Однажды семья Артемьевых сидела за столом. Все были в сборе, как и полагалось по воскресеньям. Только одного Ивана не хватало. Это уже считалось непорядком, и отец, страсть как уважавший дисциплину и традиции, нервничал, все не давая сигнала начинать. Но обедать в тот раз пришлось без старшего сына. Он пришел поздно, когда уже начало темнеть, весь в пыли, на белой рубашке расплылось огромное темное пятно.

– Где был? – спросил отец голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

– В футбол играл, батя...

– Чего-чего? – переспросил Тимофей Артемьевич.

– В футбол.

Так впервые вошло в их семью новое, тогда еще никому не известное слово. Конечно, в то время никто из них не предполагал, что футбол отныне и навсегда станет для Артемьевых любовью и страстью, неотъемлемой частью жизни.

Первым поддался новому увлечению Иван. В рабочее время нечего было и думать о каких-то забавах (трудились допоздна), но по воскресеньям и праздникам Ивана можно было застать только на поле. Он играл с большим увлечением, с азартом. Отец сначала ворчал, а потом, когда дошли до него

слухи, что пользуется старший сын на футбольных полях все большим и большим авторитетом, успокоился, даже обрадовался.

– Хорошо растут ребята. Эх, вырастить бы мне их всех, крепко бы пустил корни на земле род Артемьевых,– часто говорил он в кругу своих товарищей по работе. И всегда добавлял при этом: – Дожить бы до того дня, когда будут все дети крепко стоять на ногах.

* * *

Как старший из братьев, Иван вместе с отцом разделял заботы о воспитании остальных детей и ответственность за их судьбу. Трудно, невероятно трудно приходилось, а футбол все же не забыл, не бросил. Уже в семнадцать лет он зарекомендовал себя талантливым игроком. Молодой левый крайний «дикой» команды, он был решителен, смел, неутомим.

Как-то в редакцию журнала «Спортивная жизнь России» пришел старый краснопресенец Алексей Никандрович Малов. Он прочел статьи о встречах ветеранов футбола, печатавшиеся в журнале, и решил дополнить их своими личными воспоминаниями.

– Обязательно расскажите молодежи,– советовал Алексей Никандрович,– о том, как играл молодой Иван Артемьев. Я видел его в линии атаки (потом, не знаю почему, он выбрал себе амплуа полузащитника) и скажу, что это был редкий по силе и таланту форвард. Хотя игры проходили на примитивных, даже по тем временам, площадках, они всегда собирали очень большое количество зрителей, окружавших живым забором игровое поле.

Мы, рабочие Прохоровской мануфактуры, всегда с особым интересом следим за Иваном Артемьевым. И не

потому, что был он нашим обувщиком (чуть ли не вся рабочая Пресня ходила в сшитых им ботинках и сапогах), а потому, что играл здорово, отдавал футболу всю душу.

Трудно было себе представить этого спортсмена остановившимся хоть на мгновение, – продолжал Малов. – Он все время был в движении, в борьбе. «Давай, Иван!» – кричали зрители. И Ваня «давал». Подхватит мяч где-нибудь у середины поля, наклонит голову чуть вперед и рвется к воротам соперника. И, кажется, нет силы, которая его остановит. Одного обведет, второго... А если заберет защитник мяч, он тут же вступит с ним в борьбу, будет преследовать, вернется к своим воротам, чтобы яростно защищать их.

Помню, однажды приехали на Пресню гости из Замоскворечья. Сильная команда, мы это знали. Два дня рабочий народ только и говорил о предстоящей встрече. Посмотреть ее собралось очень много людей. Вот уже время выходить ребятам на поле, а Ивана Артемьева нет. Опоздал. Может быть, заказ срочный выполнял либо еще какое дело задержало. Одним словом, начали без него. И как на грех неудачно: один гол пропустили, второй. Вдруг, глядим, Артемьев идет, а за ним меньшие братья – кто чемодан несет, кто сверток, а кто просто так трусит. Кто-то из играющих увидел его, крикнул: «Давай, Иван, быстрее!» Зрители тут же подхватили, и понеслось из конца в конец: «Давай, Иван!», «Ждем, Ванюша!», «Ну-ка, покажи наших». Выскочил он на поле (тогда замены просто осуществлялись: надоело играть одному – он уходит, уступая место товарищу). И что тут началось! Видно, взволновала парня, растрогала необычно теплая встреча – она дала ему понять, что ценят его друзья и все любители спорта. А такие вещи, как известно, вдохновляют. Вот и заиграл он как никогда страстно. Прорвался по краю, срезал угол – к воротам, резко ударил. Гол! Минут через пять снова стремительный прорыв и очень

сильный и точный удар метров с двадцати. Растерялся противник, сник. В тот день парни с Пресни победили со счетом 10:2! Семь голов в том памятном для меня поединке забил Иван Артемьев...

Футбольная склонность Ивана во многом определила и его профессиональное лицо. Продолжая по-прежнему выполнять заказы для рабочих, он начал шить спортивную обувь. Да какую! О ботсах, вышедших из-под руки Артемьева, пошла по городу добрая молва. Их приезжали покупать самые прославленные игроки лиговых команд, хотя и были у них модели, купленные в фешенебельных магазинах Москвы и Петербурга. Что ж, в этом не было ничего удивительного, во-первых, высоко было искусство пресненского мастерового, во-вторых, шил он по мерке, а в-третьих, знал не по чужим рассказам, а по опыту, как важна хорошая обувь для футболиста и что нужно для того, чтобы была она понастоящему хорошей. Прекрасно шил он и футбольные мячи.

Но можно с уверенностью сказать, что еще быстрее, чем слава мастерового, шла по Москве и крепла слава Ивана Артемьева как отличного футболиста, неутомимого бойца зеленых полей. Уже в 1913 году он стал основным игроком первой команды при обществе физического воспитания на Красной Пресне, а через год его пригласили в команду «Новогиреево». Здесь он играл вместе с такими известными футболистами, как С. Бухтеев, Н. Троицкий, П. Цыпленков, П. Канунников и другие.

В одном из газетных отчетов о встрече «Новогиреево» – «Кунцево», относящейся к 1915 году, сообщалось следующее: «В прошлое воскресенье «Новогиреево» на своем новом, уже хорошо обжитом поле принимало гостей и давнишних соперников – команду «Кунцево». Как и в прошлом году, в день открытия новогиреевской площадки, победили хозяева поля, сумевшие заколотить в ворота соперников пять мячей, а получить в свои только два. Игра, несмотря на такой счет,

вышла на редкость интересной и быстрой... У новогиреевцев очень сильно провели встречу хавбеки И. Артемьев, С. Чесноков и Сафронов. Кстати, в этой встрече молодой игрок новогиреевцев Артемьев сумел провести два гола, что было очень тепло встречено публикой». В другой заметке, подводящей итог сезона 1917 года в Москве, читаем: «Для современного хавбека (полузащитника.– Л. Г.) очень важно уметь вести игру от начала до конца в полную силу, не позволяя усталости овладеть тобою. Иначе команде будет нанесен двойной вред: передняя линия лишится твоей поддержки, а кто-то из форвардов соперника получит свободу действий. Конечно, уметь не уставать – большое искусство. Нам кажется, что им особенно хорошо владеет И. Артемьев из «Новогиреева». Это сейчас, несомненно, один из самых сильных в Москве игроков середины поля».

Пример Ивана, его вдохновение, любовь к спорту заразили остальных братьев. Особенно увлекся футболом Петр, второй по старшинству. Учился он без интереса, все больше тянулся к ремеслу, а особенно охотно гонял мяч. Сначала тряпичный – здесь же, на узеньких булыжных мостовых Пресни, в полутемных, зловонных двориках. Потом отыскивали пустырь, и там закипели настоящие спортивные баталии.

Петр не пропускал ни одной игры команд, в которых участвовал старший брат. Носил ему чемодан, стоял рядом с игроками, которых другие ребята считали за счастье хотя бы увидеть. Все шире раздвигались горизонты его футбольной жизни. Часто, урвав свободные часы, шлепал он босиком со своими сверстниками вдоль Москвы-реки до Новодевичьего монастыря – там, в низинке, у Лужников, было облюбовано московской ребятней место, где проходили игры: пресненские мальчишки встречались с ребятами из Замоскворечья и других районов города. И Петр все чаще и чаще включался в составы команд по большинству голосов на ребячем совете, где во

внимание принимался один-единственный довод – умение играть.

Однажды он пришел домой радостно-возбужденный, счастливый и громогласно объявил всем:

– Сегодня меня приняли в детскую команду при обществе физического воспитания.

– Ишь ты,– искренне обрадовался Иван.– А на какое место тебя определили?

– Конечно, на левый край.

– Это почему же «конечно»?

– Ты на левом когда-то был. И я на левом.

– Эстафета, значит,– подвел итог отец.– Ну вот, еще одним футболистом пополнилась семья Артемьевых. Что ж, это хорошо.

Через несколько дней Ивана призвали в армию, и вскоре он в форме брата милосердия уже был на одном из участков русско-германского фронта. Московский мастеровой, человек с Пресни, он сразу привлек к себе внимание подпольной большевистской организации, вместе с ней готовил в полку бунт, был арестован и ждал военно-полевого суда, когда пришла радостная, захватывающая дух весть: в Петрограде большевики под руководством Ленина свергли Временное правительство.

Товарищи по оружию освободили арестованных. Устроили митинг. И Артемьев поднялся на трибуну:

– Мой дед, простой рязанский крестьянин, всю жизнь мечтал дать детям и внукам хорошую жизнь, да так этого и не дождался. Но мы увидим. И наши дети увидят! Потому что сам Ленин будет теперь заботиться о нас.

* * *

Москва, в которую вернулся живым и невредимым

демобилизованный солдат Иван Артемьев, казалась какой-то непонятной, почти незнакомой. От вокзала до дому пришлось добираться пешком: не ходили трамваи. По утрам у магазинов и булочных выстраивались длинные очереди. Деньги падали в цене – человек, имевший в кармане несколько миллионов, был, по существу, нищим. Не хватало сырья для заводов и фабрик. Молчала знаменитая «Прохоровка», без которой не мыслила себя Красная Пресня. Во всем городе невозможно было достать товара, чтобы пошить хотя бы пару сапог.

Враги нашептывали: никогда большевикам не подняться. Но новая Москва уже давала им свой ответ. Народ кровью и потом, боем и трудом отстаивал Советскую власть.

В те незабываемые дни семья Артемьевых без колебаний определила свой жизненный путь. В один из дней осени 1918 года пришел в дом радостный Петр:

– У нас на Пресне Ленинский комсомол организовали. Я записался.

– Молодец, – похвалил его отец.

– Завидую, Петька, – поддержал Иван.

– Чего завидовать, иди и тоже запишись.

– Староват я для комсомола. А то бы записался непременно.

Но через несколько дней и Иван похвастался отцу и братьям: стал инструктором Всевобуча – первым инструктором на Красной Пресне. Физическая закалка, полученная на футбольных и хоккейных полях, искусство лыжника – все пригодилось для обучения молодых воинов, для пропаганды спорта среди населения.

Все больше и больше рос авторитет Артемьевых на Красной Пресне. К осени девятнадцатого года Петр, бывший до этого «комиссаром» (так его называли товарищи) по учету, распределению и трудоустройству безработных, стал сначала инструктором, а затем заведующим военно-спортивным отделом Краснопресненского райкома комсомола. Когда он

принес домой свое новенькое удостоверение, заверенное тремя печатями, отец, не очень-то баловавший детей лаской, обнял его:

– Так, гляди, я еще доживу до той поры, когда вы у меня, дети сапожника, дипломатами станете, за границу представлять нашу страну поедете...

Не удалось ему, однако, увидеть будущее, которое ждало его детей. Судьба распорядилась по-своему, случилось большое несчастье. Однажды с шестилетней дочкой Тимофеем Артемьевич поехал в деревню, на родину, старикам подсобить, да заодно милым с детства местам поклониться. Добрался до села вечером, а с утра пошел по соседям, по знакомым – таков уж был обычай, не отступать же от него. У одних задержался, разговорились. Вдруг слышит шум, рыдания баб, крики:

– Артемьевы горят!...

Неизвестно по какой причине вспыхнул отчий дом. Тимофей Артемьевич подбежал к избе, когда обгоревшие балки вот-вот готовы были рухнуть. Кто-то попытался его схватить, но он, ни секунды не раздумывая, бросился в объятые пламенем, окутанное дымом помещение, где спала любимая дочурка. Хотел, надеялся спасти ее, а получилось, что погиб и сам. Так семья Артемьевых лишилась кормильца. Забота о тех, кто остался, было их четырнадцать ртов, легла на плечи Ивана.

Но ничто не могло уже отлучить эту семью от футбола. Он был частью их жизни. Он был теперь в каждом из Артемьевых.

Если бы кто-нибудь захотел написать статью о великой живучести спорта, ему следовало бы обратиться за примерами в далекие двадцатые годы. Да, жизнь была сложна. Да, не двигались, замерли без энергии трамваи, но команды продолжали встречаться друг с другом, иногда пересекая ради этих встреч всю Москву «от угла до угла».

– Девяносто минут игры и шесть часов ходьбы,–

охарактеризовал мне то далекое время один из ветеранов футбола.

Исколесили Москву вдоль и поперек и краснопресненские футболисты. Они всегда шли в гости: своего поля не было.

Однажды братья Артемьевы, вернувшись после очередного матча, сидели у себя дома, и сама собой возникла беседа, которая уже не раз начиналась между игроками во время их продолжительных путешествий.

– Слышь, Петь, надо бы нам в конце концов свою площадку соорудить, – сказал Иван. – Знаешь, как бы это оживило физкультурную жизнь на Пресне!

– Знаю. Да как это сделать? Видишь: того не хватает, этого нет...

– Ты вот что, комсомольский вожак, давай перед трудностями не пасуй. Если ждать идеальных условий, мы и через десять лет ничего иметь не будем. Завтра я приду к тебе в райком.

И в самом деле пожаловал Иван прямо к секретарю. А через некоторое время вызвали в кабинет и Петра.

– Знакомить, надеюсь, не нужно? – пошутил секретарь. – Дело вы хорошее, товарищи задумали. Но вот давайте подумаем, как его осуществить лучше.

– Да чего там думать, – загорячился Иван, – Вы помогите нам получить в полное распоряжение спортплощадку у заставы, а остальное мы сами сделаем.

– Ой ли?

– Вы скажите, можете помочь? Не оправдаем доверия, тогда и спрашивайте.

– Верно, товарищ секретарь, – поддержал брата Петр. – Мы комсомол подключим, пресненских футболистов призовем, вон их у нас сколько, глядишь, и получится.

– Надо, чтобы получилось, – твердо вставил Иван. – У лиговых команд в Сокольниках, Замоскворечье, у Петровского

парка есть свои добротные сооружения. А мы, славная рабочая Пресня, вроде бы как «дикие» в футбольном мире. Стыдно.

– Что ж, уговорили. Хорошее дело затеваете. Спасибо вам, ребята.

Да, так всегда: чтобы сделать первый, самый трудный шаг вперед, к далекой и пока еще кажущейся недостижимой цели, нужны чье-то горячее сердце, непоколебимая уверенность, чья-то сильная воля. Все эти замечательные качества как раз и проявили в начале двадцатых годов два пресненских рабочих.

Вскоре братья получили бумагу, в которой говорилось: «Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Красной Пресни отдает участок бывшей площадки общества физического воспитания в полное распоряжение комсомола и несоюзной молодежи для восстановления и организации спорта. Вся ответственность и полнота власти на площадке возлагается на И. Т. и П. Т. Артемьевых».

Слух об этом приобретении распространился мгновенно. Ликовали старые друзья, уже успевшие завоевать себе футбольную славу. Ликовали молодые, мечтавшие увидеть настоящие игры, а может быть, и попытать в них счастья.

Но вот на квартире Артемьевых, которая, к слову сказать, всегда была открыта для каждого и представляла в те годы своеобразный спортивный штаб, состоялся совет. Обсуждали один вопрос: как быть дальше?

– Надо организовать показательные матчи и на вырученные деньги начать работы, – предлагали одни. Но им тут же резонно возражали:

– Где организуешь? Ведь своего поля как раз и нет. В конце концов решили, что без помощи райкома и других общественных организаций не обойтись.

– В райкоме я бываю каждый день. Мне там твердо сказали: поможем, чем можем, но денег не дадим ни копейки, –

объяснил Иван Тимофеевич. И, помолчав, добавил:– Тут обижаться нельзя. Сами понимаете, какое сейчас время.

– А без денег как же обойдешься?

– Одних строительных материалов сколько нужно! Например, досок для забора, павильона, раздевалок.

– Постой-постой,– раздался чей-то веселый голос.– Давайте попросим на снос какой-нибудь старый деревянный дом. Вон их сколько сейчас стоит.

Снова райком комсомола, райсовет. Там только улыбались и разводили руками:

– Ну и дотошный народ эти футболисты. Покоя не Дадут.

Поворчали для порядка. А наряды на два дома, расположенных неподалеку от будущей площадки, выписали сразу.

Пресненская молодежь ликовала. Настроение было хорошее, мечты начинали осуществляться. В один из воскресных дней неугомонный, горячий Петр Артемьев организовал праздник «своей» комсомолии. Колонна парней и девушек прошла по улицам рабочего района с песнями, лозунгами: «Мы за новый быт», «Бросай курить и пить самогон – выходи на стадион». Эта яркая и необычная по тем временам демонстрация сыграла свою роль в пропаганде физической культуры среди населения, помогла осуществлению хорошего дела, полезной задумки...

И все-таки на одном энтузиазме стадион не построишь – это понимали все. Даже наряды на дома не решат проблемы – нужны деньги, много денег.

. И снова выручили неугасимая энергия, горячая любовь и практический ум Артемьевых. Иван предложил:

– Среди футболистов много способных людей – кто петь горазд, кто плясать, кто фокусы показывать. Есть у нас знакомые и среди артистов. Давайте организуем благотворительные концерты, объявим, куда пойдут сборы от

них.

– А кто разрешит? – раздался резонный вопрос.

– Помогут комсомольцы, – ответил Иван. – Они уже не раз шли навстречу. Пойдут и сейчас.

Действительно, через несколько дней в руках Ивана появился мандат. Этот документ сохранился поныне: «Дано сие товарищу Артемьеву в том, что он является представителем райкома комсомола по созданию спортивного клуба, а поэтому просьба к организациям культпросветработы: оказывать ему всяческое содействие в устройстве вечеров для сбора средств на постройку площадки».

И закипело дело. Прежде всего ребята пошли по району выбирать «свой» дом. Нашли его быстро: двухэтажный, из добротных бревен, не очень старый и не очень новый дом – купца Лапина, убежавшего из Москвы.

А сколько изобретательности, смелости, инициативы, умения поставить общественные интересы выше своих собственных было проявлено при организации концертов! Футболисты, хотя среди них и впрямь было немало людей по-настоящему талантливых (к примеру, отличный полузащитник Казимир Малахов стал впоследствии одним из популярных эстрадных артистов столицы), понимали, что без профессиональных исполнителей не обойтись, если хочешь иметь полные сборы (а о них, конечно, только и мечтали). И вот члены инициативной группы во главе с тем же неутомимым Иваном Артемьевым, ставшим на время администратором «спортивного театра», отыскивали настоящего антрепренера, поехали по домам к знаменитым мастерам сцены, упрасивали, договаривались об условиях...

Наконец появились первые красочные афиши, расклеенные в самых бойких местах Пресни. На них, между прочим, значилось: «Билеты продает сам Павел Канунников». Как мы знаем, уже в те годы это имя немало значило в спортивной жизни столицы, пользовалось большой

популярностью. И многие откровенно мечтали прийти и получить билет из рук самого Канунникова, прославленного форварда, кумира московских мальчишек. Кстати, Павел был не только кассиром, но и казначеем вновь создаваемого клуба; он, несмотря на свою известность, охотно брался за любую черновую работу и с увлечением выполнял ее наряду с рядовыми членам рождавшегося коллектива.

Самым популярным местом для митингов, собраний, вечеров и концертов была в ту пору на Пресне «Большая кухня» Прохоровской фабрики, то самое помещение, где в двадцатом году выступал перед рабочими Владимир Ильич Ленин (был среди тех, кто его слушал, и комсомольский вожак Петр Артемьев). Вот эту «Большую кухню» и облюбовали для себя организаторы «спортивного театра».

Была у этих праздников одна замечательная черта. Совместное выступление на сцене целого ряда талантливых советских актеров, других деятелей искусств того времени и выдающихся атлетов, таких, как Ян Спарре, Иван Хайдин, а также широко известных футболистов (Павел Канунников, Иван Артемьев, Константин Квашнин и другие) чрезвычайно способствовало признанию спорта широкими кругами населения, утверждению его популярности.

Ну а что касается самого содержания концертов, то были они всегда разнообразны, увлекательны. И с большим удовольствием смотрели и слушали зрители своих любимцев-футболистов, выступавших в новых для них амплуа. Мне рассказывали, как вызывали на «бис» Ивана Артемьева, просто и душевно исполнявшего русские романсы, какой восторг вызвал Константин Квашнин своим эксцентрическим номером – «битье кирпичей на голове», как бурно реагировала публика на придуманный Артемьевым номер – «борьба человека с медведем» (для этого в самом деле взяли дрессированного медведя из цирка Никитина)... Участвовали в этих концертах (они повторялись и в «Большой кухне», и в

библиотеке имени Гоголя, и в цехе фабрики Мамонтова и т. д.) и такие выдающиеся мастера сцены, как Пирогов, Смирнов-Сокольский, известный певец Николай Озеров (отец не менее известного в наши дни спортивного комментатора, народного артиста РСФСР Николая Озерова), и многие другие.

Каждый вкладывал в общее дело все, что мог. И все-таки когда сейчас, спустя много лет, спрашиваешь свидетелей тех замечательных дел, как и что было, неизменно слышишь один и тот же ответ:

– Без Артемьевых ничего бы не вышло. Они всему душа.

Действительно, можно только удивляться душевному благородству, задору, поистине вдохновляющему бескорыстию, которые проявили в те годы братья Артемьевы. Когда, например, возникла проблема с транспортом для перевозки актеров, для создания передвижной рекламы, Иван съездил в деревню и вернулся оттуда с доставшейся ему по наследству от отца кобылой Любашкой. Большую службу сослужила эта коняга московскому футболу. Через некоторое время образовался опасный затор с деньгами, грозивший поставить под угрозу все дело. И снова поехал Иван в деревню, продал без колебаний свою корову и вырученные деньги до последней копейки отдал в общий котел.

Наступил март 1922 года. Подсчитали заработанные миллионы (тогда деньги были обесценены, миллион стал словом привычным, обычным), увидели: хватит. Теперь нужно было приниматься непосредственно за строительство.

И вот на месте небольшой игровой лужайки фабрики Мамонтова, у самой Пресненской заставы, появилась горка строительного материала, а через некоторое время всюю закипела работа. Райком комсомола помог организовать субботники, на которые очень часто выходило чуть ли не все молодое население Пресни. Нередко здесь ломом, киркой, лопатой орудовали и руководители комсомола Пресни –

Арвид Шмюльцберг, Владимир Кириллов, Эдуард Пиртин, приходили ветераны, участники боевых дружин 1905 года. Были, конечно, и Артемьевы: Тимофей, Георгий и Сергей. Работали они с неподдельной радостью.

И вот вырос на Пресне замечательный по тем временам стадион – с зеленым полем, павильоном, где были помещения для занятий и удобные раздевалки. Сразу начали действовать несколько кружков: гиревого спорта, французской борьбы, городошный, велосипедный, хоккейный... С утра до вечера шла здесь увлекательная жизнь, тренировалась, крепла, набирала силы молодежь.

Вот что писала об этом популярная в ту пору газета «Известия спорта»: «На Пресне теперь все реже и реже услышишь разухабистую трель гармошки и пьяные песни – неперменные атрибуты прошлого этой рабочей окраины. Теперь вся молодежь словно гигантским машитом притянута к площадкам организованного здесь и начавшего активно функционировать Московского клуба спорта».

Московский клуб спорта. Такое название после длительных обсуждений, споров и волнений было утверждено как официальное. Но уже к середине лета о нем забыли. И сами члены клуба, и его почитатели, и вся спортивная Москва стали называть новый клуб «Красной Пресней». И неудивительно: к тому времени главной улице и всему этому району, имеющему особые заслуги перед Советской властью, было официально присвоено это название. Перешло оно сразу же к футбольной команде, а затем и ко всему клубу.

Построили трек – на нем начали свои тренировки и соревнования многие велосипедисты, ставшие впоследствии прославленными мастерами бетонных дорожек. Зимой на льду царствовали знаменитые Ипполитовы. Гремели штанги, первые подходы к ним делал Михаил Громов, впоследствии ставший чемпионом страны по тяжелой атлетике, а еще позже – выдающимся летчиком, командиром легендарного перелета,

Героем Советского Союза.

И все-таки при всем этом многообразии душой и любовью Пресни был и остался футбол. С утра до позднего вечера, до темноты кипели официальные состязания. Когда клуб встречался с клубом, обе стороны выставляли по семь (!) команд. Кто только не играл в них! Во второй команде «Красной Пресни» выступал, например, секретарь ЦК ВЛКСМ Василий Филиппович Васютин. До сих пор помнят здесь его общительный характер, незаурядное мастерство и горячую привязанность ко всему, что связано со спортом. Играл здесь за третью команду, ничуть не смущаясь этим, директор одной из новых фабрик Михаил Николаевич Демин. Говорят, быть бы ему мастером, если бы не большая загруженность на работе. В одной из команд выступал участник Октябрьского восстания в Москве, замечательный работник только что созданных тогда органов просвещения Борис Илларионович Пугачев.

Это была чудесная пора и в истории семьи Артемьевых. Все пять братьев играли вместе, за один клуб. Иван был капитаном и центром полузащиты, Петр – левым крайним в первой команде (что по нынешним меркам соответствует команде мастеров), остальные значились рангом ниже: Тимофей выступал за второй коллектив на месте левого инсайда, Георгий и Сергей играли за четвертую клубную команду – один центральным, другой правым полузащитником.

Пресненцы заявили о себе во весь волос: в весенний сезон 1922 года заняли первое место тремя командами в классе «Б» и перешли в высшую группу. Московские газеты назвали это большим и заслуженным успехом.

Особенно сильной, дружной оказалась первая команда «Красной Пресни». Даже сейчас, спустя много лет, имена ее игроков звучат знакомо для многих любителей футбола, вызывают у них законное уважение: вратарь Станислав

Мизгер (часто в играх его заменял Козлов), защитники Владимир Хайдин и Павел Тикстон, полузащитники Анатолий Канунников, Иван Артемьев, Иван Мошаров, нападающие Николай Старостин, Виктор Прокофьев, Дмитрий Маслов, Павел Канунников, Петр Артемьев. На счету этого коллектива было много замечательных побед. Сюда, на Красную Пресню, уходят корни двух наших популярнейших футбольных коллективов страны – московских «Динамо» и «Спартака».

* * *

Широкое, открытое лицо, густые брови, нависшие над Добрыми, всегда веселыми, с хитринкой глазами, большой лоб, до сих пор не тронутый бороздами морщин, – таким я увидел Ивана Тимофеевича Артемьева мартовским солнечным днем 1968 года. Даже тогда чувствовались во всем его облике, в нетронутой временем фигуре огромная сила, подкупающая уверенность. И невольно подумалось: каким же был он в годы своей яркой футбольной молодости?

– Артемьева я ставлю очень высоко, – ответил на этот вопрос заслуженный мастер спорта Михаил Павлович Сушков. – За долгие годы жизни мне довелось повидать многих игроков. Были среди них разные, но утверждаю: не было ни одного более преданного футболу, чем он.

Преданность футболу! Вот качество, которое все, с кем начинаешь говорить об Артемьеве, выдвигают на первое место. Это высокое слово в данном случае нужно понимать так, что ради игры он мог пожертвовать всем, а в самой игре не прощал ни себе, ни кому другому равнодушия, ремесленничества, фальши, «отбывания номера».

Обремененный заботами о большой семье, оставшейся на его попечении, занятый большими общественными делами, он всегда находил время для любимой игры.

– Однажды, – рассказывал мне его товарищ по командам «Красная Пресня» и «Динамо» Дмитрий Иванович Маслов, – мы шли с Ваней домой после какого-то очень трудного да еще неудачно сложившегося для нас матча. Ноги ныли от усталости. Меня мучило одно желание: как можно быстрее добраться до постели. Иван, помнится, тоже жаловался на недомогание. Вдруг лужайка, а на ней пять русоголовых мальчуганов гоняют мяч. Гляжу, просветлело лицо у моего спутника, весь подался вперед, спрашивает: «Димка, сразимся?» – «Да ты что, очумел? Я едва двигаюсь» – «Ну как хочешь, а я погоняю с ребятами». И в самом деле включился в игру. Взял себе в партнеры самого маленького и ну куролесить, финтить, рваться вперед. Забывает со своим напарником голы соперникам и смеется от радости, кричит: «Давай, еще давай!» Было уже совсем темно, когда я увел его домой, пыльного, взмокшего, но бесконечно счастливого, возбужденного.

Это свидетельство, данное Дмитрием Ивановичем Масловым, далеко не единично. Я встречался с теми, кто играл рядом с Артемьевым и кто сражался против него. Все отвечали в один голос:

– Футбол он любил страстно!

По Москве до сих пор ходят десятки историй, связанных с именем Ивана Артемьева, с его удивительной спортивной самоотверженностью. Вот две из них.

Как-то накануне очередного матча, не очень важного, у Артемьева-старшего на пятке правой ноги появился огромный не то нарыв, не то фурункул. Иван страдал: мысль о том, что он подведет команду, не выйдет с ней на поле, терзала его. Попробовал дома надеть бутсы, предварительно забинтовав ногу, но прикосновение к ране вызвало страшную боль. Тогда в Артемьеве заговорил специалист-обувщик. Он ножом вырезал в бутсе задник и вышел на матч с голой пяткой, даже не предупредив об этом товарищей. Узнали они о его поступке

потом. В раздевалке после матча кто-то проронил:

– Ну, Ваня, сегодня ты играл особенно зло. Молодец!

– Будешь злым, когда у тебя такое, – не выдержал Артемьев и показал окровавленную рану.

Другой раз, дело было под осень, Иван проснулся в день матча и даже застонал: все тело ломило, болела голова. Сунул градусник под мышку –38,2. Вот тебе и на! Хотел Петра послать предупредить своих, а потом махнул рукой: «Как-нибудь отыграю, не подведу. А уж потом – к врачу». И отыграл, даже два гола забил в ворота Сокольнического клуба спорта. Пришел домой усталый, заснул. На утро вспомнил про болезнь, схватился за градусник – температура нормальная. И самочувствие отличное.

Но, конечно, не только энтузиазм ценили в нем. Уже в 1912 году семнадцатилетним юношей был он единодушно принят на место центрального полузащитника в команду при обществе физического воспитания. Игрок этого амплуа был тогда, по меткому выражению футболиста и журналиста Михаила Ромма, «ферзем той шахматной партии, которая разыгрывалась на футбольном поле. Он или создавал, или портил игру».

При царствовавшей в ту пору системе «пять в линию» все было действительно так. Пожалуй, даже в наше время на игрока средней линии не падает такая нагрузка, как на центрального полузащитника двадцатых и середины тридцатых годов. Непрерывное челночное движение от ворот до ворот было его прямой обязанностью: при защите своих ворот он становился стержнем и мозгом обороны, при атаке – главным дирижером и исполнителем. Только самым лучшим, разносторонним, умеющим мыслить и воплощать свою мысль в действие футболистам доверяли этот ключевой пост.

Что же составляло игровой почерк этого спортсмена? Прежде всего отточенная техника, умение в совершенстве владеть мячом и своим телом в самых сложных ситуациях.

В то время существовало много добрых традиций в московском футболе, одна из них – состязания в специальной эстафете, куда входили разнообразные элементы футбольной техники: обводка, пас, игра «в стенку», удары по воротам... Команда всегда выставляла на первом этапе таких эстафет Ивана Артемьева. И он неизменно добивался преимущества, обеспечивая своему коллективу своеобразную фору. Техника его игры часто вызывала гул одобрения и горячие аплодисменты на трибунах. Точность его паса знали и уважали очень многие нападающие: не раз передачи центрального полузащитника выводили их на удобные позиции вблизи ворот, помогали без борьбы проскочить защиту и забить такой нужный, такой всегда желанный гол.

Был у Артемьева-старшего один титул, который официально не значился ни в одном документе, но который охотно и единодушно присвоила ему футбольная Москва: чемпион по дальности удара. В самом деле он мог послать мяч почти от ворот до ворот. Во всяком случае голы, которые он забивал на тренировках с семидесяти – семидесяти пяти метров, зарегистрированы.

– Я помню, на тренировках Ваня всегда, как и следовало, располагался во второй линии, но удары его, шедшие с дистанции тридцать – тридцать пять метров, были точнее и сильнее ударов форвардов, – говорил мне один из выдающихся вратарей, первый страж динамовских ворот Федор Федорович Чулков. – Мячи, пущенные им, проносились со свистом. Не скрою, иногда их страшно было брать. А иногда и невозможно. Здорово бил.

Но, пожалуй, еще ценнее безукоризненной техники и огромной силы удара были постоянное и очень высокое желание борьбы, неугасимый азарт, никогда ни на минуту не оставлявшее его вдохновение. Если же, случалось, мяч у него отбирали, он неотступно преследовал «обидчика», не давал ему покоя. И себе он тоже не давал покоя никогда. «Вихрем на

футбольном поле» назвал его как-то Федор Селин. Он в самом деле был вихрем, грозой, человеком, всегда вступающим в схватки с соперником и при этом сохраняющим корректность – высшее достоинство настоящего спортсмена.

Матч между «новичком» – командой «Красной Пресни», только весной 1922 года заявившей о себе, и клубом ОЛЛС, более десяти лет активно выступавшим в классе «А», вызвал огромный интерес в Москве. Выиграла его команда ОЛЛС. И несмотря на это, вот что писала о Центральном полузащитнике проигравших московская газета: «Невиданная гроза и ливень, прошедшие незадолго до начала встречи, чуть было не испортили дела. Судьи, руководители клубов долго спорили, можно ли играть при таких условиях (поле напоминало пейзаж Финляндии– озера и небольшие зеленые островки), но наконец решили – можно. Такому решению, вероятно, во многом способствовало крайне возбужденное поведение публики, не желавшей, чтобы откладывали встречу ее любимцев...

Команда ОЛЛС сразу пошла вперед и провела в ворота «Пресни» два гола. Тут, как часто бывало и в прошлом, прекрасно проявил себя Иван Артемьев, выступавший на обычном месте – центрхавом. Он поначалу пытался наладить совместные действия, а потом взял игру на себя и в середине тайма метров с тридцати сквитал один мяч. Футболисты ОЛЛС ушли в глухую защиту...»

Далее автор отчета сообщал, что, «несмотря на проигрыш «Пресни», следует отметить старательную и очень полезную игру Ивана Артемьева, который, по общему мнению, был на этот раз лучшим на поле».

Весной 1923 года в Советском Союзе произошло важное для дальнейшей судьбы нашего спорта событие: по инициативе Ф. Э. Дзержинского, при активном содействии и организаторской инициативе его ближайших помощников родилось первое в нашей стране добровольное спортивное

общество «Динамо». В состав созданной при нем первой футбольной команды был приглашен Артемьев. Его очень тепло, с откровенной радостью приняли в новом коллективе и единодушно избрали капитаном – первым капитаном московского «Динамо».

Многие в ту пору удивлялись такому решению Ивана Артемьева, даже обвиняли его: столько сил, энергии, бессонных ночей и трудовых дней, личных сбережений отдать «Пресне» и вдруг уйти из нее! Люди разводили руками.

Но все это было неожиданным и непонятным лишь для тех, кто плохо знал Артемьева. В душе этого человека жила вечная жажда чего-то нового, его всегда одолевало желание встретиться с трудностями и побороть их. На «Пресне» был установлен образцовый порядок, родилась хорошая команда. В «Динамо» же нужно было начинать все сначала. И Иван выбрал это без колебаний.

Как уже отмечалось, Артемьев-старший в ту пору являлся одним из сильнейших полузащитников столицы: был опытен, смел, зорек, умел разгадывать самые хитроумные замыслы соперников и вовремя ликвидировать возникавшие угрозы, умело руководить атакой. Естественно, что, обладая такими качествами, самозабвенно любя футбол, он стал для очень многих динамовцев не только товарищем, но и тренером, наставником, воспитателем.

Команда возникла, а играть, по существу, было не в чем. Время было тяжелое, достать где-либо нужный инвентарь казалось делом безнадежным. Это, конечно, портило настроение, подрывало дисциплину. Некоторые игроки стали пропускать занятия, хандрили.

И вдруг исчез капитан. Почти десять дней не появлялся он в клубе. Это, конечно, немедленно повлекло за собой разговоры:

– Сбежал, не выдержал...

– Не станет он менять свою «Пресню» на нас. У них там

во всем полный порядок...

Но скептики, малoverы оказались не правы. Иван пришел на одну из очередных тренировок с необычно большим чемоданом. Его встретили вопросами:

– Ты что, кругосветное путешествие совершить собрался?

– Сбежал из дому, что ли?

– Не спешите, ребята, не спешите, – загадочно улыбнулся Артемьев и открыл чемодан. Из него посыпались на траву новенькие, пахнущие краской и кожей бутсы – как раз одиннадцать пар.

– Откуда такое богатство? – ахнули все разом.

– Наследство получил от одного индийского князя, – пошутил Артемьев. – Только в завещании одно неперемное условие: острякам обувь не выдавать. Так что нашей команде тут пожить будет нечем.

Все засмеялись – шутка прилась по вкусу. А потом снова посыпались вопросы:

– Скажи, где достал такую прелесть? Пришлось сознаться:

– Нигде я не доставал. Сам сшил.

Он действительно сам сшил. Сапожничал ночами, ведь днем приходилось работать на семью. Через два дня вызвали его в управление. Кто-то написал письмо, в котором просил оплатить этот труд. Ивана растрогала такая забота товарищей, но получить деньги наотрез отказался.

– Я ведь от души...

– Да без денег нельзя, – уговаривали его. – Мы хотим тебе большой заказ сделать.

– Заказ – другое дело. А для своих ребят я просто так сшил.

Вскоре выписали Артемьеву наряд, и он сел за работу. Целую зиму, как говорят, не разгибался. Зато к сезону 1924 года все пять команд клуба были обуты. И 1 мая на общем

собрании коллектива был зачитан приказ одного из заместителей Дзержинского, в котором служащему Ивану Тимофеевичу Артемьеву объявлялась благодарность «за исключительную самоотверженность, инициативу и труд, способствующие становлению пролетарского добровольного спортивного общества «Динамо».

Когда понадобились средства, у Артемьева поначалу возникла мысль возобновить концертную деятельность.

Но вот однажды после очередной тренировки он шел домой вместе со своим другом и одноклубником Казимиром Малаховым. Этот человек соединял в себе большой талант футболиста и дар актера. Его эстрадные программы, песни, фельетоны пользовались неизменной любовью москвичей.

– Слушай, Казимир, а из вашей братии больше никто не играет в футбол?

– Почему же... Играют. Да еще такие артисты, что удивисься.

– А если нам с ними сыграть? «Динамо» – сборная «Рабис» (так сокращенно в то время называли профсоюз работников искусств.– Л. Г.).

– Хорошая идея! Давай раскрутим ее...

И раскрутили. На динамовском стадионе в Орлово-Давыдовском переулке при огромном стечении зрителей состоялся необычный матч, о котором до сих пор с доброй улыбкой говорят старожилы. За команду гостей выступали И. Ильинский, работавший в ту пору в театре Мейерхольда и уже успевший завоевать признание зрителей, Г. Ярон, блиставший в Театре оперетты, М. Гаркави, уже тогда считавшийся талантливым конферансье, а также представители других театров... А среди тех, кто наблюдал за этим матчем, была вся театральная Москва, так же, впрочем, как и вся Москва футбольная. Счет матча 3: 1. Единственный гол в ворота динамовцев забил ныне народный артист Советского Союза Игорь Владимирович Ильинский. А два гола из трех,

пропущенных Михаилом Гаркави, влетели в ворота гостей после ударов Ивана Артемьева. После состязания мастер экспромта Гаркави тут же зачитал сочиненное им четверостишие:

«От страха мучила икота,
Когда меня, как барабан,
Со звоном втискивал в ворота
Футбольный грозный Иоан».

Деньги, вырученные от распродажи билетов, помогли динамовцам в очень короткий срок дополнительно оборудовать свой стадион, расширить его, сделать любимым местом отдыха москвичей.

Много матчей сыграл в составе московского «Динамо» Иван Артемьев. Но, пожалуй, самым ярким воспоминанием остался тот день, когда в чемпионате 1923 года жребий сразу же свел динамовцев с «Красной Пресней».

Зрителей на этом поединке было очень мало: предполагали, что пресненцы разгромят новичков. Но состязание прошло очень напряженно. Защита и полузащита бело-голубых, организуемые Иваном Артемьевым, долго и вполне успешно сдерживали натиск прославленной пятерки соперников, где выделялись Канунников, Исаков, Петр Артемьев...

Матч закончился победой «Пресни» со счетом 3:2 (решающий гол был забит за семь минут до конца с одиннадцатиметрового), и, когда подходили к раздевалке, каждый из друзей-соперников подошел пожал руку капитану динамовцев и сказал примерно такие слова:

– Молодец, Иван! Просто восхищаться приходится твоей игрой.

Нелегко пришлось новому капитану в новой команде. Рядом были люди, которыми гордилась вся спортивная

Россия. Вот, например, Житарев. Нападающий сборной страны. Он нередко злоупотреблял индивидуальной игрой, сбивал темп, облегчал соперникам их задачу. Да не он один. И Васильев, и Дмитриев... А отсюда примитивная тактика, бедность творческой мысли.

«Постойте-постойте,– скажет молодой читатель,– да при чем же здесь капитан? Ведь это уже функции тренера». В том-то и дело, что не было тогда у динамовцев, как, впрочем, и у всех других коллективов, никаких тренеров, и функции педагога, воспитателя, творческого наставника брал на себя тот, кому выразили всеобщее доверие.

И тут оказалось, что на таком посту Артемьев незаменим. Влюбленный в игру, он не считался ни с чем и ни с кем, когда речь шла об авторитете команды, о ее чести и славе.

– Давайте начнем с укрепления дисциплины во всем,– потребовал он на одном из собраний.– Прощать не будем ничего и никому.

Требования он выполнял пунктуально. Говорил полшутя-полусерьезно:

– В таких вещах я бюрократ.

И верно: опоздает кто-нибудь хоть на минуту на тренировку – не простит, заставит держать ответ перед товарищами. Кончится матч, соберет всех и говорит:

– Давайте отчитаемся друг перед другом в том, как действовали на поле.

Так рождалось у людей высокое чувство долга перед коллективом.

Произошла смена поколений. Ушли, не пожелав принять новых требований, Троицкий, Денисов. В запасе оказались Житарев и его друг Дмитриев. На смену им во все линии пришли юные таланты. Все это уже в скором времени дало свои результаты. Летом 1925 года в Ленинграде проходил первый всесоюзный турнир динамовских команд, в котором приняли участие хозяева поля, москвичи и харьковчане.

Первое место заняла команда Москвы.

«У победителей,— писала ленинградская газета «Смена»,— ярко выделялся их капитан Иван Артемьев. И дело не только в том, что он забил два мяча из четырех. Артемьев проявил себя и как великолепный мастер футбола, и как великолепный организатор».

Мастерство, вдохновенную игру Ивана Артемьева видели не только москвичи и ленинградцы. Команда стала систематически выезжать в главные рабочие центры страны. Очень памятными были, например, поездки к текстильщикам ярославской фабрики «Заря социализма», к горнякам Донбасса, к нефтяникам Баку. И везде команда московского «Динамо» учила своих друзей-соперников не только во время матчей, она устраивала показательные тренировки, ее игроки, и прежде всего сам капитан, выступали с лекциями, беседами, разъяснениями.

«Рабочий Баку, нефтяная столица Советской России, благодарит московских динамовцев и их капитана Ивана Артемьева за доставленную радость, за все, что они сделали для развития спорта в Азербайджане»,— писала газета «Вышка».

Иван Тимофеевич Артемьев покинул «Динамо» весной 1928 года, ему было тогда тридцать три года. Он решил уступить дорогу молодым. Через несколько месяцев родной клуб впервые завоевал звание чемпиона Москвы. Когда проходило чествование динамовцев, они попросили, чтобы с ними рядом встал их первый капитан и тренер. «С вашим именем,— писали они ему в приветственном адресе,— навсегда связано становление, первые радости и успехи московского «Динамо». Мы никогда не забудем об этом...»

А мы, любители самой популярной зрелищной игры, никогда не забудем, что с именем Ивана Тимофеевича Артемьева связаны большие дела, совершенные во славу и честь советского футбола.

* * *

Передо мной маленькая, безжалостно истрепанная временем книжечка. На обороте обложки выбитые типографской машиной слова – «Российский Коммунистический Союз Молодежи. Союзный билет № 5019». Он выдан в далеком восемнадцатом году. А рядом со мной сидит человек, который вот уже более шестидесяти лет подряд никогда, ни при каких обстоятельствах не расстанется с ним, носит с собой. Это Петр Тимофеевич Артемьев, второй по старшинству брат из знаменитой футбольной династии.

Еще стояли изуродованные, с пустыми глазницами окон корпуса пресненских фабрик, еще голод держал своей костлявой рукой за горло, еще мирная жизнь казалась далекой, несбыточной мечтой, а Петр бегал по дворам, собирал рабочую молодежь, и они строили первые в городе волейбольные площадки, учили ребят азам гимнастики. Он был «физкультурным вождем», но занимался самыми разнообразными делами: помогал устраивать безработных ребят, записывал во Всеобуч, подбирал инструкторов, которые часто были по возрасту вдвое старше его, водил комсомольские бригады на разгрузку эшелонов с топливом, вместе с братом и его товарищамикомсомольцами помогал строить первый на Пресне стадион, выступал с докладами и речами, ходил ловить беспризорников и думал о том, как их получше устроить... Казалось, на все это не должно было хватить и двадцати четырех часов, но Петр не только управлялся, но еще успевал почти ежедневно часок-другой погонять в футбол.

Он тренировался и играл с тем искренним увлечением, неподдельным азартом, с каким всегда брался за любое дело. И старший брат, наблюдая за тем, как растет мастерство

мальчишки, с радостью говорил:

– Будет из тебя, парень, толк!

Вскоре они уже играли вместе в одной команде – «Сокольники». Но настоящая слава и единодушное признание пришли к Петру в команде «Красная Пресня», где его поставили на левый край, в одну линию нападения рядом с такими форвардами, как Петр Исаков, Павел Канунников, Дмитрий Маслов. Вместе с Артемьевым дебютировал тогда в «Красной Пресне» и Николай Старостин.

«Третьего дня на поле ОЛЛС (что у Калужской заставы) футболисты местного клуба играли с командой Московского клуба спорта (так поначалу называли «Красную Пресню».-Л. Г.) и победили со счетом 4 на 2», – сообщала газета тех дней. У проигравших был очень сильный состав по именам, но лучше всего проявила себя молодежь, особенно левый крайний нападения Петр Артемьев, с подач которого и были проведены два гола в ворота ОЛЛС.

Высокое мастерство, неистребимая жажда игры, общительный характер – все это вскоре сделало Петра Артемьева любимцем публики и друзей-футболистов. Как многим игрокам в ту пору, ему сразу же придумали прозвище – Велосипед. Звали его так за удивительную быстроту бега: стремительно несется по полю, высоко поднимая колени, разворачивая стопы в стороны, точно педали нажимают.

Полюбился Петр и своей высокой, своеобразной по тем временам техникой: искусным дриблингом, точным и рассчитанным пасом, умением на небольшом пространстве обыграть четырех, а то и больше игроков соперника, прорваться сквозь плотную защиту и, освободившись от опеки, выйти на ударную позицию перед воротами.

12 июля 1922 года, как раз когда ему исполнился двадцать один год, узнал Петр Артемьев радостную весть: он включен в состав сборной Москвы. А через год ему выпала честь выступать за национальную команду Российской

Федерации, отправившуюся в свое первое заграничное турне по странам Скандинавии и Прибалтики.

Много можно рассказать о его уверенной, опасной для соперников игре, о быстрых прорывах, точных передачах, неотразимых ударах по воротам. Но в те далекие, трудные для нашей страны годы Петр Артемьев проявил себя не только как отличный мастер кожаного мяча, но и как бесстрашный политический боец, настоящий патриот Родины.

– Когда участников сборной РСФСР собрали вместе на беседу, Петр спросил: А что, если взять с собой Красное знамя и выходить с ним на чужих стадионах перед играми?

– Вы же знаете,– последовал ответ,– что нашу страну окружают враги. Каждый советский гражданин, пересекающий границу, подвергается самому тщательному таможенному досмотру, который иногда трудно отличить от обыска. Так что знамя вам провезти просто не позволят. Об этом даже мечтать нечего.

Петр сам понимал, что задачу, которую он для себя придумал, осуществить невероятно трудно. Как одинокий остров, окруженный со всех сторон врагами, стояла молодая Советская страна. Капиталистический мир не хотел признавать ее, сочинял различные небылицы о первом в мире государстве рабочих и крестьян.

– Понимаешь, Ваня,– говорил уже не первый раз своему старшему брату Петр,– хочется, чтобы запылал наш стяг над чужой страной, чтобы резанул его алый свет по глазам буржуйам, чтобы показал всему рабочему люду: вот мы, живы, не сдаемся и не сдадимся никогда!

– Понимаю,– кивал тот в ответ.

– Понимаем,– поддерживали товарищи. – Дело ты задумал хорошее. Да как его осуществить?

И Петр придумал. Он взял, договорившись с секретарем, знамя в райкоме комсомола и в день отъезда обмотал его вокруг тела, а сверху натянул костюм. Никому не

сказал о своей затее. Так и провез на себе знамя через два кордона – сначала миновали границу с Финляндией, потом благополучно прошли шведскую таможду. Ну а остальное вы знаете из предыдущего рассказа. Алое знамя Страны Советов взвилось над Королевским стадионом Стокгольма. Взвилось, несмотря на сопротивление властей, на всяческие ухищрения буржуазных руководителей спорта.

Это событие, кажущееся сегодня обычным, произвело тогда впечатление разорвавшейся бомбы. Первый алый флаг над стадионом капиталистической страны. Он был символом нового мира, уверенно набиравшего силы, во весь голос заявляющего о себе во всех областях жизни. Не случайно об этом «происшествии» сообщили на следующий день не только все газеты Швеции, но и пресса Англии, Франции, Италии, Германии и многих других стран мира. Стокгольмская «Идроттсбладех» даже поместила на первой полосе огромный фотоснимок Петра Артемьева, снабдив его выразительной надписью: «Главный большевистский агитатор среди русских футболистов».

Через два года, в декабре 1925-го, Петра назначили капитаном и комсоргом сборной Москвы, отправившейся во Францию для встречи с рабочими командами этой страны.

Вратарь сборной Федор Федорович Чулков вспоминал:

– Выехали из столицы 27 декабря 1925 года. Нас пришла провожать чуть ли не вся спортивная Москва. Еще бы, ведь мы отправлялись «открывать» Францию, сказать правду ее трудовому народу о нашей стране. В Париже нас встретили очень тепло. Извинились: средств у рабочих-спортсменов мало, будут принимать скромно. В самом деле, поместили в бедной гостинице. Ничего, живем. Внизу, в киоске, покупаем каждое утро газеты. Многие из них, буржуазные, конечно, требовали запретить, отменить матч. Зато коммунистическая «Юманите» посвятила гостям очень много теплых слов, опубликовала фотографии советской команды.

Чем ближе день матча, тем больше свирепствовала желтая пресса. И мы уже начали подумывать, что встречу сорвут. Но сделать это хозяева побоялись. Приняли, как им казалось, соломоново решение: перенесли состязания на второстепенный, отстоящий далеко от центра города и от рабочих кварталов стадион «Першинг», добираться до которого было очень сложно.

Но расчет провокаторов от спорта провалился. Рабочий Париж готовился к состязанию как к празднику. Накануне матча газеты «Юманите» и «Авангард» вышли с лозунгами: «Завтра все на «Першинг». Так же называлась и передовая статья «Юманите». Ее автор, один из руководителей Коммунистической партии Франции, писал: «Я не знаю, все ли товарищи достаточно оценивают важность приезда русской команды в рабочий Париж. Это историческая дата для пролетарского спорта».

Наступил долгожданный день – первый день нового, 1926 года. Он выдался ярким, солнечным, теплым. Стадион был переполнен. Сборная Москвы вышла на поле под гром аплодисментов. Впереди с Красным знаменем в руках шел наш капитан Петр Артемьев. Он привез алый стяг, и вот теперь нес его, твердо сжимая древко в руках, нес как боевой привет трудящихся России рабочему люду Парижа. При виде этого знамени подавляющее большинство зрителей встало. Многие кричали: «Слава Советам! Ура русским!»

...Вот о чем вспоминал ветеран нашего футбола. Та памятная встреча закончилась со счетом 5:0 в пользу москвичей. Два гола в ворота хозяев поля забил Петр Артемьев, третий был проведен с его подачи. В отчете о матче газета «Авангард» писала: «Невообразимая овация, устроенная зрителями после окончания состязания, конечно, прежде всего означала признание французскими трудящимися великого дела, совершенного рабочими Советского Союза. Но вместе с тем это было и признанием высокого искусства русских

футболистов. Вратарь Федор Чулков, нападающие Сергей Иванов и Петр Артемьев полюбили зрителей, они ни в чем не уступают профессионалам...»

Через день состоялась новая встреча на стадионе в рабочем предместье Сен-Дени. Здесь советским гостям преподнесли трогательные подарки – выкованные мастерами одного из заводов маленькие серпы и молоты, на которых было выгравировано по-русски: «Братья, мы с вами!»

Игра была очень трудной, противник оказался упорным. Только во втором тайме москвичи провели два гола. И снова газеты, отмечая высокий класс гостей, называли в числе лучших Константина Блинкова, Дмитрия Маслова... Об Артемьеве же было сказано следующее: «Этот удивительно быстрый, напористый крайний форвард был на этот раз выше всяких похвал».

А одна из газет поместила фотографию Петра. Под ней стояла подпись: «Простой рабочий из пролетарского района Москвы Петр Артемьев стал при Советской власти видным общественным деятелем и выдающимся спортсменом. Он привез рабочей Франции в подарок Красное знамя наших русских братьев по классу и свое прекрасное мастерство».

Если просмотреть летопись наших международных выступлений в начале и середине двадцатых годов, можно увидеть, что почти ни одно состязание не проходило без участия Петра Артемьева.

В июне 1924 года в гости к советским спортсменам приехала команда Финского рабочего спортивного союза. Против нее выступила сборная Москвы. Вот короткий отрывок из описания этого матча: «Двенадцать тысяч зрителей, собравшихся на поле ОППВ, с интересом следили за игрой, так как финских футболистов помнят еще по выступлениям двадцать второго года. На этот раз гости играли гораздо лучше, и победа Москвы со счетом 2:0 оказалась трудной. У победителей следует отметить очень сильную и

слаженную игру звена Артемьев – Исаков – Канунников».

Стадионы нашей страны, а также Швеции, Финляндии, Германии, Франции, Турции, Австрии, Норвегии, Чехословакии видели игру Петра Артемьева и восхищались ею. Не раз в иностранной прессе появлялись заметки, отмечавшие высокое мастерство Петра.

«Из русских форвардов, безусловно, лучшим был капитан команды Артемьев, игрок большого класса, с напористым бегом, хорошей распасовкой и точным ударом,— писала одна из парижских газет.— По этому матчу можно с уверенностью сказать, что русский футбол сделал огромный успех, и теперь русские футболисты в международных матчах не только не будут иметь жестоких поражений, как на Стокгольмской олимпиаде, но и легко могут бить некоторые команды Европы».

О том, какое значение придавалось выступлению Петра Артемьева, красноречиво свидетельствует, например, сохранившееся до сих пор в архиве письмо руководства Высшего совета физкультуры в Краснопресненский райком ВЛКСМ от 17 июня 1925 года, в котором говорилось:

«Высшим Советом физкультуры при ВЦИК СССР командирится команда СССР в Турцию. Поездка имеет громадное политическое значение, как устанавливающая связь с народами Востока.

Товарищ Артемьев П. Т. является одним из лучших техников футбольного дела и в то же время как политический работник незаменим в составе назначенной команды».

— Он на самом деле часто оказывался незаменимым,— сказал мне однажды непреременный участник всех поездок сборной СССР в те годы вратарь Николай Евграфович Соколов.— Выдумщик невероятный.

Это качество отмечают и все другие товарищи Артемьева по спорту. Причем все его «выдумки», вся его инициатива, порыв всегда были направлены на то, чтобы

превратить каждое состязание в большое политическое событие, в яркую форму пропаганды нашего советского строя. Тогда это имело огромное значение.

Вот всего лишь два примера, показывающих кипучую деятельность этого страстного коммуниста, человека, умевшего оставаться партийным бойцом и «а зеленом поле, и в гостинице, и в вагоне международного экспресса— всегда, везде, во всем.

После Парижа и Страсбурга сборная Москвы отправилась в Берлин. Рабочие немецкой столицы встретили ее гостеприимно, с интересом ожидали предстоящих встреч. Руководители Немецкого рабочего спортивного союза объявили в печати, что они выставят против гостей самую сильную команду, в составе которой будет много игроков, имеющих большой опыт международных матчей.

Состязание назначили на 15 января. А накануне весь день лил холодный, пронизывающий дождь. Представители нашей команды поехали осмотреть поле. Оно раскисло, стало скользким.

Вернулись в гостиницу. Петр Артемьев собрал ребят и сказал:

– Надо немедленно заменить поперечные шипы ботсов круглыми.

– Да стоит ли? – запротестовали некоторые из ребят.

– Стоит, – решительно заявил Артемьев. – Это я вам как наследный сын сапожника говорю.

Послушались ребята. А на следующий день от души благодарили Петра: стояли на ногах уверенно. А немцы все время падали.

Но ботсы – это деталь, а главное состояло вот в чем. Когда руководители Немецкого рабочего спортивного союза пришли в гостиницу договариваться о регламенте матча, о порядке его открытия, Петр Артемьев предложил свой план. Этот план был принят и осуществлен следующим образом.

Начало матча назначили на три часа дня. Но уже в двенадцать сборная Москвы вышла из гостиницы в своих алых футболках и с Красным знаменем в руках. Сюда же, к гостинице, прибыла в полной форме и немецкая команда. Друзья-соперники выстроились и под звуки ставшего впереди оркестра направились по улицам Берлина на стадион. За ними шла огромная толпа жителей города. Простой выход на игру превратился в грандиозную политическую демонстрацию.

«Приезд спортсменов из Советской России стал важнейшим событием,— писала «Роте Фанэ».— Он еще раз доказал, какими уверенными шагами идет вперед первое в мире государство рабочих и крестьян во всех областях. Мы гордимся нашими друзьями, их спортивным мастерством (москвичи победили со счетом 7:0.— Л. Г.), их мужеством и благородством».

Под статьей поместили фотографию, на которой был запечатлен Эрнст Тельман, крепко пожимающий руку нашему капитану — Петру Артемьеву.

— Приезжайте к нам почаще,— сказал тогда руководитель немецких коммунистов.— Каждый ваш визит — это огромная помощь нашей партии и серьезный удар по ее врагам.

— Будем приезжать,— ответил за всех Петр.

И он сдержал свое слово, посетив Германию в составе сборной СССР еще дважды. Стадионы Дрездена, Франкфуртана-Майне, Кельна, Лейпцига, Хемница и других городов рукоплескали его мастерству: в этом турне Артемьев забил двенадцать голов. Он оказался достойным партнером Бутусова и Исакова, Батырева и Селина — людей, которыми гордится советский спорт.

— А вот второй пример. В июне 1925 года Артемьев отправился в составе сборной СССР в Турцию, опять как ее капитан и комсорг. Во время острейшего поединка против национальной сборной хозяев поля, при счете 0:0, Петр в

прыжке забил мяч в ворота соперников, при этом задев его рукой. Судья не заметил этой ошибки. Но Артемьев сам сказал о ней, и гол не был засчитан. Когда об этом объявили по радио, весь стадион стоя приветствовал благородный поступок советского спортсмена. А вечером на приеме Владимир Петрович Потемкин, бывший в ту пору послом СССР в Турции, обнял Артемьева и сказал: Спасибо, коллега!

– Почему коллега?– удивился спортсмен.

– Да вы же первоклассный дипломат! И ваш поступок, и ваша победа принесут всем нам большую пользу.

Хочется отметить еще одну, особенно подкупавшую, черту в характере Петра Артемьева – его благоговейное отношение к игре, горячее стремление превратить каждое состязание в праздник физической культуры. В мае 1927 года к нам в Советский Союз приехала сборная рабочая команда Саксонии. В первый день гостей принимала сборная Москвы и победила со счетом 4:1. Два гола в этом матче забил Петр Артемьев. После игры он заявил корреспонденту газеты «Гудок»:

– Во вторник против гостей будет играть моя родная команда «Пищевик». Сделаем все, чтобы выступить достойно.

Но начало матча сложилось трудно для хозяев поля. Немецкие футболисты повели в счете 3:0. И в этот момент совершил ошибку один из наших ведущих игроков – центральный полузащитник. При системе «пять в линию» это была ключевая позиция каждого коллектива. Игрок, которого уже тогда знал весь спортивный мир, не выдержал и в сердцах выругался. Судья был далеко, не услышал. Но Петр подскочил к товарищу:

– Немедленно покинь поле.

– Да ты очумел? Проиграем...

– Покинь поле!

– Не буду больше...

– Покинь поле!

Матч «Пищевик» все же выиграл – 4: 3.

– Ну а если бы проиграли тогда? – спросил я у Петра Тимофеевича, выслушав этот рассказ.

– По-моему, с любым поражением можно смириться, – убежденно ответил он. – Без этого спорт не будет спортом. Но с хамством, с бескультурьем мириться нельзя!

Хочется, чтобы эти его слова и сегодня прозвучали над нашими стадионами, дошли до сердец молодых людей, зажгли их чудесным огнем истинного спортивного благородства.

Общество физического воспитания, «Красная Пресня», сборные Москвы и Советского Союза – вот команды, где прошла главная футбольная жизнь Петра Артемьева, где родилась, окрепла, стала прочной и долгой его большая спортивная слава.

Впоследствии он окончил с отличием институт и в мирные годы занимался проектированием пищевых заводов. Когда же началась война, талантливому и энергичному инженеру поручили заботу о полевых пекарнях для Красной Армии. Шел он вместе с ней на Запад, помогал громить врага. А в походном его имуществе всегда хранился мяч. И если выпадала свободная минута, Петр Артемьев не упускал случая, чтобы поиграть в футбол. На лесных полянах, на околицах деревень, в которых располагался неглубокий армейский тыл, устраивал он такие футбольные сражения, что дух захватывало. А в сорок пятом, после победы, проводилась спартакиада Белорусского военного округа, и Петр был капитаном сборной штаба этого округа. Команда заняла первое место, забив в ворота соперников десять мячей. Девять из них пришлось на долю Артемьева. Ему тогда исполнилось сорок четыре года.

– Молодой был, – вспоминая, улыбался он.

Молодость и сегодня не оставила Петра Тимофеевича. Каждую неделю он отправляется в Краснопресненский райком комсомола, внештатным инструктором которого продолжает

быть до сих пор. Спорит, подсказывает, принимает вместе с другими ветеранами пресненских юношей в комсомол. С весны до глубокой осени тренирует пресненских мальчишек, готовит их к соревнованиям на приз «Кожаный мяч». Делает стенды, выступает с докладами, пропагандирует историю спорта.

– Неугомонный Петька, – с удивлением и завистью говорят о нем друзья, уже давно перешедшие на «тихий ход». А Петр Тимофеевич Артемьев все не желает тормозить – несется по жизни с прежней юношеской скоростью.

Никогда не забуду раннее июньское утро 1968 года. Солнце еще не взошло над громадами домов, до начала работы оставалось часа два. В эту раннюю пору на стадионе «Метрострой», неподалеку от станции метро «Краснопресненская», шел горячий футбольный поединок между командами районных комитетов КПСС и ВЛКСМ Красной Пресни.

Зрителей на трибунах почти не было, но это не мешало людям на поле играть с азартом, настойчивостью, заразительным весельем. Счет открыла команда райкома партии, и результат 1:0 держался почти до самого финального свистка.

Но вот на левом фланге кто-то принял мяч, стремительно двинулся вперед, обвел одного защитника, другого и сильно ударил. Мяч вонзился в сетку ворот под самой перекладиной.

К человеку с седой головой подбежали молодые форварды, полузащитники, защитники и, радуясь, говорили:

– Спасибо, Петр Тимофеевич! Вот уж действительно выручили.

Да, это был наш Петр Тимофеевич Артемьев – нестареющий футболист и нестареющий комсомолец, свой человек на Красной Пресне.

Право, невозможно остановиться, рассказывая об этой удивительной семье. Кроме Ивана и Петра было в ней еще три брата – Тимофей, Георгий, Сергей, и ни один не прошел мимо большого футбола.

Пожалуй, не меньшей славой, чем старшие Иван и Петр, пользовался младший Сергей. Придя в двадцатилетнем возрасте в клуб «Пищевик», где тогда еще выступал Петр, Сергей с успехом играл за эту прославленную команду (менявшую до поры до времени название то на «Дукат», то на «Промкооперацию», то на «Мукомоль»). Он был среди тех, кто вошел в первый состав московского «Спартака».

Осенью 1936 года «Спартак» стал чемпионом Советского Союза. Среди тех, кто принес клубу эту большую победу, был и Сергей Артемьев. Он разделил успех вместе со своими товарищами – молодыми, но опытными Анатолием Акимовым, Иваном Рыжовым, Александром, Андреем и Петром Старостинными, Виктором Соколовым, Георгием Глазковым, Станиславом Леутой и многими другими. Уже одно это перечисление говорит о том, какими первоклассными силами располагал тогда клуб. Кажется, ничего не стоило затеряться в подобном созвездии имен. Но нет, даже в данном варианте спортивные обозреватели, тренеры, крупнейшие специалисты футбола неизменно отличали в боевом строю красно-белых правого полузащитника Сергея Артемьева.

Я уже обращался к высказываниям Михаила Ромма – человека, еще в далекие дореволюционные годы игравшего за сборную России, а затем ставшего журналистом, крупным, интересным литератором. Осенью 1936 года в очерке, посвященном чемпионскому восхождению «Спартака», он писал: «Есть люди удивительной судьбы: они не очень примечаются зрителями на зеленом поле, они не вызывают

вдохновения у журналистов, потому что не забывают звонких голов и не совершают головокружительных бросков, т. е. не совершают действий, бросающихся в глаза. Только истинные специалисты смотрят на таких людей с искренним восхищением, иногда с завистью, потому что видят: в огромной черновой работе, которую проделывают эти люди за время матча, в их творческом бескорыстии, в их удивительной настойчивости, понимании игры, постоянном создании возможностей для других и состоит ударная сила команды, подлинный фундамент ее побед. К таким игрокам я лично отношу правого хавбека «Спартака» Сергея Артемьева. Думается, что любой футболист мог бы гордиться подобной характеристикой.

С тридцать шестого года я был завсегдатаем московских стадионов. Вот почему имею право поделиться своими личными воспоминаниями об игре Артемьева-младшего.

Как и многие другие футболисты той поры, Сергей имел прозвище, и это значило, что публике он не безразличен, что она выделила его в общей массе спортсменов, признала своим, близким, заметным в тех поединках, которые ведутся на зеленом поле. Сергея называли любовно и уважительно – Слон, видимо, за то, что сражался он всегда азартно, горячо, но не резво, двигался по полю скорее медленно, чем быстро, действовал деловито, с какой-то хозяйской серьезностью. Был он удивительно мудр тактически.

– Серега – человек с пониманием, игру он чувствует прекрасно, – говорили о нем на трибунах.

И в самом деле он очень тонко чувствовал, кому и когда именно надо сделать пас, как вывести на ударную позицию того или иного нападающего. Он досконально знал скоростные, технические и тактические возможности каждого партнера и всегда учитывал их в игре: скоростнику «выложит» мяч на свободное место, за спину защитника, предложит

сыграть на рывке; тому, кто свободно обращается с мячом на «пяточке», не побоятся сделать кинжальную передачу в ноги даже тогда, когда совсем рядом находится его соперник; а с тем, кто не любит (да и не умеет) обводку, сыграет «в стенку» и таким манером пройдет оборонительный рубеж.

– Легко и приятно играть с Сергеем, – неизменно говорили о нем товарищи по команде.

В 1937 году, после своей блистательной победы над басками, московский «Спартак» получил право представлять нашу страну на футбольном турнире III Мировой рабочей олимпиады, которая проходила в Антверпене. Состав участников этого состязания оказался очень неровным. Наряду с явно слабыми здесь были коллективы, имевшие подготовку на уровне высокого международного класса. Трудные игры для москвичей были в полуфинале и финале.

В полуфинале жребий свел «Спартак» с сильной, волевой командой, представлявшей республиканскую Испанию. В ее составе были настоящие мастера своего дела, футболисты очень техничные, физически сильные. Поединок с ними спартаковцы выиграли ценой огромных усилий с минимальным перевесом – 2:1.

На следующий день в специальном выпуске газеты «Рабочая олимпиада» этой встрече была посвящена одна из полос. В отчете, подписанном тренером французской команды Франсуа Менье (кстати, проигравшей нашим ребятам со счетом 1:7), говорилось: «Советские товарищи проявили вчера на поле высокое мастерство, ставящее их в один ряд с сильнейшими командами континента, а также поражающую выдержку... Среди отдельных игроков мне бы очень хотелось отметить полузащитников, особенно поистине неутомимого и мудрого Сергея Артемьева. Первый гол в ворота каталонцев, во многом предрешивший исход борьбы, был забит Георгием Глазковым, но соавтором его, бесспорно, является советский правый хав...» В этой рецензии очень лестные оценки

давались и другим игрокам «Спартака», в частности Андрею Старостину, но французский тренер считал необходимым прежде всего выделить нашего героя.

Сергей Артемьев вошел в силу уже тогда, когда советский футбол получил современные организационные формы, переживал пору буйного расцвета. Он был трехкратным чемпионом страны, двукратным обладателем Кубка СССР, чемпионом III Мировой рабочей олимпиады в Антверпене. Право же, следовало гордиться таким блестящим перечнем достижений, к которым Сергей пришел вместе со своей командой.

Безвременная смерть вырвала его из жизни. Но он на долгие годы остался в памяти любителей футбола большим, настоящим мастером этой великолепной игры.

В те же, тридцатые, годы фамилия Артемьевых звучала и на футбольных и хоккейных полях Ленинграда. В городе на Неве выступал в составе знаменитой «Красной Зари», а иногда и сборной, еще один из пяти братьев – Тимофей. Начинал он тоже, конечно, на Красной Пресне, играл в «Пищевике», пользовался известностью и авторитетом у московских зрителей.

В 1927 году, Тимофею тогда исполнилось двадцать четыре года, его призвали на военную службу. Стал он военным моряком, черноморским, а потом и балтийским подводником. Неоднократно выступал в команде Одессы, потом, переехав на север, вошел в ленинградский футбол.

Играл Тимофей в линии атаки, на месте центрального нападающего, и этим во многом объясняется то, что его, бесспорно, высокому мастерству не всегда уделялось должное внимание. Более того, Тимофея иногда довольно резко критиковали. Причина? Ее увидеть нетрудно: ведь эталоном центрального нападающего для ленинградцев был в ту пору великолепный, ни с кем не сравнимый Михаил Бутусов. Прямо скажем, трудно было с ним тягаться в славе и

мастерстве. И если даже при такой «крайне невыгодной» ситуации имя Артемьева звучало в ленинградском и всесоюзном футболе достаточно громко и убедительно, то это лишь подтверждает уже сделанный нами вывод, что он был вполне достоин своей гордой и уважаемой фамилии.

16 июня 1936 года. Матч против будущего чемпиона страны – столичного «Динамо». Москвичи играют с блеском и побеждают со счетом 5:1. На следующий день в газетном отчете сообщалось: «Среди гостей можно выделить, пожалуй, лишь одного Тимофея Артемьева, показавшего агрессивную игру, проявившего много настойчивости. Кстати, именно его сильнейший удар помог «Красной Заре» уйти от «сухого счета».

А вот описание матча на Кубок СССР между очень сильными в ту пору динамовцами Ростова-на-Дону и «Красной Зарей»: «Победили северяне со счетом 2:1. Оба мяча в ворота ростовчан влетели после ударов Артемьева». Всего через несколько дней он же принес своему коллективу победу в трудном поединке одной восьмой финала Кубка СССР против московских автозаводцев. Счет 1:0. Тимофей Артемьев провел в ворота этот единственный мяч после своего отличного сольного прохода.

Часто его фамилия мелькала и в отчетах о хоккейных сражениях. Рассказывая о матче 10 февраля 1937 года против архангельского «Моряка», корреспондент ленинградской газеты писал: «На седьмой минуте Артемьев открывает счет, на двадцать пятой – удваивает его. На новом для себя месте правого полусреднего этот форвард прекрасно проявил себя...» Такие же высокие отзывы давала ему пресса после матчей с московским «Динамо» и многих других.

Пятый из братьев Артемьевых – Георгий (или Егорыч, как звали его любовно многочисленные болельщики)– тоже оставил заметный след в истории футбола. А после войны любители спорта услышали имя Виталия Артемьева – сначала

игрока команды ВВС, а затем бессменного на протяжении многих лет капитана московского «Локомотива». Как и его отец Сергей Тимофеевич, Виталий играл на месте правого полузащитника. Играл свежо, талантливо, с подлинным мастерством. А сейчас он тренирует молодежную экспериментальную сборную команду страны, выступающую под флагом «Буревестника».

Когда-то, в середине двадцатых годов, квартира Артемьевых на Красной Пресне была настоящим штабом футбольной Москвы, Здесь решались многие важнейшие организационные вопросы, обсуждались планы предстоящих состязаний, просто устраивались теплые, дружеские встречи. На них бывали и футболисты, и болельщики. Пришел сюда однажды и молодой художник Сергей Пименов. Он оставил о себе память: рисунок, на котором пять братьев изображены скачущими вперед на оседланных ими... мячах.

В июле 1981 года в историко-революционном музее «Красная Пресня» общественность столицы отмечала 80-летие одного из славных представителей этой семьи – Петра Тимофеевича. На юбилей пришли ветераны партии, седовласые комсомольцы двадцатых годов, знаменитые спортсмены. От их имени выступил перед людьми, заполнившими зал, заслуженный мастер спорта, олимпийский чемпион Лев Яшин. Обращаясь к взволнованному юбиляру, он сказал:

– Все, что сделано вами лично и всей вашей семьей, никогда не забудется. Ваши дела стали золотым фондом советского футбола, ваше благородство, высокая гражданственность, преданность служат великим примером для молодежи и зовут ее на новые спортивные подвиги.

ПРОШЛОЕ СМЫКАЕТСЯ С НАСТОЯЩИМ

Одну из своих первых статей, посвященных любимой игре, Николай Петрович Старостин озаглавил романтично: «Мы были «колумбами» московского футбола». Эти слова он относил к своему поколению, к тем многочисленным, известным и неизвестным героям нашего спорта, которые приняли и полюбили футбол тогда, когда был он еще не признанным грандом в мире игр, а скорее спортивной Золушкой, ютившейся на задворках царской России.

Говоря обо всех, Николай Петрович вместе с тем, конечно, относил к числу наших футбольных «колумбов» и свою знаменитую спортивную семью. Но здесь он явно поскромничал. В истории московского и всего отечественного футбола ей принадлежит особое место. С фамилией Старостиных связан огромный исторический период, охватывающий более шести десятилетий и вобравший в себя почти все наиболее значительные, этапные события становления и развития любимой народом игры.

– Достаточно изучить биографию Старостиных, чтобы считать себя истинным знатоком советского футбола, – сказал Николай Николаевич Озеров на торжественном заседании, посвященном восьмидесятилетию Николая Петровича Старостина в феврале 1982 года.

В этой шутливой фразе, несомненно, есть значительная доля правды. И мы еще не раз убедимся в справедливости такого утверждения.

Маленький домик на пресненском Камер-Коллежском валу в Грузинах был построен Московским обществом охоты для своих прославленных, пользовавшихся всеобщим уважением егерей-окладчиков Дмитрия и Петра Старостиных.

У Дмитрия Ивановича семья была небольшая: сам, жена Агафья Никифоровна да сын Иван. У его же брата совсем иное дело: шестеро детей – Николай, Александр, Андрей, Петр, Клавдия и Вера.

Главной темой разговоров в этом доме была, естественно, охота. Братья слыли среди всех, кто их знал, искуснейшими рассказчиками. Особенно славился Дмитрий Иванович. Он воспроизводил пережитое в лицах, с одинаковым мастерством подражая людям, зверям и птицам, изумительно рисуя пейзажи, завораживая слушателей картинами борьбы и погони. Во все это охотно верилось. Оба Старостиных были рослые здоровяки. Привыкшие к строжайшему режиму, никогда, ни при каких обстоятельствах не употреблявшие алкоголя, отменно тренированные, они удивляли даже бывалых людей, даже самых заядлых и опытных охотников своей невероятной выносливостью. Отмахать в день по лесам да болотам двадцать– тридцать километров было для них обычным делом. Случалось, да не раз, преодолевать за сутки и вдвое больше.

– Это нам ничего не стоит,– говорил без всякой кичливости Петр Иванович.– И больше бы прошагали, да собаки устают.

В свободные зимние вечера в уютном домике на Камер-Коллежском валу, а летом – в деревне, куда выезжали всей семьей, взрослые мужчины вели отчаянные споры: чей пес лучше, кто наиболее ловко проявил себя на охоте, чье решение принесло в конце концов удачу.

Этот дух спортивного соперничества, дух честного и в

то же самое время непримиримого противоборства неизбежно передавался сыновьям. Но были у них уже другие интересы, влекли мальчишек другие дела и забавы.

Если бы существовала та чудесная машина времени, о которой уже не раз говорили и писали фантасты, если бы мы с вами, дорогой читатель, смогли совершить путешествие в далекие годы, то убедились бы, какой искренней и всеобщей любовью пользовались в ту пору в Москве коньки. Город тех лет восхищал обилием катков для массового пользования. Они сверкали призывными огнями на Чистых и Патриарших прудах, на Петровке и в Самарском переулке... И на Красной Пресне отличные дорожки заливали сразу три стадиона-соседа. Последние два граничили друг с другом заборами. Часто на них проводились матчи трех стадионов, в которых разрешалось выступать всем их воспитанникам, независимо от того, к каким обществам и ведомствам они принадлежали. Москва жила своими конькобежными кумирами – Никитой Найденовым, Яковом Мельниковым, Василием и Платоном Ипполитовыми...

Мимо коньков не проходил в ту пору ни один горожанин. С них в разное время, в зависимости от возраста, начинали свое физкультурное образование и все четыре брата Старостины.

Как почти во всякой многодетной русской семье, у Старостиных все начиналось со старшего. Увлечшись конькобежным спортом в раннем юношеском возрасте, Николай тесно сошелся с членами Русского гимнастического общества (РГО), известного своими выдающимися мастерами ледяных дорожек, легендарными чемпионами мира и Европы Николаем Струнниковым, Николаем Седовым, братьями Ипполитовыми, прославившими отечественный спорт. Дыша одним воздухом с ними, наблюдая за их упорными тренировками и блестящими победами, он впитывал в себя благородное чувство высокой ответственности за результат, в

нем появилось и росло день ото дня стремление к высшему спортивному мастерству, к виртуозности и, чего греха таить, к славе.

Чемпионы скоростного бега на коньках из Старостиных не вышли. Однако время, проведенное на беговых дорожках, не пропало даром. Все братья постепенно стали отличными мастерами русского хоккея – великолепной игры, по праву называвшейся зимним футболом. У этих игр и в самом деле много общего: конечная цель, расстановка игроков, тактические построения, формы и методы ведения атаки. В ту пору, когда не знали у нас поездок на юг для проведения учебно-тренировочных сборов, когда не могли даже мечтать о спортивных Дворцах и комплексах, русский хоккей был поистине незаменимым средством зимней подготовки спортсменов. И не случайно все выдающиеся мастера нашего футбола, например Михаил Бутусов, Павел Канунников, Петр Дементьев, Михаил Якушин и многие другие, известны и как выдающиеся хоккеисты. Все это в полной мере относится и к Старостиным. Николай, Александр, Андрей были признанными авторитетами плетеного мяча, все они в различное время неоднократно играли в составе сборной команды Москвы, и об этой части их спортивной жизни можно было бы написать отдельную книгу.

Но с раннего детского возраста самой большой, самой искренней любовью сыновей известного московского егеря стал футбол. В семнадцать лет Николай Старостин был принят в первую команду Русского гимнастического общества, культивировавшего, как мы видим, игру в кожаный мяч. Правда, вскоре полыхнуло пламя Великой Октябрьской революции, закружились вихри гражданской войны, яростных сражений с иностранными интервентами. Поэтому можно с полным основанием сказать, что настоящая футбольная биография Старостиных почти совмещается с биографией нашего советского отечественного футбола.

Великий Октябрь создал все условия для бурного развития физической культуры и спорта среди широких масс, но в первые годы Советской власти они по вполне понятным причинам не могли быть полностью использованы. И все же, несмотря на военные тревоги, голод, разруху, футболисты нашли в себе моральные и физические силы и организовали турнир на первенство города. Советское правительство к этому времени переехало из Петрограда в Москву, и чемпион белокаменной впервые получил право в 1918 году именоваться чемпионом столицы. Почетное право завоевали тогда спортсмены Замоскворецкого клуба спорта.

Шло время и приносило с собой всевозможные перемены. Например, чемпионат 1922 года стал последним для таких известных в прошлом московских команд, как ЗКС, СКЗ, ОЛЛС. Они исчезли в результате начавшейся перестройки всей системы физкультурной работы на новой, демократической основе. Традиционные, по существу буржуазные клубы старой Москвы уступали место новым, пролетарским... Среди них был и Московский клуб спорта (МКС). В его составе в момент основания были такие известные мастера, как П. Тикстон, И. Артемьев, Л. Маслов, П. Канунников. И среди них мы видим двадцатилетнего Н. Старостина. Его игра сразу привлекла всеобщее внимание, получила высокую оценку.

В конце сезона 1922 года Москва встречала футболистов Финляндии – сборную рабочего спортивного союза этой страны (ТУЛ). Сначала гости сыграли с командой СКЗ, а затем против них выступила сборная Москвы. В этом самом первом после Октябрьской революции международном матче среди тех, кому было доверено защищать цвета столицы, был и Николай Старостин. Вместе с ним этой

высокой чести удостоились Н. Соколов (СКЗ³), А. Андреев (КСО), С. Сысоев (ЗКС), С. Дмитриев (ОЛЛС), С. Бухтеев (СКЗ), Н. Григорьев (СКЛ⁴), И. Исаков (ЗКС), П. Канунников (МКС), К. Жибоедов (ОЛЛС), В. Прокофьев (МКС). По оценке обозревателей это был один из наиболее оптимальных составов.

В матче с финской командой москвичи победили – 3:0. Не будем придавать особого значения этому успеху, ибо посланцы страны Суоми не представляли собой значительной футбольной силы. И все-таки обратим внимание на слова журналиста Б. Громова, отмечавшего дружную игру москвичей, среди которых был особенно активен, действовал смело и уверенно молодой Николай Старостин.

Прошел еще год. Он ознаменовался своеобразной сенсацией в чемпионате Москвы. Лучшей командой стала на этот раз «Красная Пресня». В ее составе на правом краю нападения прочно закрепился Николай Старостин.

Очевидцы, а мне довелось побеседовать со многими из них, с удовольствием вспоминали футбольные спектакли с его участием. Быстрый, выносливый, никогда не щадивший себя Николай совершал стремительные фланговые рейды, вызывая этим бурную реакцию зрителей. Ему были органически чужды самоуспокоенность, равнодушие, робость перед авторитетами. Какой бы соперник ни противостоял «Красной Пресне», Старостин-старший всегда был заряжен на атаку, всегда смело рвался вперед, увлекая за собой и других форвардов. Вот эти качества и выдвинули его в короткий срок на роль лидера команды, хотя в ту пору в ней играли и более известные

---

³ Спортивный кружок Замоскворечья

⁴ Сокольнический кружок лыжников

футболисты.

Тут следует вернуться на несколько лет назад, когда Николай дебютировал в составе команды Русского гимнастического общества на том же самом правом краю нападения. Приняли тогда москвичи молодого форварда откровенно плохо. Мнение было единодушным:

– Нет скорости!

Обвинение для флангового игрока очень серьезное. По существу, это был приговор к отлучению. И тут сказался характер этого прирожденного спортсмена. Он не хныкал, не сдавался, не удовлетворился положением середнячка, а твердо поставил цель: стать быстрее в команде. И шел к ней настойчиво. Пятьдесят и более рывков в день – вот средство, которое он избрал для достижения цели. Делал эти рывки он в любое время дня. Шел, скажем, по Тверской улице или по Большой Никитской вместе со всеми прохожими обычным шагом и вдруг срывался с места и мчался двадцать – тридцать метров изо всех сил.

– Вот одержимый! – крестились старушки, прижимаясь к краю тротуара.

– Забрать бы его в полицейский участок, – советовали почтенные граждане.

– Да он сумасшедший, – констатировали третьи.

Но ни эти реплики, ни увещания домашних не могли поколебать решимости молодого человека. Из дня в день, из месяца в месяц, из года в год гнался он за скоростью. И догнал ее! В середине двадцатых годов все специалисты единодушно сходились во мнении, что Николай Старостин, бесспорно, быстрее нападающий московского футбола. Об этом не раз писали в коротких газетных отчетах того времени.

Заметный рост мастерства и соответственно авторитета, известности старшего из братьев служил примером для остальных – Александра и Андрея. Вся их спортивная жизнь, становление в качестве настоящих, признанных игроков

неизменно связаны с Московским клубом спорта, который впоследствии, как мы знаем, был переименован в спортивный клуб «Красная Пресня». Все братья уже значились в составах его команд от первой до юношеской.

В клубе, на новом стадионе, построенном им, спортивная жизнь проходила интересно, весело, людно, болельщиков с расположенной неподалеку знаменитой «Трехгорки» и других предприятий района было хоть отбавляй. Многие из них вскоре сами заражались страстью и физкультуре. Спортивные секции множились. В те времена спортсмены были, как правило, универсалами. Подавляющее большинство футболистов, как: уже отмечалось, зимой играли в хоккей, были отменными баскетболистами, защищали честь своего клуба в состязаниях по легкой атлетике и скоростному бегу на коньках, часто их фамилии встречались в протоколах чемпионатов лыжников.

Спорт тянул к себе людей. Он был одним из ярких выразителей нового быта, новых общественных и социальных отношений. Рабочий люд, завоевывавший здесь же, на баррикадах Красной Пресни, свое право на свободу, теперь стремился к необозримому богатству физической культуры.

На новом стадионе часто организовывались спортивные праздники. На его зеленом поле выступали пропагандисты «трудовой гимнастики», демонстрировали свое искусство силачи и акробаты, по аккуратно расчерченным дорожкам проносились велосипедисты, неизменно волновали сердца зрителей участники легкоатлетических эстафет.

И конечно, ни один праздник, да и вообще ни один воскресный день не обходился без футбола. Эта игра уже тогда стала предметом большой привязанности людей, она олицетворяла в их сознании понятия высшей спортивности, высшего интереса. Футбол был выражением духа коллективизма и товарищества, духа непримиримой борьбы, мужества и отваги, мастерства и красоты – всего того, что так

любили и ценили на Красной Пресне.

Местная команда выступала с неизменным успехом. В 1923 году она впервые завоевала звание чемпиона столицы, в следующем году повторила этот успех, выиграв все встречи и сделав лишь одну ничью – с «Динамо». В финале (предварительно участники были разделены на две группы, в которых игры проводились по круговой системе) краснопресненцы встретились с клубом «Красное Орехово» и победили со счетом 4:0. Два гола в ворота соперников провел Николай Старостин.

«Он играл прекрасно, вдохновенно и вел за собой товарищей, увлекал своим порывом, своей страстью, своей неистребимой жадностью победы», – написал журналист и спортсмен Борис Громов. И это далеко не единичная похвала такого рода в адрес Николая. Он становился все более и более заметной фигурой в футбольной жизни города. Если еще год-два назад старшего из Старостиных называли достойным учеником Павла Канунникова, то теперь он уже сам личность, имя, авторитет в многоликой, богатой знаменитостями футбольной семье города. Он один из наиболее ярких и характерных выразителей облика и духа краснопресненской команды. Он наиболее яркий, наиболее заметный представитель нового поколения мастеров, идущего на смену ветеранам, представляющего мощную волну советского футбола. И теперь уже ни одно сколько-нибудь значительное событие в спортивной жизни Москвы не обходилось, просто немислимо было без него.

* * *

С каждым годом Советской власти все больше оживлялась и приобретала невиданный прежде размах спортивная жизнь страны. Рос, набирал силы советский

футбол. В сезоне 1924 года впервые были разыграны первенства РСФСР и СССР. Оба соревнования прошли в острой, увлекательной борьбе.

После того как сборная Москвы в предварительном круге легко выиграла у команды Казани – 5:1 (два гола были на счету Николая Старостина), многие предсказывали ей и окончательную победу в состязаниях. Казалось, так оно и будет: футболисты столицы отлично провели почти весь матч против сборной Ленинграда в финале первенства РСФСР и за десять минут до окончания вели со счетом 4:2. Однако затем допустили беспечность по отношению к выдающемуся советскому бомбардиру Михаилу Бутусову и были жестоко наказаны за это: два сто пушечных удара, произведенных с дальних дистанций, достигли цели, и счет к финальному свистку стал 4:4. В переигровке спортсмены с берегов Невы сумели вырвать победу – 1:0. Несмотря на относительную неудачу, игра столичных спортсменов была оценена советской прессой положительно. Газеты обоих городов, кроме бесспорного героя матчей Михаила Бутусова, выделяли ленинградцев – вратаря А. Полежаева, защитника П. Ежова, полузащитника П. Батырева, а также москвичей Ф. Селина и Н. Старостина. Москвичи показали в этом трудном состязании высокие бойцовские качества.

Все чаще и чаще выступала в состязаниях сборная Москвы. В июле того же года она встречалась со сборной рабочего спортивного союза Финляндии (3:1), в августе принимала очень сильную команду рабочего спортивного союза Норвегии АИФ и победила ее 9: 0, затем следует крупный выигрыш у рабочей команды Германии. Во всех этих поединках Николай Старостин неизменно занимал свое место на правом краю нападения. Лучшего кандидата на это амплуа в городе, располагавшем целым созвездием великолепных футболистов, попросту не было.

В своей книге «Звезды большого футбола», вышедшей в

свет в 1967 году и затем неоднократно переиздававшейся, Николай Старостин писал:

«Без крепких флангов не может быть первоклассного ансамбля. Если у команды один из крайних плох или бездействует, она выглядит как птица с поврежденным крылом. Когда нет острых атак на флангах, матч обычно малоинтересен.

Крайние форварды всегда меньше участвовали в погонях за мячом, но компенсировали это резкостью, темпераментом и индивидуальным мастерством. Неудобство позиции заставляло их отрабатывать технику, а частые рейды с мячом вперед обязывали иметь высокую скорость.

Малотехничный, без отличного спринта футболист не может рассчитывать на место крайнего форварда. Такие игроки появляются на флангах только потому, что нет лучших. Их непригодность на эту роль видит почти каждый зритель. Но именно талантами на флангах всегда был славен советский футбол. Русскую тройку украшают лихие пристяжные, линию нападения – отменные крайние нападающие».

Все эти высокие и гордые слова о фланговых игроках советского футбола, которые произнес Николай Старостин, в полной мере и в первую очередь относятся к нему самому. Помнится, в 1967 году многие наши спортивные издания провели среди своих читателей анкету с просьбой назвать символическую сборную Советского Союза по футболу за всю его историю. Таких сборных было составлено несколько. В их комплектовании приняли участие люди самого разного возраста, представители нескольких поколений болельщиков. И в каждой команде любовью, преданностью сердец, доброй памятью поколений на место правого крайнего был поставлен Николай Петрович Старостин, спортсмен, который как никто другой тонко понимал смысл и сущность этого амплуа. Вот почему его присутствие в составе сборной Москвы, а потом и сборной Советского Союза казалось в свое время просто-

напросто обязательным. Вот почему, повторяюсь, мы с полным основанием говорим, что на протяжении десятилетий футбольная жизнь страны и личная жизнь Старостиных совмещаются почти синхронно.

Однако возвратимся на выверенную дорожку хронологии. Подводя итог уже отшумевшему лету и золотой спортивной осени, 15 октября 1924 года выходявшая тогда у нас «Красная газета» писала: «Оживилась футбольная жизнь. Нынешний сезон удался на славу и принес нам всем много радости».

Не знали, не могли еще знать журналисты, что главное событие сезона впереди. А произошло вот что.

Летом 1924 года Париж стал столицей Олимпийских игр, в программе которых видное место занял футбол. В турнире мастеров кожаного мяча приняли участие спортсмены 21 страны. Успешно дошла до одной восьмой финала национальная сборная Турции. Только здесь она уступила сильнейшему сопернику – сборной Чехословакии (2:5). В отчетах об этой встрече турецким футболистам, несмотря на проигрыш, была дана самая лестная оценка.

Потерпев неудачу на пути к олимпийской славе, спортсмены Турции не унывали и решили провести ряд международных встреч на различных стадионах Европы. И нужно сказать, что в товарищеских матчах лета и осени двадцать четвертого года спортсмены с берегов Босфора хорошо проявили себя. В Стокгольме была побеждена сборная Швеции (2:1), в Хельсинки – сборная Финляндии (4:2); затем последовали не менее успешные выступления против национальных команд Эстонии (3:1) и Латвии (4:1) на их полях.

После этого турецкие спортсмены изъявили желание посетить нашу страну. Еще в олимпийском Париже они передали специальное письмо в Международную футбольную ассоциацию, в котором просили «ввиду чрезвычайных успехов

русского футбола, имеющих место в последнее время, разрешить проведение нескольких встреч с командами Советов». Одновременно в письменной форме они сделали предложение нашему Высшему Совету физической культуры при ВЦИК СССР.

В начале ноября гости прибыли в Москву. Наша столица жила предпраздничными ожиданиями, готовилась отметить седьмую годовщину Октября. Но и это не снизило интереса к предстоящим состязаниям – первым для советских футболистов, проводившимся на таком высоком международном уровне.

8 ноября против гостей выступила вторая сборная Москвы. Она проиграла со счетом 1:3. Счет мог быть еще более неприятным для нее, если бы не отличная игра динамовского вратаря Федора Чулкова. Он взял тогда несколько трудных мячей.

Турецкие спортсмены показали себя в этом состязании с самой лучшей стороны: они были быстры, умело комбинировали. Их победа дала толчок небывалой футбольной лихорадке, охватившей столицу. Посмотреть игру турецкой сборной теперь, казалось, хотели все.

9 ноября с турками играла первая команда города. Своих товарищей на поле вывел Николай Старостин, единодушно избранный капитаном спортивной дружины. Потом он долгие годы носил на рукаве капитанскую повязку и передал ее затем своему брату – Александру, а тот, в свою очередь, – Андрею. Все трое в разное время были и капитанами сборной Советского Союза.

Матч со сборной Турции москвичи выиграли в отличном стиле – 2:0. Только что начавшая тогда свое существование газета «Красный спорт», комментируя этот успех в специальном выпуске, писала: «Оба гола сделаны великолепным Петром Исаковым при самой активной и непосредственной помощи Николая Старостина. Эта пара да

еще Федор Селин были украшением команды столицы, показавшей хорошую, интересную игру».

* * *

Четыре брата Старостиных, составившие знаменитую в нашей стране футбольную династию, видятся мне постоянно в двух перспективах. В возрастном плане их разделяют считанные годы: Николай родился в 1902-м, Александр – в 1903-м, Андрей – в 1906-м и Петр – в 1908-м. В футболе же они представители и выразители трех различных эпох, хотя были в их жизни такие счастливые периоды, когда они вместе выходили на поле в составе своего клуба, сборной Москвы и даже сборной страны.

Николай – представитель того поколения, которое проявило себя еще в дореволюционную пору и передавало эстафету традиций русского национального футбола нашему, советскому. Он был современником таких мастеров кожаного мяча, как Н. Лавров, М. Исаев, П. Лавров, К. Блинков, П. Канунников, П. Исаков, А. Шапошников, а также многих других. Он играл в составе сборной столицы еще в первые дни Советской власти и был одним из летописцев нашей новой футбольной истории.

Отставая от старшего брата всего на год по паспорту, Александр оказался в совсем другой когорте футболистов. И этому есть свое объяснение. Футбольная Москва начала двадцатых годов была богата именами. Авторитеты держались прочно, границы возрастного ценза спортсменов простирались в ту пору до тридцати, а часто и далеко за этот рубеж. Нужно было обладать истинным талантом игрока, высокими гражданскими качествами, чтобы попасть в элиту.

Александр Старостин старался изо всех сил тянуться за уже утвердившим свое имя в большом спорте старшим

братом. Избрав ампула защитника, он последовательно поднимался по сложной иерархической футбольной лестнице, последовательно выступая за четвертую, третью, вторую команды «Красной Пресни». В сезоне двадцать шестого года его включили в первый состав, и он прочно закрепился в нем, а вскоре и в сборной столицы. Сначала вместе со старшим братом, а затем с младшими ему довелось быть участником и свидетелем многих ярких спортивных событий.

В 1925 году страна под руководством ленинской партии успешно завершила программу восстановления хозяйства и начала переход к новому этапу хозяйственного и культурного строительства. Широкие горизонты открывались перед народом во всех сферах общественной жизни. Расцветал, набирал силы, приобретал новые черты, новые формы и наш спорт, в том числе футбол. Он становился все более массовым, наладилась система соревнований, значительно расширился календарь международных встреч с лучшими рабочими командами различных стран. И все-таки самые яркие, самые интересные и в своем роде неповторимые дни московского и всего советского футбола были еще впереди.

Наступил 1928 год. Советская власть только что отметила первое свое десятилетие. В честь этого знаменательного события решено было подвести первый итог грандиозной работы, проводимой партией по физическому воспитанию трудящихся, устроить всесоюзный праздник спорта. Встала задача: как определить его характер, какое дать ему имя? И именно тогда родилось и утвердилось в нашем лексиконе такое знакомое ныне, такое привычное слово – Спартакиада.

Как, почему оно родилось? Где были его истоки? В ту пору наша пресса печатала широкие разъяснения на этот счет. Вот, пожалуй, наиболее точное, наиболее интересное из них, принадлежащее перу видного партийного и государственного деятеля, представителя славной ленинской гвардии, одного из

заместителей Оргкомитета Спартакиады Миха Цхакая:

«Мы берем слово Спартакиада от имени Спартака, исторического героя древнего мира, вождя восставших рабов против римских аристократов.

Гладиаторы восстали во главе со Спартаком; рабы цирка обратились в настоящих бойцов. Свою физическую подготовку, полученную в школе гладиаторов, они хорошо использовали для освобождения себя и себе подобных, подняв знамя восстания. Вот почему имя гладиатора Спартака окружено ореолом славы и величия и пользуется симпатиями у всех пролетариев и трудящихся мира.

Вот почему наше всесоюзное, всепролетарское выступление по физкультуре мы назвали Спартакиадой. К. Маркс очень любил это имя – Спартак, и наш Ильич – тоже. Это имя всеисторично и интернационально, т. е. обнимает все эпохи, все народы, борющиеся за свою свободу, за братскую солидарность, за уничтожение гнета и эксплуатации человека человеком, одним словом, за социализм, за коммунизм!

Одновременно со Спартакиадой в Москве летом 1928 года проходил VI конгресс Коминтерна. Это совпадение знаменательно. Как конгресс Коминтерна, так и Спартакиада объединили трудящихся, борющихся за социализм и коммунизм. Они неотделимы в общей борьбе за революцию – классическая физическая культура Спартака и революционная боевая культура Маркса – Ленина!»

В этих словах нас привлекает глубокое, философски мудрое объяснение названия наших главных физкультурных праздников, их смысла и духа. Спартакиада – это не только и даже не столько борьба за медали и рекорды, хотя они всегда желательны и нужны. Спартакиада – это духовное и физическое единение народа, это смотр его готовности к труду и обороне Родины.

Всесоюзная Спартакиада 1928 года явилась действительно грандиозным, величественным событием. В ней

участвовали спортсмены всех братских народов, населяющих нашу страну, а также 612 атлетов, представлявших рабочие спортивные организации 17 стран – Австрии, Англии, Аргентины, Бельгии, Германии, Норвегии, Финляндии, Франции, Уругвая и других. Таким образом, Спартакиада стала по существу международной. На ее старты вышло 7125 участников.

Совсем еще маленьким человеком, почти ребенком окунулся я в многоцветье этого необыкновенного праздника, но до сих пор храню в памяти каждую его деталь, настолько глубоко все врезалось в мое сознание.

В субботу, 11 августа, на Ленинградском вокзале москвичи встречали многочисленную группу иностранных спортсменов – немцев и французов. На Каланчевской (ныне Комсомольская) площади, огромной и всегда многолюдной, состоялся митинг. От имени гостей выступил атлет могучего сложения, борец Зееленбиндер:

– Мы приехали сюда, чтобы поклониться Ленину и увидеть, как претворяются в жизнь, в конкретные дела его великие идеи. Мы приехали, чтобы заявить на весь мир: рабочие-спортсмены Европы с вами, друзья из Страны Советов!

Когда переводчик произнес эти слова, площадь взорвалась бурной овацией.

– Да здравствует мировая революция!

– Пролетарии всех стран, соединяйтесь! – раздавалось на немецком, французском и русском языках.

Прошло несколько дней, и Зееленбиндер в блестящем стиле выиграл звание чемпиона Спартакиады по классической борьбе в полутяжелом весе. Позже мы узнали его как пламенного немецкого патриота, коммуниста-тельмановца, отважного борца с ненавистным фашизмом.

А в тот день вечером в Центральном Доме Красной Армии на площади Коммуны состоялся праздник

пролетарской смычки. Тысяча двести красноармейцев – участников военных соревнований Спартакиады встретились с прибывшими в Москву иностранными спортивными делегациями двенадцати стран. Коллективы художественной самодеятельности столицы подготовили много интересных номеров. В программе были представлены произведения Бетховена, Бизе, Грига, Дебюсси, Моцарта, Штрауса, отрывки из пьес Шекспира и Мольера на английском и французском языках. Торжество продолжалось всю ночь. А утром его участники отправились на Воробьевы горы.

Редкое по красоте зрелище представляли горы в тот воскресный день 12 августа – день торжественного открытия Спартакиады. По склонам, окружившим большой зеленый луг полукольцом естественных трибун, разместилось свыше тридцати тысяч москвичей, преимущественно рабочих с семьями. А на самом лугу не менее десяти тысяч человек самого разного возраста, наряженных в разноцветные бумажные костюмы, вооруженных трещотками, хлопущками, молотками, косами и прочим незатейливым инвентарем, активно участвовали в игре действе, плясали, пели, декламировали.

В тот же день в честь открытия Спартакиады на Красной площади состоялся грандиозный физкультурный парад. Он произвел на всех неизгладимое впечатление. С одиннадцати часов утра и до трех часов дня шла мимо Мавзолея В. И. Ленина спортивная молодежь Страны Советов. Шли в красочных национальных костюмах украинцы, белорусы, узбеки, грузины, таджики, армяне, казахи, представители других национальностей и народностей, населяющих Советский Союз. Шествие поражало богатством красок, а главное – искренностью, оптимизмом участвовавших в нем людей. Парад и массовые выступления на Красной площади завершились пением «Интернационала». Многотысячным хором и оркестром дирижировал автор этого

гимна пролетариев восьмидесятилетний Пьер Дегейтер, прибывший специально для этого из Парижа.

Замечательным подарком к Спартакиаде стал недавно построенный центральный стадион «Динамо», на котором проходили поединки мастеров кожаного мяча. Он, по свидетельству наших зарубежных гостей, оказался одним из самых красивых, удобных и вместительных в Европе. Об этом стадионе, появившемся в молодой Стране Советов, с большим удовлетворением и теплотой писал в те дни основатель Олимпийских игр современности Пьер де Кубертен.

Программа Спартакиады была обширной. Она вобрала в себя состязания по всем олимпийским видам спорта, а также многим народным и прикладным. На всю страну гремели имена дальневосточного спринтера Тимофея Корниенко, показавшего в беге на 100 и 200 метров результаты самого высокого международного класса, москвички Марии Шамановой, победившей в пяти видах программы. Увлекательными были турниры легкоатлетов, пловцов, боксеров, штангистов, борцов, теннисистов...

И все-таки абсолютным чемпионом по популярности, бесспорным героем физкультурного праздника стал его величество футбол. Если до этого футбол всегда привлекал внимание определенного числа людей, то в дни Спартакиады он превратился в предмет всенародной любви, поклонения миллионов людей. Ни один вид состязаний на Спартакиаде не пользовался таким вниманием, как футбол. В течение почти двух недель все игры проходили при огромном стечении зрителей, в дни решающих матчей их число достигало рекордной в то время цифры – сорок пять тысяч человек.

Люди и улицы Москвы дышали бодростью и здоровьем, на всем была печать радости, веселья. С огромных плакатов, украшавших здания, стреляли замечательные слова Владимира Маяковского: «Так и надо – крой, Спартакиада!»

А у стадиона «Динамо», поднявшегося бетонной

громадой в Петровском парке, бурлило людское море. Тысячи людей, не сумевших достать билеты, толпились у входов в надежде каким-то чудом попасть на заполненные до предела трибуны.

Московские милиционеры, эти безукоризненно строгие блюстители порядка, позабыв о своих штрафных книжках, терпеливо и даже снисходительно смотрели, как люди вскакивали на ходу в трамваи или висели гроздьями на поручнях. Тем самым они как бы демонстрировали свою безусловную причастность к общему празднику.

Для того чтобы в дни главных футбольных состязаний из центра города попасть в Петровский парк, на стадион «Динамо», ехали сначала в Сокольники, на Преображенскую площадь, и там, у конечной остановки трамвая номер шесть или автобуса такого же номера, вставали в длинную очередь. А после состязаний опять таки прежде ехали к окраине и, возвращаясь, из окон вагонов наблюдали, как тысячи менее догадливых и менее терпеливых граждан отмеривали пешком километр за километром.

В первый день календаря соревнований сборная Москвы выступила против рабочей команды Англии. На этот матч столичных футболистов вывел их капитан Николай Старостин. В составе команды был на этот раз и его брат Александр.

Состязание с посланцами родины футбола сложилось нелегко. В первом тайме гости, показавшие хорошую техническую подготовку, мужественно оборонялись и довольно часто переходили в контратаки. Особенно сильно, остро действовала центровая тройка англичан, возглавляемая рослым, атлетически сложенным, агрессивным форвардом Томми Челендером. Против этого футболиста откровенно таранного типа играл Александр Старостин. Московская публика восторженно приветствовала его исключительно тонкую и вместе с тем смелую и решительную игру. Этот

дебютант сборной не только нейтрализовал своего персонального «подопечного», но и отлично помогал товарищам, появляясь то на одном, то на другом участке поля.

Первая половина матча окончилась безрезультатно.

– Англия есть Англия...

– Да, справиться с этими ребятами будет нелегко... Так говорили во время перерыва на трибунах. Но столичные футболисты быстро рассеяли пессимизм своих земляков. Отлично заигравшее нападение провело в ворота англичан четыре безответных мяча.

Затем команда нашего города обыграла коллектив, представлявший автономные республики и области (9:0), и в очень трудной борьбе – сборную Крыма (4:2). Из семнадцати мячей, забитых столичной командой в этих матчах, шесть пришлось на долю Николая Старостина.

14 августа футбольный календарь Спартакиады был пересмотрен. Решили отдельно разыграть первенство РСФСР и первенство всех других союзных республик, а затем – звание абсолютного победителя Спартакиады.

21 августа на стадионе «Динамо» в присутствии сорока пяти тысяч только официально учтенных зрителей был разыгран финал первенства РСФСР между сборными командами Москвы и Ленинграда.

Футболисты с берегов Невы выставили против хозяев поля свой наилучший состав. Вратарь Н. Соколов, защитник П. Ежов, полузащитники П. Филиппов и П. Батырев, нападающие П. Григорьев, М. Бутусов, Б. Шелагин, В. Кусков, Г. Архангельский – эти имена не нуждались в комментариях, они были известны всей стране. Все эти мастера неоднократно играли в сборной Советского Союза, их класс хорошо знали почитатели замечательной игры. Все самое лучшее, что имела, выставила на этот раз и столица: М. Леонов, М. Рущинский, Александр Старостин, С. Егоров, Ф. Селин, С. Леута, Н. Старостин, П. Исаков, В. Блинков, А. Холин, Н. Троицкий.

Все девяносто минут матч держал зрителей в напряжении. Острые моменты возникали то у одних, то у других ворот.

Еще перед началом поединка многие столичные болельщики испытывали смятение души. И предчувствие их не обмануло. Уже на второй минуте, получив мяч от Григорьева, Михаил Бутусов забил гол в ворота, защищаемые Михаилом Леоновым. Через несколько минут Александр Старостин с трудом ликвидировал острейший прорыв того же Бутусова. Натиск спортсменов с берегов Невы не ослабевал. С предельной нагрузкой действовала защита москвичей, где выделялся своей игрой Александр Старостин.

Перелом в матче наступил на двадцатой минуте первого тайма: рванувшийся вперед Николай Старостин, опередив защитника Ежова, принял мяч от Селина и четко забил ответный гол мимо выбежавшего ему навстречу Соколова. Эта удача вдохновила хозяев поля. Теперь инициативой завладела сборная Москвы, и только исключительные по красоте и точности броски и выходы Соколова неоднократно спасали ворота ленинградской команды. Незадолго до перерыва тот же Николай Старостин с подачи Блинкова сильнейшим ударом из-за пределов штрафной площади забил в ворота ленинградцев второй гол и вывел свою команду вперед.

После перерыва игра шла при явном перевесе москвичей. Особенно хорошо действовал Николай Старостин. С его передачи Блинков увеличил счет до 3:1. Затем последовала красивая комбинация Н. Старостин – Холин – Блинков, и вратарю ленинградцев пришлось вынуть из сетки ворот четвертый мяч. А через пять минут капитан москвичей стремительно прошел по краю, обыграл полузащитника, отвлек на себя защитника и точно пасовал мяч Холину. Тот с ходу неотразимым ударом забил пятый гол.

Добившись большого преимущества в счете, москвичи несколько снизили темп игры, и ленинградец Михаил Бутусов

провел второй мяч. Затем старейший защитник сборной столицы Михаил Рущинский во время одной из схваток в штрафной площади послал мяч в собственные ворота. Это случилось за несколько минут до финального свистка, и счет 5:3 больше не изменился.

На следующий день столичная пресса широко комментировала матч. «Характерно,— писал в «Известиях» Борис Громов,— что четыре гола из пяти, побывавших в воротах ленинградской сборной, забиты молодым пополнением сборной Москвы, да и Холин, если быть точным, не из «стариков». Прекрасно проявил себя в матче недавно введенный в сборную Александр Старостин. Это дает нам право заявить, что в столице поднялась, проявляет себя в полную силу новая поросль мастеров, и ей следует дать еще больший простор».

Обновленной сборной столицы предстояло еще более сложное испытание – финальная встреча с очень сильной сборной Украины за право носить звание чемпиона Спартакиады. Южане на пути к этой встрече, в турнире союзных республик, последовательно победили сборные ЗСФСР (2:1), Белоруссии (6:2), а также сборную Уругвая (7:1). Игра украинских спортсменов поражала своей мощью, свежестью тактической мысли, неиссякаемым задором.

Наступил день 23 августа. Матч Москва – Украина был назначен на пять часов вечера, но уже с полудня к Петровскому парку потянулись толпы людей. Столица проявила огромный интерес к предстоящему состязанию. Десятки тысяч болельщиков, не сумевших достать билеты, окружили стадион со всех сторон и «слушали» ход матча по реакции пятидесяти тысяч счастливых, заполнивших трибуны. Впервые в нашей стране футбольное состязание комментировалось по Всесоюзному радио. Этот репортаж провел совсем еще молодой тогда Вадим Синявский, ставший впоследствии видным спортивным журналистом.

Финальная встреча Спартакиады сложилась очень трудно для хозяев поля. Украинцы большей частью атаковали. Не раз нам, следившим за ходом этого увлекательного поединка, казалось, что вот-вот мяч затрепещет в сетке ворот Леонова, но мужественная, исполненная высокого мастерства игра защиты москвичей, где лучшим был Александр Старостин, так и не позволила отличным форвардам из Киева и Харькова забить гол.

В нападении хозяев поля выделялся его старший брат. Но прорывы Николая и его товарищей до поры до времени не приносили успеха.

Стадион непрерывно гудел, взрывался страстями, волновался. Москвичи с тревогой ждали развязки: должен же был почти непрерывный натиск южан завершиться в конце концов голом.

Развязка наступила на шестьдесят первой минуте игры и совсем не так, как этого ожидали. Тут необходимо сделать небольшой экскурс в прошлое. При формировании сборной Москвы в ту пору разгорелась острая борьба между поклонниками ветеранов и молодых. Под значительным нажимом общественности, не желавшей расставаться со своими кумирами, в состав команды было введено несколько игроков, снискавших себе громкую славу в прошлом, но значительно снизивших в последнее время качество игры. Среди них были защитник Михаил Рушинский, начавший играть еще в 1915 году в знаменитой «Стрекозе» (СКЗ), и левый крайний нападения из когда-то популярного «Новогиреева» Николай Троицкий. Последний уже сильно сдал в скоростно-силовых качествах, явно выпадал из игрового ансамбля. Видя подобное, на него никто из украинцев, по существу, не обращал внимания, никто его не «держал», и некогда знаменитый, а теперь вроде бы безвредный форвард все время оставался свободным.

Это обстоятельство и заметил капитан москвичей

Николай Старостин.

– Больше играйте на меня, – передал он партнерам по команде.

Передачи из глубины стали еще чаще адресоваться на правое крыло. Троицкий в конце концов остался на какое-то время без дела, защитники сборной Украины еще больше сместились в сторону опасного фланга, обнажив безопасное, как им казалось, направление.

Вот тогда и последовала от Николая Старостина длинная передача на свободное место. Мяч оказался в неконтролируемом пространстве между воротами южан и одиноко маячившим левым крайним москвичей. Бывший новогиреевец тряхнул стариной: совершил короткий рывок, в одно мгновение оказался у мяча и с ходу послал его в ворота. Москвин, вратарь сборной Украины, даже не шелохнулся.

Пропущенный гол словно подстегнул гостей, они повели яростный штурм, стремясь во что бы то ни стало хотя бы сравнять счет. И снова Леонов, Руцинский и Александр Старостин, стиснув зубы, защищали свои ворота. И защитили: гол Троицкого остался единственным в финальной встрече. Сборная Москвы стала чемпионом первой Спартакиады.

Повторяю еще раз: этот замечательный всенародный праздник физической культуры вызвал огромный общественный интерес к футболу. И вместе с тем он показал безусловный рост класса ведущих команд, хорошую техническую оснащенность игроков, помог выявить и ряд существенных недостатков. И во время Спартакиады, и еще долго после нее советская пресса широко и всесторонне комментировала и анализировала итоги грандиозного турнира мастеров кожаного мяча. У меня до сих пор хранятся сотни вырезок из газет тех лет. Вот что я читаю в одной из них: «Лучшее впечатление оставила московская защита, подлинным украшением которой стал молодой Александр Старостин; более слабое – нападение, где не совсем удачно

была скомбинирована центровая тройка и явно выпадал из игрового ансамбля Николай Троицкий; зато другой Николай – Старостин – вновь проявил себя во всем блеске, доказав свое право быть капитаном лучшей команды страны. Одним словом, фамилия Старостиных приобретает все большую весомость в огромном мире советского футбола».

* * *

В календаре-справочнике «Футбол-1965», содержащем много интереснейших, разнообразных сведений о любимой игре, есть глава – «Биография сборной». Она начинается с... 1952 года.

А между тем летопись побед и славы главной команды страны берет свое начало намного раньше. Дата рождения сборной команды СССР по футболу – 16 ноября 1924 года. Именно в этот день в Москве, на лучшем тогда стадионе города – ЗКС, встретила она с национальной сборной Турции и победила со счетом 3:0. Затем матчи с турками стали традиционными.

Следует сказать, что, хотя сборная Турции и не входила тогда (как и никогда позже) в число грандов европейского и мирового футбола, она тем не менее была достаточно опытной командой, принимала участие во многих международных встречах, в том числе во всех без исключения олимпийских футбольных турнирах. Полным триумфом окончилась ее гастрольная поездка по Скандинавии летом и осенью 1924 года. Кроме того, по данным официального справочника ФИФА, в активе бело-красных (традиционные цвета национальной сборной Турции) в тот период числились победы над сборными Португалии (1925 г.-1:0, Лиссабон), Бельгии (1927 г. – 2:1, Стамбул), ничьи со сборными Италии (1928 г.-2:2, Стамбул), Дании (1931 г.-2:2, Стамбул), Испании

(1935 г.-1:1, Мадрид). Такие результаты случайными никак не назовешь. А следовательно, наши постоянные соперники той поры с полным основанием могут быть отнесены, по крайней мере, к «среднякам» в сложной иерархии мирового футбола.

Необходимо также подчеркнуть, что встречи эти имели большое политическое значение. В условиях той вынужденной культурной изоляции, в которую хотел поставить нас капиталистический мир, в условиях злобной пропаганды и клеветы, которую распространяли о нашей стране буржуа всех мастей и оттенков, каждое международное выступление сборной Советского Союза было подобно очистительному взрыву, эхо которого неизбежно прокатывалось по миру, неся людям правду, добрые вести о первом государстве рабочих и крестьян.

Наконец, встречи с турецкой национальной командой, создание сборной Советского Союза, соперничество среди спортсменов за право и честь выступать под ее флагом служили могучей аккумулялирующей силой, двигающей вперед советский футбол, способствовали воспитанию в ее рядах мастеров международного класса.

Есть такой хорошо знакомый болельщикам, не раз появлявшийся в нашей печати снимок – «Сборная Советского Союза уезжает в Париж на Кубок мира. 1934 год». Из открытого окна международного вагона на вас смотрят четыре удивительно похожих друг на друга, улыбающихся молодых человека. Это четыре основных игрока главной команды страны – Николай, Александр, Андрей и Петр Старостины.

Когда-то, рассматривая эту фотографию, замечательный советский спортивный журналист, главный редактор журнала «Физкультура и спорт» Петр Александрович Соболев вдруг воскликнул:

– А ведь это своего рода мировой рекорд. Чтобы четыре представителя одной семьи входили в сборную своей страны по футболу – разве было такое где-нибудь.

С того момента прошло много лет. Мне не раз доводилось окунаться в историю, изучать архивные материалы, знакомиться с составами сборных команд разных стран, выступавших на Олимпиадах, чемпионатах мира, в первенствах континентов, во многих других, больших и малых, международных турнирах, но четырех родных братьев в составе национальной сборной я не встретил ни разу. Если к этому добавить, что Николай, Александр и Андрей на протяжении десяти довоенных лет неизменно выводили сборную СССР на поле, передавая капитанскую повязку друг другу, то станет ясным, какое важное место заняли они в истории отечественного футбола.

Едва ли есть необходимость возвращаться к описанию давно отшумевших матчей. Скажу лишь, что и у себя дома, в Москве, и на стадионах Стамбула, Берлина, Парижа, Вены, а также многих других городов фамилия Старостиных звучала громко и гордо.

Хорошо помнится поездка сборной Советского Союза в Турцию в 1932 году. В составе нашей команды были Николай, Александр и Андрей. Каждый из них отлично проявил себя в играх. Когда футболисты СССР победоносно закончили турне (одна ничья, три выигрыша), многие видные журналисты и специалисты футбола давали ей самые лестные оценки. Бывший вратарь национальной сборной Турции, участник встреч с советскими спортсменами в 1924-1925 годах знаменитый Нихат писал: «Хочу особо отдать дань уважения и восхищения замечательной спортивной семье москвичей Старостиных. Присутствие ее представителей во всех линиях цементирует русскую команду и поднимает ее боевой дух. Я говорю так потому, что каждый из братьев виртуозно выполняет свою роль, каждый по-своему прекрасен и неповторим!»

А разве можно забыть теперь такой далекий 1933 год! 8 августа в Москве, на стадионе «Динамо», очередной матч

сборных СССР и Турции. Команда гостей на этот раз укомплектована игроками пяти сильнейших буржуазных клубов – «Галатасарай», «Фенербахче», «Бешикташ», «Стамбул-Спорт», «Байхас», находившихся на полупрофессиональном положении (профессиональный футбол был узаконен в этой стране лишь в 1951 году).

Гости собирались дать бой советским, футболистам. Матч получился интересным, волнующим, необыкновенно ярким. Неизгладимое впечатление оставил у всех, наблюдавших это состязание, Андрей Старостин. Каждая его передача, ювелирно исполненная, вызывала аплодисменты зрителей. Несколько раз Андрей сам выходил на удобную позицию и наносил прицельный удар издали, но турецкий вратарь Авни играл в тот день безукоризненно. И в том, что гости в конце концов уступили хозяевам – 1:2, он лично был виноват меньше всех.

Закончив серию встреч с турками, советские футболисты выехали в Париж, где в тот год разыгрывалось первенство мира (или Кубок мира) для рабочих команд. Наша сборная, целиком составленная из спортсменов столицы, выступала под флагом Москвы. Старостины принимали участие во всех матчах турнира, в том числе в финальном против сильной сборной Норвегии, который закончился в нашу пользу – 3:0. Поединок этот проходил на стадионе «Буфалло» в присутствии тридцати тысяч зрителей, восторженно приветствовавших победителей.

«Советская команда, – писала на следующий день газета французской комсомолии «Авангард», – представляет собой футбольный ансамбль высокого международного класса... Великолепны все четыре брата Старостины. В их семейном квартете все же особенно выделяются защитник Александр и центрохав Андрей, способные украсить своим присутствием любую профессиональную команду Франции».

Футболисты сборной Москвы уже собрались уезжать

домой, когда к ним явилась делегация. Ее глава Жан Бертъе начал переговоры с капитаном советской команды Николаем Старостиным. Он сказал:

– Господа, в только что окончившемся турнире вы встречались с рабочей командой Швейцарии и победили ее со счетом 11:0. Таким образом, вольно или невольно этим результатом нанесен ущерб спортивному авторитету моей страны. Вот почему мы вам предлагаем сыграть матч против команды «Единая Швейцария», куда войдут лучшие игроки профессиональных и рабочих клубов.

Руководители советской делегации связались с Москвой и получили разрешение на эту встречу под флагом сборной СССР. Первоначально предполагалось провести состязание в Лозанне, но швейцарское правительство отказало в визах советским спортсменам.

И все-таки матч не был сорван. Он состоялся во французском курортном городке Сен-Луи, на маленьком, утопающем в зелени стадионе, расположенном в ста метрах от швейцарской границы. Его трибуны, рассчитанные на семь тысяч зрителей, не смогли вместить и половины желающих посмотреть эту встречу.

Те, кому удалось попасть на стадион, несомненно, могли считать себя счастливыми. Матч проходил, по всеобщему признанию, в напряженной, редкой по красоте борьбе и закончился победой советских мастеров со счетом 5:2. А ведь швейцарский футбол ценился в ту пору очень высоко, не раз добивался больших успехов на международной арене.

«Русские футболисты,– писал французский журнал «Матч», комментируя окончившееся состязание,– приятно удивили нас своим высоким классом...» Среди бесспорных героев поединка журнал называл Александра и Андрея Старостиных, выделяя тонкое понимание ими любых тактических осложнений, игровое мужество и хорошую

технику.

Поздней осенью тридцать четвертого года сборная Москвы выехала в Чехословакию, где наряду с выступлениями против рабочих команд приняла предложение встретиться с профессионалами. Это был качественно новый, еще никогда прежде не предпринимавшийся нашими футболистами шаг.

Ведя переговоры с федерацией футбола Чехословакии, наши представители попросили в соперники «Славию» или «Спарту» (тогда это были сильнейшие клубы страны, пользовавшиеся широкой европейской известностью). Однако хозяева не согласились на такие варианты, чтобы не ставить под угрозу авторитет прославленных клубов. В качестве соперника москвичей они предложили команду «Жиденице» из Брно, лидера проходившего в то время чемпионата страны.

За час до начала матча стадион был заполнен. И вот на поле выбежали москвичи в ярко-красных футболках. Речи. Обмен приветствиями. И наконец лучший судья Чехословакии Крист дал свисток к началу игры.

Не прошло и минуты, как наш левый край Сергей Ильин уже вышел к воротам, которые защищал один из лучших чехословацких голкиперов Грудичек, ученик знаменитого Планички. Он в красивом броске отбил мяч. А через некоторое время вступил в игру и наш Иван Рыжов.

Стадион загудел. Не всегда увидишь такое бурное начало, такой темп.

– Тут будет что посмотреть, – радостно говорили друг другу зрители на трибунах.

Поединок захватывал все больше и больше. «Жиденице», видно не ожидавшая встретить в лице советских футболистов такого умелого и решительного соперника, никак не могла наладить игру. Зато наши спортсмены действовали уверенно, демонстрируя отличную технику и неуправляемый напор. Они заставили «Жиденице», выражаясь языком боксеров, уйти в глухую защиту. Нападение, постоянно

питаемое из глубины линией полузащиты, где особенно выделяется Андрей Старостин, непрерывно угрожало чужим воротам. Активен был Сергей Ильин, отлично действовали и остальные.

За пятнадцать минут до перерыва счет 2:0 в пользу москвичей. Хозяева поля, ощутив реальную угрозу поражения, встрепнулись, стали больше атаковать. Их подбадривали болельщики. Но выяснилось, что они ничего не могут поделать с защитой москвичей. Вот как вспоминает этот период матча чешский журналист Зденек Патерный в своей книге «О футболе»: «Уже прошло много-много лет с тех пор, как отшумел матч москвичей с «Жиденице», а я не могу забыть, как держали оборону русские. Я не могу забыть их Александра Старостина. Не знаю, увижу ли я когда-нибудь более классного защитника. Пока же мне не попадались игроки, хотя бы отдаленно похожие на него. Удивительное, обезоруживавшее соперников спокойствие. Высокая техника отбора мяча. Редкое чутье на выбор места. Именно благодаря высокому искусству этого спортсмена и его товарищей по обороне москвичам до перерыва удалось сохранить завоеванное преимущество».

По рассказам очевидцев, в начале второго тайма гостям было еще тяжелее. Футболистам «Жиденице» хозяева пообещали за выигрыш крупные суммы, и те ринулись в «бой» с открытым забралом. А играть они умели.

Двадцать минут чехословацкие игроки вели непрерывный штурм ворот москвичей. И хотя защита гостей действовала исключительно мужественно, стойко, «Жиденице» сравняла счет и продолжала наступать.

– Ребята, спокойно! Все будет нормально! – то и дело слышался голос капитана москвичей Александра Старостина. В эти труднейшие мгновения он не только блестяще играл сам, но и очень умело, мудро руководил действиями товарищей.

До конца состязания оставалось всего десять минут. А темп, острота борьбы все не снижались. «Жиденице» наступала. И вдруг последовал молниеносный выпад москвичей. На подступах к штрафной площади Андрей Старостин отнял мяч у соперника, смело пошел вперед, а затем точно передал мяч Степанову. Тот по своей очереди сделал пас Якушину. Мягким, кошачьим движением Якушин проскользнул мимо двух защитников соперничающей команды. Теперь на пути форварда были только защитник и вратарь. Стадион замер. «Обведет или не обведет?» – спрашивал себя каждый зритель. Но Якушин не дал ответа на этот вопрос. Метров с восемнадцати он вдруг неожиданно сильно ударил, и мяч, не коснувшись руки совершившего отчаянный прыжок вратаря, затрепыхал в сетке ворот. Со счетом 3:2 в пользу нашей команды и закончился этот матч. Эхо его прокатилось по всему континенту. Газеты Чехословакии печатали интервью с капитаном сборной Москвы Александром Старостиным, который заявил:

– Для советского футбола встреча с профессиональным клубом страны, где эта игра получила большое распространение, победа над ним, означает вступление в качественно новый этап своей истории. Обе команды выглядели хорошо, но у нас, по-моему, было больше воли, больше решимости, больше желания победить. Решающий гол Михаила Якушина символичен. Он заставит спортивную Европу верить в силу советского футбола, заставит признать его высокий авторитет.

* * *

Зимой 1935 года Николая Старостина вызвал к себе на беседу первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Васильевич Косарев, исключительный знаток и любитель спорта. Разговор

получился долгий. Косарев с большим интересом слушал рассказ о физкультурной жизни столицы, о футболе.

– Жизнь идет вперед и требует от нас новых форм и методов работы с массами, дорогой Николай Петрович. Согласны?

– Конечно, согласен. Полностью.

– Ну а коль согласны, подумайте над организацией добровольного спортивного общества, которое объединило бы в единую семью, в один могучий коллектив всех физкультурников промкооперации.

Косарев подробно изложил свои мысли на этот счет, посоветовал использовать богатый опыт «Динамо», а потом встал, прошелся разок-другой по кабинету и сказал:

– Дело очень большое, интересное, перспективное. И поручаем мы его вам, товарищ Старостин. Фамилия у вас авторитетная, спорту преданы. Вот вам, как говорится, и карты в руки.

Идея эта встречена была с большим энтузиазмом. И как-то так получилось, что семья Старостиных оказалась в центре ее, стала движущей силой всего, что предстояло осуществить. Объяснялось это тем, что все братья были тесно связаны и со спортом, и с системой промкооперации. Александр являлся главным бухгалтером фабрики имени А. С. Енукидзе, Петр возглавлял производственный спортивный комбинат Москоопромсовета, Андрей работал директором фабрики «Спорт и туризм», Николай – начальником крупного производственного объединения.

У него, у Николая, на квартире за столом, накрытым словно по случаю большого праздника, и собрались обсудить предстоящее братья и их знаменитые товарищи по команде – Петр Исаков, Иван Филиппов, Станислав Леута. До рассвета выбирали для нового клуба название.

– «Феникс».

– «Штурм».

– «Атака»...

Предложения сыпались как из рога изобилия и тут же отвергались. Все понимали сердцем, что от того, какое будет название, во многом зависит судьба новорожденного, его популярность в массах.

– «Стрела».

– «Вымпел».

– «Звезда»...

Выручил случай, а может быть, прозорливость и эрудиция хозяина квартиры. Взяв в руки книгу в тисненном золотом переплете, Николай торжественно произнес:

– Вот что нам нужно, товарищи.

– «Спартак», – прочли все вслух.

Да, это был известный роман Рафаэлло Джованьоли. Именем его героя, впитавшего в себя лучшие человеческие качества – мужество, ловкость и силу, волю к победе, и решено было назвать новый клуб.

Николай Старостин стал одним из первых руководителей общества «Спартак». Его глубокое знание спорта, огромный авторитет, личное обаяние, удивительная общительность, редчайшее умение быстро сходитья с людьми как нельзя лучше способствовали тому, что «Спартак» быстро стал на ноги и завоевал добрую славу. Легкоатлеты Серафим и Георгий Знаменские, боксер Николай Королев, конькобежец Иван Аниканов, велосипедист Федор Тарчков и многие другие видные спортсмены с мировыми именами составляли «визитную карточку» нового клуба. «Спартак» рождался, заявляя о себе громкими победами и рекордами, объединяя своих приверженцев, которых становилось все больше и больше.

Но сколь бы многообразен ни был в своих спортивных интересах новорожденный «Спартак», интересом номер один, главным содержанием его жизни был, конечно, футбол. Команда, впитавшая в себя традиции «Красной Пресни»,

«Дуката», «Пищевиков», «Промкооперации», быстро завоевала любовь москвичей и стала одной из ведущих в советском футболе. Этому способствовал ряд обстоятельств.

В первый день нового, 1936 года в Париже на стадионе «Парк де Пренс» сборная Москвы, составленная из игроков «Спартака» и «Динамо», встретилась с чемпионом Франции «Рэсингом» и в упорной борьбе проиграла 1:2. Местная печать, несмотря на проигрыш гостей, исключительно высоко оценила их класс, особенно выделяя молодого спартаковского вратаря Анатолия Акимова, защитника Александра Старостина, центрального полузащитника Андрея Старостина и других. Одновременно пресса отмечала, что победа «Рэсинга» во многом была определена тем, что он играл по новейшей для того времени системе «дубль ве», тогда как гости все еще применяли построение «пять в линию».

Да, урок, полученный на зеленом поле «Парк де Пренс», был весьма серьезным. Глубже всего его осознал руководитель нашей делегации Николай Петрович Старостин. Вернувшись на родину, он в специальном письме на имя секретаря ЦК ВЛКСМ писал: «Для того чтобы серьезно поднять класс отечественного футбола, нам нужна решительная организационная перестройка». Мало кому даже из знатоков истории отечественного футбола известно, что именно по докладной записке Николая Старостина, по схеме, разработанной им совместно с братьями, было принято решение о проведении чемпионатов Советского Союза по футболу для клубных команд.

Дебютировало это состязание в тридцать шестом. В тот год было два розыгрыша: весенний и осенний. Весной молодую команду «Спартак» постигла относительная неудача. В турнире семи участников она заняла лишь третье место, пропустив вперед динамовские коллективы Москвы и Киева.

В осеннем чемпионате участвовало уже восемь коллективов: к московским, ленинградским и киевскому

клубам прибавились динамовцы Тбилиси, выигравшие в блестящем стиле турнир в классе «Б».

Заслуженную победу в первенстве одержал «Спартак». Каждое его выступление оставляло неизгладимый след в сердцах любителей футбола.

До сих пор я не могу забыть матч «Динамо» – «Спартак», проходивший при переполненных трибунах на стадионе в Петровском парке столицы. Хозяева поля вели в этом поединке со счетом 2:0, но спартаковцы сумели свести его к ничьей – 3:3. Причем за семь минут до окончания динамовцы были впереди. Вот тогда-то и последовал блестящий рывок из глубины Андрея Старостина, передача на «открывшегося» Петра Старостина, пас в одно касание Г. Глазкову... Тысячи зрителей, вскочившие со своих мест, восторженно приветствовали этот гол как проявление спартаковцами непреклонной воли, мужества, настойчивости, целеустремленности.

Еще более захватывающим был сюжет матча «Спартак» с киевлянами. Когда в ворота спартаковцев влетел третий «сухой» мяч, никто или почти никто не верил, что им удастся отыграться. Но капитан команды центральный полузащитник Андрей Старостин вновь сумел воодушевить товарищей. Сначала он сам забил красивейший гол. Этот гол послужил сигналом к общему наступлению красно-белых. Они заиграли азартно, мощно, а их центральный нападающий Степанов еще дважды поразил цель.

Мужественно провели спартаковцы и решающую игру первенства – с ЦДКА. Победа в том матче, состоявшемся 30 октября на поле армейцев в Сокольниках, позволила «Спартаку» впервые завоевать звание сильнейшей команды страны.

Чемпионский состав «Спартак» выглядел так: А. Акимов, И. Рыжов, А. Михайлов, Г. Путилин, Вик. Соколов, С. Артемьев, Ал. Старостин, Ан. Старостин, П. Старостин, С.

Леута, Г. Глазков, В. Степанов и другие. Руководил командой тренерский совет, который возглавлял Николай Старостин.

С именем «Спартак» того времени связаны ярчайшие страницы нашей футбольной истории, не рассказать про которые невозможно.

...«На Пиренейском полуострове,— писал после чемпионата мира 1934 года французский журналист Жан Бобье,— живет беспокойное футбольное племя. Здесь, кажется, все любят футбол, все его понимают и все умеют в него играть. Поэтому закономерно, что испанцы столь блестяще выступили на только что закончившемся турнире...» Если Испания была тогда одной из признанных футбольных держав, то в самой стране заметно выделялась своими футбольными талантами Баскония — край сильных, мужественных людей. Баски часто выигрывали важнейшие внутренние турниры и широко представляли в национальной сборной, примерно так же, как большинство нашей довоенной сборной составляли москвичи и ленинградцы.

Когда в середине тридцатых годов в Испании началась гражданская война, лучшие спортсмены Басконии решительно стали на сторону республиканского правительства. Они хотели идти с оружием в руках сражаться против фашизма, но им сказали:

— Вашим оружием будет спорт. Собирайте команду и отправляйтесь в турне. И помните: чем лучше вы будете играть, тем выше будут сборы. А чем выше сборы, тем сильнее удары по врагу, тем значительнее помощь женщинам и детям, эвакуированным из Испании.

В составе сборной Басконии были всемирно известные мастера: капитан команды правый инсайд Луис Регейро, правый полузащитник Леонардо Силаурен, центрфорвард Исидро Лангара, правый край Гильермо Горостица, вратарь Грегорио Бласко, ученик и любимец Заморры, защитники

Педро Аресу и Сарафин Аэдо... Все они уже неоднократно выступали за сборную страны.

Франция первой приняла команду басков и первой узнала ее силу. Дважды на лучшем стадионе Парижа гостям проиграл «Ресинг» – 0:3 и 2:3. Молодежная сборная страны свела игру с ними вничью (2:2), но ее последний гол был забит испанцам с пенальти, назначенного судьей при весьма сомнительных обстоятельствах. Публика негодовала. Левая пресса открыто писала о подкупе.

Чтобы исправить положение, а заодно попытаться спасти репутацию французского футбола, басками было предложено сыграть с чемпионом страны – командой «Олимпик Марсель», Этот матч вызвал небывалый ажиотаж. В присутствии огромного числа зрителей баски разгромили французов – 5:2! Потом последовали две победы в Бельгии, выигрыш со счетом 5:0 у чемпиона Болгарии-, красивая победа в Катовицах над сборной Польши со счетом 4:3...

«Прекрасная команда,– писал о басках знаменитый чехословацкий вратарь Планичка.– Мы уже давно не видели у нас в стране ничего подобного. Отточенная техника, гибкая тактика и неиссякаемый энтузиазм делают каждое ее выступление великолепным зрелищем. Вот почему, когда баски на поле, стадионы переполнены – в Париже ли они играют, в Брюсселе или Праге...»

11 июня 1937 года в советских газетах было опубликовано официальное сообщение о том, что команда испанцев посетит нашу страну. Но болельщики уже и без газет знали об этом. В трамваях, автобусах, в поездах сравнительно недавно появившегося у нас метро, на улицах, на работе – везде и всюду говорили о предстоящих играх. Могу с полной уверенностью сказать, что никогда – ни до этого, ни после – футбольный ажиотаж в столице не достигал такого накала, даже тогда, когда к нам приезжали блистательные венгры, легендарные бразильцы, первооткрыватели англичане или

другие короли футбольного мира. Установили специальную систему распределения билетов. Команда гостей еще не приехала, а все места на столичном стадионе «Динамо» уже были распределены. Это знали, и все равно каждое утро у касс стадиона собирались тысячные толпы в надежде на счастливый случай.

И вот первый матч басков, матч с обладателем Кубка СССР московским «Локомотивом». Не помню, какое количество зрителей объявили тогда газеты и объявляли ли они это вообще, но именно тогда я по-настоящему понял выражение «стадион полон до отказа». Заполненными оказались не только скамьи на трибунах, но и кольцевой ободок, опоясывающий трибуны сверху, и все проходы.

Да и на самих трибунах люди, кажется, умудрялись сидеть по двое па одном месте.

Мы все тогда пришли посмотреть чудо, и, честно говоря, мы его увидели. Конечно, молодому или средних лет человеку начавшему «болеть» в шестидесятые годы, видевшему уже все лучшие команды мира, трудно понять наш восторг, наше состояние, которое мы испытали тогда. До июня 1937 года мы не видели у себя в стране ни одной команды истинно международного класса. Сейчас же перед нами было семь игроков сборной Испании – полуфиналиста три года назад закончившегося очередного чемпионата мира. Настал момент, когда советский футбол держал экзамен на самом высоком уровне. Вот почему не только вся столица, но и вся страна проявила к выступлениям басков необычайный интерес. Посмотреть их игры приехали специалисты футбола из многих городов Советского Союза.

Наши спортсмены-железнодорожники не смогли оказать команде гостей сопротивления. Зато баски по-настоящему блеснули. Наблюдая за их игрой, мы, казалось, видели какой-то новый футбол: как будто протерли старую картину, и она вдруг предстала перед нами во всем своем

ослепительном великолепии. Мячи влетали только в ворота «Локомотива», и незадолго до конца матча баски вели 5:0. Только перед самым финальным свистком москвичи размочили счет.

Состязание окончилось. Неторопливо растекалось со стадиона людское море: все были потрясены увиденным, с восхищением говорили о гостях. Московский воздух был полон неведомыми ранее звонкими именами: Регейро, Бласко, Горостица, Лангара... Они надолго завладели сердцами наших болельщиков. В них играли мальчишки во всех московских дворах, в Петровском парке, в скверах у Патриарших и Чистых прудов.

Потом против испанцев выступили московские динамовцы. Матч был красивым, упорным. С большим трудом гости вырвали победу – 2:1.

Об этом поединке тренер сборной Басконии Педро Вальяно высказался так: «Это были два великолепных коллектива, в которых выступали мастера высокого международного класса. Жаль лишь, что суть футбола они трактовали на различном тактическом языке».

На различном тактическом языке. Вот в чем была суть дела. Советский футбол, по существу, изолированный в те далекие годы от широкой международной спортивной арены, не успел еще перестроиться на входившую в моду систему «дубль ве», упрямо придерживаясь старой, традиционной схемы «пять в линию», и это несоответствие давало гостям неоспоримое преимущество.

Итак, намеченная программа выступления гостей в столице была завершена. Но москвичам ее явно не хватило. Огромный город бурлил: тысячи, десятки тысяч писем и телефонных звонков в редакции газет, журналов, в самые различные советские учреждения просили, требовали дать возможность нашим футболистам еще раз проверить себя, дать возможность всем нам полюбоваться искусством

выдающихся мастеров.

И вот 1 июля, после того как баски сыграли в Ленинграде со сборной города вничью – 2:2 (там испанцы выставили часть резервного состава), в газете «Красный спорт» появилось необычное объявление: «Ввиду большого интереса, проявленного населением г. Москвы к матчам с футболистами Басконии (Испания), Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта при СНК Союза ССР назначил два матча в Москве на 5 и 8 июля с. г. Первый матч с командой басков будет играть усиленная команда «Динамо». Вторую игру предполагается дать усиленной команде общества «Спартак».

В составе «Динамо» на поле вышли Александр Дорохов, Шота Шавгулидзе (оба из Тбилиси), москвичи Лев Корчебоков, Алексей Лапшин, Евгений Елисеев, Александр Ремин, Михаил Семичастный, Михаил Якушин, Василий Смирнов, Сергей Ильин и ленинградец Петр Дементьев. Как видно, в состав дополнительно были включены всего три игрока. По существу, динамовцы играли матч-реванш.

Он не удался, хотя состязание выдалось на редкость интересным, ярким, драматичным. Баски блестяще, в быстром темпе разыграли дебют и уже к тридцатой минуте вели со счетом 4: 0.

– Ну, все кончено, разгром, – сказал тогда мой сосед по трибуне и безнадежно махнул рукой.

Но оказалось, что все только начинается. Прошло несколько минут, и Петр Дементьев, наш замечательный, несравненный Пека, как ласково называли его болельщики, стремительно прошел к штрафной площадке, сыграл «в стенку» с Василием Смирновым и не очень сильным, но точным ударом забил гол.

Этот гол сбросил с динамовцев оцепенение, воодушевил их. Они поверили в то, что еще не все потеряно, и заиграли великолепно. Четверть часа демонстрировали

высокий класс игры. Они превосходили басков и в скорости, и в технике, прижали своих грозных соперников к воротам, как прижимают на ринге к канатам, и атаковали, под неумолчный рев трибун. Вот пушечный удар Василия Смирнова достигает цели, врывается в штрафную Михаил Семичастный, и счет уже 3:4.

Свисток судьи, объявляющий перерыв, и по трибунам прокатился стон разочарования.

– Ах, если бы не кончилось время!

– Да, поиграй динамовцы так еще немного, не сдобровать бы испанцам.

Так говорили зрители. Они стали свидетелями новых атак динамовцев во втором тайме. Дементьев снова поставил под угрозу ворота басков, но в последнее мгновение его грубо сбили с ног. Пенальти. Мощный удар Василия Смирнова, и счет стал 4:4.

Неизвестно, как сложился бы ход матча дальше, если бы не последовала грубая ошибка до этого игравшего безупречно вратаря Александра Дорохова. Пропустив очень легкий мяч, он подорвал, на мой взгляд, моральные силы и веру в успех у своих товарищей. Одним словом, матч был проигран – 4:7. Победное шествие басков остановить не удалось. Надежда оставалась только на «Спартак».

Чемпион страны, популярный клуб, бывший тогда в зените славы, хорошо понимал, какая ответственность возложена на него. Огромную работу проделал тренерский совет клуба, куда входили три брата Старостины – Николай, Александр и Андрей. «Спартак» еще до начала матча проявил определенную спортивную смелость, решив играть по-новому, в духе модели «дубль ве» с третьим защитником. Подобное решение отнюдь не представляло собой упрощенное арифметическое действие. Всего за несколько дней команда должна была полностью перевооружиться тактически, осмыслить новое построение, приноровиться к нему. Она

пошла на это. Она сделала правильные выводы из всего, что видела на поле в матчах басков против «Локомотива» и «Динамо».

Уютное поле в подмосковной дачной Тарасовке, «родовом имении» спартаковцев, стало на какое-то время испытательным полигоном. Каждый день здесь устраивались тренировки. Основной состав представлял самого себя, а команда, сформированная из игроков резерва, – басков. Андрей Старостин, прославленный центральный полузащитник советского футбола, «самый агрессивный хав», как говорили о нем знатоки, по приказу спартаковского «генерального штаба» уходил в глубину обороны, готовясь наглухо закрыть выдвинутого вперед Лангару. Он, как и все, наскоро осваивал «дубль ве», постигал его сокровенные «тайны».

Братья Старостины были в те дни большой футбольной лихорадки в самом водовороте событий. Они беседовали с товарищами, убеждали их, вселяли боевой дух, веру в успех.

– Мы можем и должны победить! – говорил Николай Старостин.

– Можем! – вторили ему Александр, Андрей и Петр. Эта убежденность передавалась всем, овладевала коллективом, становясь его оружием.

И вот наступило 8 июля. День, которого ждала вся спортивная общественность страны. Перелистайте подшивки старых газет, и вы убедитесь, что автор отнюдь не прибегает к преувеличениям. В Киеве восемь тысяч болельщиков собрались на республиканском стадионе, чтобы сообща слушать трансляцию из Москвы. В Симферополе был отменен полуфинальный матч на кубок области, и две команды вместе со зрителями жадно слушали неповторимый голос Вадима Синявского, звучавший из репродуктора.

А теперь представьте себе ослепительный летний день, стадион «Динамо», который вот-вот затрещит по швам от избытка зрителей, огромную толпу болельщиков у бетонных

громад и решетчатой ограды, не сумевших достать билеты. Все было полно ожидания матча.

Ровно в семь часов вечера по московскому времени команды вышли на поле, сопровождаемые непрерывной овацией. А через семь минут центральный нападающий «Спартака» Виктор Семенов сделал первый удар по мячу и сразу все загудело. Сразу, почти с первой минуты, стало ясно, что в этом поединке не может быть, не будет компромисса. Обе стороны понимали значение матча и не собирались уступать. Недаром же они ввели в «бой» лучшие силы. За гостей выступали Бласко, Аресу, Аэдо, Силаурен, Мугуэрс, Эчебарриа, Горостица, Л. Регейро, Лангара, Иррагорри, Субиета. Цвета московского «Спартака» представляли Анатолий Акимов, Виктор Соколов, Александр Старостин, Андрей Старостин, Александр Михайлов, Константин Малинин, Виктор Шиловский (из киевского «Динамо»), Владимир Степанов, Виктор Семенов, Константин Щегодский (из киевского «Динамо») и Григорий Федотов (ЦДКА). «Спартак» не скрывал ни перед гостями, ни перед москвичами, что он усилил некоторые пункты в своем боевом порядке. Да в этом и не было ничего предосудительного.

Пятерка красно-белых сразу же рванулась вперед. Прошла минута, а Бласко уже вынужден в броске принять трудный мяч от Щегодского. Еще не набрав нужного темпа, игра вдруг приостановилась: неожиданно получил серьезное повреждение Александр Михайлов. Его вынесли с поля, а на замену вышел ветеран спартаковского коллектива Станислав Леута.

Баски, верные своему принципу, спешили решить судьбу матча в самом начале. И тут выяснилось, что спартаковская оборона очень прочна. Четко, умело опекал Лангару Андрей Старостин, на фланге изумительную игру показывал его старший брат Александр. Бдительно нес свою трудную вахту в воротах Акимов.

Испанцы явно обескуражены. Во всех предыдущих матчах с советскими командами их нападение практически получало полную свободу действий, особенно в зоне центрального форварда. Теперь она наглухо перекрыта Андреем Старостиным. Игра басков стала заметно разлаживаться. Этим сейчас же воспользовались москвичи. Шла четырнадцатая минута матча, когда Андрей Старостин, перехватив верховой мяч, точно направил его Щегодскому. Тот резко сместился в центр и сделал пас Федотову. Последний, еще мгновение назад казавшийся каким-то медлительным, слишком спокойным, вдруг стремительно, поспринтерски рванулся вперед, обвел одного защитника, другого и резко ударил по воротам. Бласко, чуткий, как газель, на этот раз даже не среагировал на удар. И стадион взорвался восторженными криками.

– Это был один из тех голов,– сказал мне как-то во время одной из наших бесед о прошлом Андрей Петрович Старостин,– которые становятся поистине незабываемыми. Он произвел на всю нашу команду большое впечатление. Он заразил ребят весельем, жадной победы, каким-то счастливым, детским озорством.

Этот настрой, эту неистребимую энергию радости, веры в себя команда сумела сохранить до конца состязания. Когда на двадцать седьмой минуте Исидро Лангара, на мгновение опередив в штрафной площади Андрея Старостина, головой послал мяч в ворота, болельщики заволновались: не пойдет ли все теперь, как в предыдущих матчах?

– Не отдавать инициативы!– кричал ребятам капитан команды.

Нет, пропущенный мяч не охладил пыла спартаковцев а, наоборот, разъярил их. Пятерка нападения пошла вперед и смяла защиту басков. Дважды Аэдо с трудом отправлял мяч на угловой, в великолепном броске спас свою команду Бласко.

На трибунах – ни одного равнодушного. Люди что-то

кричали, вскакивали с мест, спорили. А на зеленом поле один острейший момент сменялся другим. Вот Андрей Старостин, который не раз становился зачинателем интересных комбинаций, послал в атаку Шиловского, тот переправил мяч Степанову. Удар – мяч попал в штангу и отскочил назад. Раньше защитников Степанов снова успел к нему и неотразимым ударом с лета послал в сетку.

– Ура! – мощно загредело на трибунах.

Сотни голубей взмыли в небо, понесли в московские дворы весть о том, что на стадионе «Динамо» счет стал 2:1 в нашу пользу. Только за пять минут до конца тайма баски после редкой по красоте комбинации добились ничейного счета 2:2.

Команды ушли в раздевалку, а на трибунах продолжали кипеть страсти.

– Все будет как с «Динамо», – говорил один болельщик. – Теперь баски рассвирепели, и пощады от них не жди.

– Верно, может не хватить наших. Уж слишком темп высок, – согласился с ним кто-то.

Да, нужно признать, что в тот миг мы все или почти все, замороженные прежними успехами басков, все еще слабо верили в возможность нашей победы. Слишком велик был авторитет соперников, слишком убедительны их прежние победы.

После отдыха спартаковцы вышли в значительно измененном составе: три игрока получили серьезные травмы. Игра становилась все более жесткой, а порой даже откровенно грубой. Не выдерживали нервы у тех и других.

Первые пять минут второго тайма. Казалось, вот именно сейчас оправдаются наши печальные прогнозы. Баски положили на чашу весов все свое мастерство, всю энергию и волю. У ворот нашей команды почти один за другим производятся пять угловых ударов. Блестяще в этот период

играл Андрей Старостин. Он руководил действиями линии обороны, подбадривал товарищей.

А атаки гостей нарастали. И кто-то на трибунах уже вздыхал, высказывал свои горькие мысли вслух:

– Не выстоять «Спартаку»...

Но эти опасения, овладевшие толпой, не оправдались. Как-то сначала незаметно, а потом все настойчивей, все упрямей наши стали снова переносить игру на сторону соперников. Последовала многоходовая комбинация Андрей Старостин – Федотов – Шиловский, и счет снова в нашу пользу – 3:2.

Штурм басков длился более десяти минут. Спартаковская защита во главе с Андреем Старостиным самоотверженно сдерживала напор темпераментных, яростных испанцев.

И вдруг мы почувствовали, что баски устали. После двадцатой минуты второго тайма они заметно снизили темп, стали «придерживать» мяч, дольше разыгрывать его. А наши сохранили свежесть и все чаще стали переходить на половину поля гостей. Вскоре была проведена молниеносная комбинация: Андрей Старостин в очередной раз перехватил мяч, адресованный Лангаре, и отдал его Артемьеву, тот – Шиловскому, который, в свою очередь, сделал пас за спину защитников Степанову. Блестящий по замыслу ход, блестящее завершение задуманного: Степанов стремительно вышел на свободное место, оказался один на один с Бласко и точно ударил в нижний угол ворот, 4:2.

Еще минуты не прошло после этого, а спартаковцы вновь добились успеха. Гол забил Шиловский.

Счет 2:5, конечно, подпортил настроение баскам, но не сломил их волю. Почти до самого финального свистка на поле продолжалась увлекательнейшая борьба, по-прежнему полная острых, драматических моментов. Пожалуй, баски имели в этот период некоторое территориальное преимущество, но

вновь не смогли реализовать его из-за отличной игры спартаковской защиты. А за четыре минуты до конца матча последовала очередная атака москвичей. Прерывая ее, Аресу схватил мяч рукой. Два метра до штрафной площади. Выполнить удар поручили Степанову. Испанские защитники прикрыли углы ворот, выстроили подобие «стенки». Но мяч после сильного и точного удара все же влетел в сетку. 6: 2!

Убедительная победа, вызвавшая большой резонанс в спортивном мире. Она была праздником на нашей улице, утверждением высокого класса советского футбола. И в этом утверждении колоссальная роль принадлежала московскому «Спартаку» и его духовной, его спортивной основе – братьям Старостиным.

Знаменательная деталь. Вскоре после отъезда басков Советское правительство отметило высокими наградами одиннадцать лучших футболистов страны. Среди них были три брата Старостины. Первым из советских спортсменов орден Ленина получил Николай. Александр был награжден орденом Трудового Красного Знамени, Андрей – орденом «Знак Почета».

* * *

Лето 1937 года. Фашисты вели развязанную ими войну на земле многострадальной Испании. Гитлеровцы и их сообщники готовили новые преступления против народов Европы и всего мира.

В этой обстановке в бельгийском городе Антверпене была намечена к проведению III рабочая мировая Олимпиада. На представительный спортивный слет Советский Союз посылал крупнейшую делегацию, в которую входили футболисты, пловцы, легкоатлеты, штангисты, гимнасты, боксеры.

Решение нашей страны послать своих представителей в Антверпен особенно оттенило антифашистский, антивоенный характер предстоящих соревнований. «Наша Олимпиада, – писала в те дни газета бельгийских коммунистов, – собирающаяся под лозунгом борьбы с фашизмом, будет яркой демонстрацией единения и взаимопонимания рабочих-спортсменов различных стран».

Нужно, ли говорить, с какой радостью восприняли спартаковцы весть, что именно их команде доверено выступить в Антверпене на турнире сильнейших футбольных команд. Но вместе с радостью и гордостью рождалось чувство огромной ответственности, долга. Николай Старостин, казалось, потерял отдых и сон, носился по городу, устраивал ребятам встречи, которые, по его словам, должны были добавить мастерам кожаного мяча порох энтузиазма.

– Сегодня приезжает Валерии Чкалов, – говорил он.

Или:

– Ну, ребята, к нам в гости пожалует Марк Рейзен.

Артисты, поэты, прославленные летчики и ученые, знатные московские рабочие, видные спортсмены не только побывали в те дни в коллективе, но и накрепко сдружились с ним.

Наконец наступил день отъезда. Перрон Белорусского вокзала заполнили провожающие. Все горячо желали успеха команде. На станции Негорелое пограничники напутствовали:

– Возвращайтесь только с победой!

– Привет участникам от всех нас! Действительно, наши посланники везли в Антверпен мировому рабочему спорту горячий привет своей страны, своего народа.

На Олимпиаде произошло много волнующих, незабываемых встреч, знакомств. Так, в первый же день прибытия советские спортсмены из газет узнали, что член делегации республиканской Испании Мартинес командовал па центральном фронте ротой, был легко ранен, награжден

боевым орденом.

– Вот это герой! – восхищались наши ребята. – Неважно, какое место он займет, он уже герой только потому, что приехал.

Но испанский патриот не довольствовался на состязаниях ролью «свадебного генерала». Он выиграл звание чемпиона Олимпиады в плавании на 200 метров на спине, чем вызвал всеобщее восхищение. Медицинская сестра ударного батальона мадридских коммунистов Гонзалес стала чемпионкой Олимпиады в плавании на 100 метров вольным стилем.

В Антверпене собрались очень сильные по тем временам спортсмены. Весьма представительные команды прислали Финляндия, Норвегия, Франция, Бельгия, Швейцария, Испания.

В споре с лучшими спортсменами этих стран отлично проявили себя и стали чемпионами Олимпиады многие советские атлеты. Можно смело сказать, что абсолютно лучшим достижением этого форума явился прыжок с шестом Николая Озолина. Рекордсмен СССР взял в Антверпене высоту 4 метра 20 сантиметров, в то время как лучший результат в Европе за весь сезон 1937 года был равен 4 метрам 11 сантиметрам. Замечательно выступили наши легкоатлеты, боксеры, гимнасты... Результаты, превышающие мировые рекорды, показали тяжелоатлет Георгий Попов и пловец Семен Бойченко.

Но, пожалуй, самый большой интерес вызвал у бельгийцев и многочисленных гостей Антверпена футбольный турнир Олимпиады, в котором, кроме московского «Спартака», приняли участие 12 команд.

Редким по красоте и напряжению получился полуфинальный матч между нашими и испанскими футболистами. Еще в предварительных играх команда с Пиренейского полуострова проявила себя дружным, очень

сильным и в техническом, и в тактическом отношениях коллективом. Многие предсказывали испанцам победу в матче с москвичами. И, честно говоря, почти все «болели» за них, потому что эти парни были не только замечательными спортсменами, но и солдатами, сражающимися против фашизма. Положение «Спартака» усложнялось еще и тем, что в предыдущих играх серьезное повреждение получил защитник Александр Старостин.

На полуфинальную игру москвичи вышли в следующем составе: Акимов, Малинин, Соколов, Артемьев, Андрей Старостин, Петр Старостин, Шиловский, Глазков, Степанов, Теренков, Федотов. Поскольку незадолго до Олимпиады «Спартак» выиграл у басков, их земляки в Антверпене не скрывали, что хотят взять у нас реванш.

Игра сразу же пошла в бурном темпе. На двадцатой минуте Георгий Глазков великолепным ударом открыл счет. Ничего больше обе стороны сделать до перерыва не смогли.

После отдыха испанцы пошли в решительное наступление. Их атаки становились все настойчивее, яростнее. Игра теперь почти все время шла в зоне штрафной площади советской команды. Обе стороны действовали жестко. Особенно усердствовали испанцы. Серьезную травму получил наш центральный нападающий Степанов. Так как замены были вовсе исключены, Степанов просто-напросто отошел на край, и его участие в игре с этого момента носило, по существу, символический характер. Заметно хромать стал и Шиловский.

А испанцы не прекращали штурм. Гол, как говорят, назревал. Для советской команды он бы неминуемо обернулся проигрышем, ибо вдевятером ребята вряд ли удержали бы ничейный счет против такого серьезного соперника, да еще ободренного успехом.

В этот критический момент команду выручила великолепная игра Андрея Старостина, его искусство

руководить командой.

– Ребята, не Москва ль за нами! – крикнул он в один из напряженных моментов, и спартаковцы ответили на этот клич еще более самоотверженной игрой. Л потом Федотов забил гол. Тут уж и наши расслабились, дали себе забить, но общий счет 2:1 в их пользу открыл команде путь в финал.

Здесь предстояла встреча с очень сильной сборной Норвегии. Многие, даже в советской делегации, считали, что наша команда обречена на поражение. Для такого печального прогноза были основания: ряды красно-белых заметно поредели. Достаточно сказать, что в «бой» пришлось ввести Николая Петровича Старостина, уже год не выступавшего на зеленых полях. Он занял свое традиционное место на правом краю и, кстати сказать, сыграл отлично.

В общем, до начала состязания мало кто верил в победу парней из России. Газеты пестрели аншлагами: «Московская команда не сможет противостоять прекрасно подготовленным норвежцам», «Парни из Осло намертво закроют Федотова, и «Спартак» обречен».

Стадион, где проводился решающий матч, оказался переполненным – собралось шестьдесят тысяч зрителей, цифра и по нынешним временам весьма солидная. Среди зрителей были экипажи пяти советских пароходов, стоявших в порту Антверпена под погрузкой. Тогда еще у нас даже мечтать не могли о каких-либо туристических поездках в капиталистические страны, и появление большой группы наших болельщиков было приятным сюрпризом для советской команды. К морякам, разумеется, присоединились и все участники советской спортивной делегации, закончившие к этому моменту свои выступления. Таким образом, у «Спартака» появилась солидная моральная поддержка.

Состязание поначалу складывалось так, как предсказывали многие специалисты: норвежцы остро атаковали, наша защита, где по-прежнему выделялись братья

Старостины, самоотверженно сдерживала их натиск, лишь изредка переходя в контратаки.

В середине тайма москвичи получили право на штрафной удар. Выполнять его доверили Андрею Старостину. Тот разбежался, намереваясь нанести удар, и вдруг неожиданно сделал легкий и точный пас открывшемуся Федотову, которого в этом матче опекали очень плотно. Григорий чуть прошел вперед и послал мяч в ворота.

Норвежские спортсмены вновь ответили длительным штурмом. И все это время с трибун непрерывно несло радостно-возбужденное:

– Молодцы, Старостины!

Действительно, братья играли превосходно. За минуту до конца первого тайма Николай совершил очередной фланговый проход, обошел одного защитника, другого, точно передал мяч Петру, но тот, оставшись один на один с норвежским вратарем, упустил момент для нанесения точного удара. Зато во втором тайме он исправился и забил отличный и решающий гол. 2:1! Зрители устроили восторженную овацию. Пресса Бельгии дала очень высокую оценку московскому «Спартаку», достойно представлявшему на Олимпиаде советский футбол.

Прошло время, наступил 1940 год. Его можно с полным основанием назвать экзаменационным для советского футбола. Давно уже, со времен встреч с басками, не было у наших мастеров кожаного мяча международных игр большого значения ни на своих полях, ни на зарубежных. И вдруг пришло приглашение из Болгарии принять участие в товарищеских матчах.

Сомнений ни у кого не было: в Софию было решено послать московский «Спартак» – самую популярную команду той поры, завоевавшую себе громкую славу победой над басками, выигравшем звание чемпиона и Кубка СССР в 1938 и 1939 годах. Она пользовалась в ту пору такой популярностью,

что во время физкультурного парада 1936 года ей была предоставлена возможность сыграть в течение сорока пяти минут показательный матч на Красной площади – случай уникальный в истории отечественного спорта.

И вот теперь поездка в Болгарию, страну с солидной футбольной репутацией. В конце тридцатых годов ее сборная сыграла вничью 2:2 с Чехословакией и победила со счетом 4:0 Югославию.

Нужно сказать, что за рубеж тогда отправилась под флангом «Спартака», по существу, сборная Москвы. Ее руководителем был Николай Старостин, а капитаном – брат Андрей. Москвичи выиграли у знаменитой «Славии» – 6:1 и у сборной Болгарии – 7:1. Через полтора месяца болгарские футболисты приехали к нам с ответным визитом. Попытки их взять реванш не увенчались успехом: два матча, сыгранных ими против «Спартака» и «Динамо», закончились проигрышем с одинаковым счетом – 0:4.

Через несколько дней в статье «Порох энтузиазма и сталь мастерства» Андрей Старостин писал: «Советский футбол вот уже на протяжении многих лет демонстрирует свой творческий взлет. Эти годы в его истории можно с полным основанием назвать эпохой советского футбольного ренессанса».

* * *

Итак, подведем итог. Постараемся дать обобщенные творческие характеристики представителям уникальной семьи Старостиных, давшей отечественному футболу трех истинных богатырей, трех капитанов «Спартака», сборных Москвы и Советского Союза, трех заслуженных мастеров спорта.

Николай Петрович – старший из них. Именно он внес в тихий, уютный домик на старой Пресне микроб футбольной

эпидемии. Именно от него пошли здесь все спортивные начинания.

Еще и еще раз с удовольствием вспоминаю футбольные спектакли с его участием. Быстрый, выносливый, никогда не щадящий себя, этот правый край совершал стремительные фланговые рейды, всегда был заряжен на атаку, увлекал за собой товарищей.

Николая Петровича еще тогда, когда он активно выступал на зеленом поле, товарищи, знакомые, друзья называли вожаком. Это было признание его огромного авторитета спортсмена, его мастерства и его верности футболу. Бывало, с ним в команде выступали спортсмены и более именитые, обремененные громкими титулами и славой, но никогда ни у одного из них не возникала даже мысль возражать капитану, пойти против его мнения.

– Николай мудр и справедлив, это заставляет всегда верить ему, идти за ним, – так сказал однажды о Старостине-старшем один из самых знаменитых московских футболистов заслуженный мастер спорта Федор Селин.

Выше уже отмечалось, что Николаю Петровичу выпала трудная, счастливая доля быть организатором и одним из первых руководителей «Спартака». Именно его ум, деловитость, неистощимая энергия, блестящие организаторские способности как нельзя лучше способствовали быстрому росту авторитета, популярности, славы команды.

Потом была война, вынужденная разлука с Москвой. Николай вернулся в родное общество лишь пятнадцать лет спустя: в 1956 году стал начальником команды мастеров «Спартака». И произошло удивительное: именно в том сезоне клуб вернул себе звание чемпиона страны. А потом девять спартаковцев вошли в состав сборной Советского Союза, которая в далеком Мельбурне выиграла почетное звание олимпийского чемпиона. Через год «Спартак» сделал, в третий

раз за свою историю, «дубль» (выиграл звание чемпиона и Кубок СССР) и стал основой сборной команды страны, отправлявшейся дебютировать в чемпионате мира.

Характерной чертой Николая Петровича как руководителя команды и клуба является исключительно бережное, любовное отношение к молодежи, постоянное стремление быть рядом с ней, опекать, поддерживать, доверять ей.

Вспоминается январь 1936 года. Сборная Москвы приехала в Париж, чтобы на стадионе «Парк де Пренс» встретиться с одной из сильнейших команд Франции «Рэсингом». По нынешним временам это событие заметили бы лишь самые рьяные болельщики; тогда же оно являлось для нас знаменательным, в своем роде историческим. Мы, находившиеся в состоянии долгой спортивной изоляции, держали экзамен на зрелость на виду у всей футбольной Европы.

Руководителем нашей команды был в ту пору Николай Петрович. И вот по его инициативе, по его личному настоянию, больше того – под его ответственность, в ворота сборной Москвы на матч был поставлен не испытанный столичный голкипер, большой друг Старостиных Иван Рыжов, а совсем еще молодой, никому у нас в стране не известный игрок Анатолий Акимов. И замена эта полностью оправдала себя: новичок стал подлинным героем матча, о нем с восхищением говорил весь Париж.

Акимов впоследствии был одним из ведущих советских вратарей, получил звание заслуженного мастера спорта. Он сам воспитатель, педагог, но при всяком удобном случае не забывает сказать:

– Я крестник Николая Петровича и всем в своей футбольной судьбе обязан ему.

Под этими словами могли бы подписаться представители нескольких поколений московских

спартаковцев. Каждый из них испытал на себе благотворное влияние этого замечательного «футбольного комиссара» – мудрого, требовательного, трогательно заботливого, бесконечно влюбленного в своих замечательных мальчишек. Он учит их не только великому искусству покорения кожаного мяча, но и мудрости жизни, прививает высокие качества гражданина. Не случайно именно здесь особенно ярко проявляются такие качества, как верность клубу и родному городу, преданность традициям.

«Вечными» спартаковцами были и остались все четыре брата Старостины, как остались ими Иван Рыжов, Станислав Леута, Георгий Глазков, Владимир Степанов, Николай Тищенко, Игорь Нетто, а также многие другие.

В начале 1982 года общественность Москвы отметила очередной юбилей Николая Петровича. Ему исполнилось восемьдесят лет, а он все еще с юношеской страстью, с задором, с огромной пользой трудится на посту начальника футбольной команды мастеров московского «Спартака», вот уже несколько сезонов подряд твердо занимающего место среди сильнейших клубов страны. Его не страшат ни постоянные переезды, ни десятки и сотни забот, ежедневно и ежечасно сваливающихся на команду и на его седую голову. Нет ни одного учебно-тренировочного занятия, ни одного матча основного или дублирующего составов, которые бы он пропустил. А когда выдается свободное от этой работы время, он бывает то в городском комитете партии, то в центральном или республиканском совете своего общества, то в министерстве, то в другом каком-нибудь учреждении. И всюду, где появляется этот человек, начинается заинтересованный, страстный разговор о любимой народной игре, решаются важнейшие насущные вопросы ее настоящего и будущего. Вот уже почти 70 лет прошло с той поры, как этот человек начал служить футболу. Верно, неизменно и активно служит он ему и теперь. Думаю, что этот результат вполне

можно признать абсолютным мировым рекордом, который едва ли когда-нибудь будет побит.

Одним из лучших защитников советского футбола за всю его многолетнюю историю справедливо признается всеми знатоками Александр Петрович Старостин. Этот выдающийся спортсмен играл в те годы, когда собственно оборонительная линия команды состояла из двух человек. На местах переднего и заднего, левого и правого защитников в «Красной Пресне», «Пищевиках», «Спартаке», в сборных Москвы и СССР Александр выделялся красивой, четкой, рациональной и, я бы сказал, мудрой игрой. Он владел богатейшим, неистощимым арсеналом технических приемов. В хитроумные «ловушки», расставленные им, попадались видные, грозные мастера атаки, а его самого трудно было поймать на какой-нибудь замысловатый финт, удивить сложной и неожиданной комбинацией. Умелый разрушитель, он всегда оставался одним из самых благородных, самых «мягких», корректных игроков.

Александр Петрович начал свою жизнь в большом московском футболе в 1918 году. В составе сборных команд Москвы, РСФСР и СССР он выступал на стадионах Турции, Франции, Чехословакии, Бельгии, Германии, Австрии, и всюду его мастерство вызывало восхищение знатоков. Осенью 1937 года в расцвете сил и таланта Александр покинул большой футбол. Объясняя журналистам и широкой общественности это свое решение, Александр Петрович говорил:

– Нельзя платить болельщикам за долголетние симпатии перезрелой игрой. Хочу в их воспоминаниях оставаться всегда если не молодым, то хотя бы молодцеватым.

Когда в 1967 году советская спортивная общественность, отмечая пятидесятилетие Великого Октября, составляла символическую сборную СССР, Александр Петрович был введен в нее подавляющим большинством

голосов.

Оставив большой спорт, он и не думал расставаться с футболом, вел большую и разностороннюю общественную работу. Более десяти лет Александр Петрович был председателем Федерации футбола РСФСР. Автору этих строк неоднократно доводилось присутствовать на заседаниях, которые он вел. Каждое из них было отмечено высокой требовательностью, глубоким проникновением в суть дела, искренней заинтересованностью в его успехе. Исключительно загруженный на основной работе в Министерстве торговли РСФСР и на посту директора крупнейшей организации «Роскультторг», Александр Петрович находил время для инспекционных поездок по краям и областям республики, и после каждой из этих поездок мы обязательно видели возвращенные им, добытые его энергией и любовью добрые входы.

Повторяю, все братья Старостины прошли в футболе одним и тем же путем – через МКС, «Красную Пресню», «Пищевики», «Дукат», «Мукомолы», «Промкооперацию». В сущности это были разные названия одного и того же клуба, который в 1935 году выкристаллизовался в московский «Спартак». Именно под этим флагом пришла к нему слава одного из сильнейших и популярнейших в нашей стране клубов.

Когда «Спартак» стал «Спартаком», Николай и Александр уже практически заканчивали футбольную карьеру. Андрей же был в самом расцвете своего необыкновенно яркого и многогранного таланта. Ему повезло в том смысле, что он созрел именно к той прекрасной поре, когда у нас утвердились чемпионаты страны среди клубных команд, когда стали налаживаться связи с футбольным миром. Бесспорно, именно поэтому он запомнился нам, болельщикам довоенной поры, наиболее отчетливо.

Когда-то Михаил Ромм в своей книге «Футбол» писал:

«Центрхав –это ферзь в той шахматной партии, которая разыгрывается на зеленом поле: он либо создает, либо портит игру». Андрей Старостин был именно центрхавом, или, как говорили несколько позже, центральным полузащитником. Да еще каким! На протяжении многих лет он находился в эпицентре общественного внимания, был мастером самого высокого класса, солистом, исполняющим свою труднейшую партию с неизменным успехом.

«Без филигранной техники не может быть великого футболиста»,– написал в своей книге знаменитый английский форвард Стенли Метьюз, человек, имеющий право на такие оценки. Техника Андрея Петровича была если не идеальной с точки зрения чистой теории, то вне всякого сомнения предельно умной и рациональной. Особенно восхищало его искусство паса. Каждая передача, сделанная им, была своеобразной творческой заявкой на атаку, на мудрую комбинацию, на самое острое и неожиданное продолжение.

Но, пожалуй, самым главным, самым подкупающим его спортивным качеством являлась неутомимая жажда победы, страсть игрока в высоком смысле этого слова. В бытность Андрея Петровича капитаном московский «Спартак» первым в нашей футбольной истории сделал заветный «дубль», то есть выиграл звание чемпиона и Кубок СССР. Причем добился этого успеха два года подряд. Но Андрей, казалось нам с трибун, никогда не был доволен. В жизни несколько медлительный, даже флегматичный, он на поле преображался. Бывало, стихнут на мгновение болельщицкие страсти на трибунах «Динамо», наступит неожиданная тишина, и пятьдесят тысяч зрителей слышат его гневный, взволнованный голос, обращенный к своим товарищам:

– Ребята, вы будете играть? На нас же люди смотрят!

В такие минуты на трибунах вспыхивала бурная овация. Мы, зрители, и взрослые, и совсем юные, благодарили его за то, что он ни на минуту не забывает о наших интересах, о

великом предназначении футбола – быть красивым, увлекательным зрелищем.

На долю Андрея выпала в своем роде историческая миссия – стать первым в летописи отечественного футбола центральным защитником. Это произошло летом 1937 года, когда по нашей стране совершала турне команда басков и когда спартаковцы впервые решили применить тактическое построение «дубль ве». Первый центральный защитник советского футбола стал в конце концов и лучшим, по оценке специалистов, за всю его историю.

А сколько замечательных дел на счету Андрея Петровича в послевоенные годы! С 1959 года он находился на ответственной работе в Федерации футбола СССР, много работал со сборными страны и объездил едва ли не весь земной шар. С 1971 года он бессменный председатель Московской футбольной федерации. Его неутомимая общественная деятельность, его талантливые книги, исполненные житейской мудрости статьи, публичные устные выступления прекрасно служат священному делу популяризации массовой игры.

Братья Старостины. В этих людях сконцентрировалось все, чем одаривает советский спорт человека. В них – безграничная преданность своему делу, самоотверженность, безукоризненное мастерство, помноженное на высокое благородство. Старостины – это синоним творческой честности, большой внутренней культуры, умения всегда, в любых обстоятельствах, оставаться людьми с большой буквы. Именно эта семья в первую очередь сплотила вокруг футбола могучий отряд выдающихся советских актеров, писателей, музыкантов, людей науки и тем самым в значительной мере способствовала расширению круга тех, кто понимает и принимает великую эстетическую, воспитательную ценность футбола, кто вольно или невольно способствовал его сближению с искусством.

ОТ ПЕРВОГО МГНОВЕНЬЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО

«Москва, «Пионерская правда», Сушкову. Товарищ президент! Рапортую: в нашем дворе построена спортивная площадка, создана футбольная команда. Тренируемся по три раза в неделю, а иногда и того больше. Избрали дворовый совет физкультуры, который следит за подготовкой к соревнованиям и успеваемостью ребят. По поручению игроков команды «Ураган» капитан Леня Одинцов, г. Горький».

С тех пор как в 1964 году, то есть почти двадцать лет назад, начали проводиться состязания на приз «Кожаный мяч», имя Михаила Павловича Сушкова стало самым любимым, самым популярным в ребячьих кругах всей нашей огромной страны.

...В небольшом приморском городке, где только горы да солнце, а узкая полоска земли тонким полумесяцем врезается в море, мне довелось однажды, во время отпуска, быть свидетелем одного очень увлекательного матча. Играли мальчишки. Играли азартно, увлеченно, зло, неистощимо, хотя счет уже был, судя по их выкрикам, баскетбольный. Мяч подскакивал на выбоинах зеленой лужайки, босые ноги застревали в густой траве, бронзовые тела мелькали то тут, то там.

Мальчишек было много, но среди них особенно выделялся худенький, белобрысый паренек. Он ловко выполнял угловые удары, хитро запутывал защитников, все время создавая острые положения у ворот соперников. При каждом его появлении в зоне штрафной площадки вратарь то

и дело кричал товарищам:

– Держи, держи Витьку! Не давай ему бить! Забил Витька уже немало голов, но вот теперь ему что-то не удавалось. Однако вскоре он рывком ушел изпод опеки защитников и оказался прямо против ворот, один на один с голкипером. Паренек резко замахнулся, ударил, и мяч со свистом пролетел мимо штанги.

– Вот мазила! – в сердцах выкрикнул один из партнеров Витьки.

– Но я правильно бил,– чуть не плача доказывал белобрысый.– Правильно!

– Нет, неправильно! – кипятился обидчик,– Нужно щеточкой, а ты – носком.

– Ишь профессор... Давай напишем Сушкову, вот уж он скажет точно.

– Что ж, напишем...

Они бегом бросились сочинять письмо. А я смотрел им вслед и думал о знакомом московском почтальоне. Каждое утро, раскрыв свою толстую сумку, достает он оттуда объемистые пачки писем, с завистью и сочувствием поглядывая на адресата – Михаила Павловича Сушкова. Но тот доволен, хотя и ворчит:

– Вот бесенята! Не дают покоя старику.

– Неужели будете на все отвечать?

– А как же?!-удивляется Сушков.– Обязательно! Прочитав любое письмо, Михаил Павлович обычно задумывается. Да, нелегко порой бывает президенту «Кожаного мяча», хотя должность его и общественная. Приходится решать много острых, животрепещущих вопросов, волноваться за судьбу далеких и столь близких ему ребят, неустанно сражаться за их интересы. Но Михаил Павлович не сетует на судьбу. Наоборот, ему беспокойная жизнь очень нравится, она молодит. Забыв и о давно заслуженном отдыхе, и о том, что ему уже за восемьдесят, он и

сегодня готов каждую минуту схватить стоящий всегда в прихожей чемодан и мчаться в самый дальний конец страны по первому зову своих юных корреспондентов, по любому поводу, когда этого требуют интересы любимого дела.

– Мальчишество это,– говорит один, глядя, как вот уже почти двадцать лет погружен в бесконечные заботы пожилой человек.

– Нет, то, что он совершает, равносильно подвигу,– решительно заявляют другие.– И потом «Кожаному мячу» нужен именно такой человек!

Это верно. «Кожаному мячу» просто необходим был человек, чья интересная, авторитетная спортивная биография, опыт, помноженный на мальчишеский пыл, на преданность сердца, дали бы большому, необходимому делу истинно творческое начало. И такой человек нашелся.

Президент «Кожаного мяча». «Каков он?» – думают миллионы мальчишек, никогда не видевшие Сушкова.

– Интересно, что этот Сушков может дать ребятам? – рассуждают взрослые.

В одной из своих газетных статей Михаил Павлович дал ответ на эти вопросы. «Чтобы стать хорошим футболистом,– писал он, обращаясь к юным читателям,– нужно много тренироваться, развивать в себе постоянно силу, ловкость, выносливость. Нужно заниматься другими видами спорта: легкой атлетикой, баскетболом, плаванием, гимнастикой. Зимой не забывайте о лыжах, играйте в хоккей с мячом, больше бегайте на коньках. И еще, ребята, помните, что настоящий спортсмен –это прежде всего человек большой культуры. Не тратьте время попусту, старайтесь обогащаться духовно – учитесь понимать музыку, играть на музыкальных инструментах, больше читайте книг, ходите в театр, участвуйте в кружках художественной самодеятельности. Старайтесь жить так, чтобы ваша жизнь была осмысленной, кипучей...»

Говоря обо всем этом, Михаил Павлович имел в виду не какого-то абстрактного чудо-героя. Во многом он списывал портрет настоящего спортсмена с... самого себя. И тут самое время обратиться к удивительной биографии этого удивительного человека.

Он родился на рубеже веков, в 1899 году. Вдумайтесь: человек из девятнадцатого века. Сушков вступил в жизнь, когда еще жили и творили Лев Толстой, Чехов, Жюль Верн, Эмиль Золя, Римский-Корсаков... Он был современником Александра Ладыгина, Томаса Эдисона, Рудольфа Дизеля...

Сушковы жили в ту пору в Замоскворечье, на Дербеневской улице. Тогда она была, что называется, ближе к земле, выглядела интимней, семейней, однако не выходила за рамки общей архитектуры большого города с характерной для того времени средней этажностью, с мощенной булыжником проезжей частью и покрытыми плитами тротуарами.

В конце Дербеневской, неподалеку от Ново-Спасского моста, стояла церковь. В числе ее прихожан была и семья Сушковых.

Воскресными утрами большое семейство – отец, мать, четыре брата, две сестры, – одетое по-праздничному, торжественно двигалось в сторону церкви. Отец в долгополом пальто, блестящих штиблетах, выходном картузе неторопливо, с подчеркнутым достоинством шагал впереди, за ним, чуть отступая и не менее чинно, – мать. Вслед – дети.

По дороге в церковь было место, где четыре мальчишки попадали в область действия некоей «магнитной аномалии». Их начинало тянуть в переулок направо. Они знали твердо: этим переулком можно легко пройти к площадке, которая называлась «Игры». Здесь администрация расположенной неподалеку фабрики Циндаля создала подобие стадиона – одно из первых в столице футбольных полей, где часто проводились состязания по кожаному мячу между уличными или городскими командами. Тогда площадку плотным

кольцом окружали зрители.

Повторяю, Михаил Сушков родился в 1899 году. Годом рождения московского футбола считается 1896-й. Таким образом, они ровесники, вместе росли, мужали, обретали силу, становились на ноги.

Трое из четырех братьев оказались отчаянными футболистами. Младшему, Мише, нередко доводилось исполнять невеселую роль запасного. В пятнадцать лет ему, наконец, улыбнулось настоящее счастье. Жили Сушковы в то лето под Москвой, где футбол развивался необычайными темпами. Чтобы узнать число футбольных клубов на той или иной железной дороге, следовало сесть в поезд и считать версты – сколько верст, столько и команд. Преувеличение? Может быть, но, право, не такое уж сильное. Во всяком случае, на каждой дороге их было не меньше, чем остановок. Вы приходили на Казанский вокзал, садились в поезд и ехали. Вешняки, Люберцы, Томилино, Малаховка, Раменское. Это были названия станций и... названия футбольных команд, представлявших их.

К 1915 году практически все московские железные дороги имели свои лиги: Казанская, Александровская, Николаевская, Нижегородская, Ярославская, Павелецкая... Каждое из таких спортивных объединений имело свой устав, утвержденный высокой инстанцией, подписанный губернатором или, по меньшей мере, вице-губернатором.

Устав включал в себя множество всяких пунктов по самым различным аспектам спортивной жизни, не обходя и нравственную ее сторону. Например, в буфетах при раздевалках спортсменов категорически запрещалось продавать крепкие напитки, чрезвычайным происшествием объявлялось увлечение картами и другими азартными играми.

Если посмотреть подшивки газет и журналов того времени, то по спортивным отчетам в них можно неплохо изучить географию Подмосковья. В самом деле, в репортажах

о сыгранных матчах то и дело мелькали названия: Останкино, Сходня, Владыкино, Ховрино, ПетровскоРазумовское, Фили, Кунцево, Давыдково, Немчиновка, пост 2-й версты, 20-я верста, Салтыковка, Новогиреево, Зеленый Хутор, Обираловка, Реутово, Мытищи, Тарасовка, Лосиноостровская... То было время необычайного расцвета новой игры, роста ее популярности, широкого общественного интереса к ней.

Именно тогда произошла знаменательная встреча Сушковых с настоящими футболистами – известными во всей Москве братьями Парусниковыми, выступавшими за команду Мамонтовки, когда-то одну из сильнейших в столице, а теперь испытывавшую острый недостаток в хороших игроках. Парусниковы предложили Сушковым помочь их команде влиться в нее, и те с нескрываемой радостью согласились.

Настал очередной день турнирных встреч. Николая, Сергея и Александра Сушковых сразу же поставили играть за вторую сборную Мамонтовки, а Мише места не нашлось. О том, что произошло дальше, Михаил Павлович рассказал в одной из наших с ним бесед.

– Узнав, что не подхожу, – вспоминал Сушков, – я встал и вышел из раздевалки. От обиды комок подкатил к горлу. Вот, думаю, и конец карьеры... До начала матча оставалось пятнадцать минут. Скамейки вокруг поля заполнили болельщики. Я прошел на северную сторону и отыскал место в первом ряду. Начинала программу дня первая команда Мамонтовки. Она встречалась с футболистами Клязьмы. Сидя на удобном месте, я немного успокоился и даже подумал: бог с ним, зато хороший матч посмотрю. Скосил глаза на раздевалку, жду, когда выйдут команды. Но от дверей ее отделился какой-то человек в костюме и быстро направился в мою сторону. Неподалеку от меня он остановился и стал оглядывать заполненные скамейки. Что-то колыхнулось в тот миг в моей душе. Какая-то неведомая сила невольно

приподняла меня и заставила вытянуться во весь рост. Он заметил и быстро подошел ко мне: «Ты Сушков? Бегом одеваться, будешь играть за первую команду. На месте центрфорварда»...

В тот день первая команда провела в ворота соперников восемь «сухих» мячей. Три из них пришлось на долю дебютанта. Тут же, на поле, Михаил Сушков получил официальное приглашение войти в состав первой команды клуба «Мамонтовка».

Юный центрфорвард сразу понравился зрителям. Он 1 был быстроног, смел, тонко чувствовал игру, лихо бил по воротам. Таких всегда уважают товарищи, побаиваются соперники и стараются заполучить все команды. Неудивительно поэтому, что через два года Михаил уже возглавлял линию нападения в коллективе Спортивного кружка Замоскворечья, игравшего на первенство города в классе «А».

СКЗ, или «Стрекоза», как его любовно называли москвичи, имел в отличие от «Мамонтовки» свое поле. Оно находилось у Крымского моста, прямо напротив того места, где нынче красуется главный вход в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. «Стрекоза» славилась как клуб, объединявший близких по духу людей – веселых, остроумных, спаянных большой и честной дружбой.

«Акклиматизация» в СКЗ прошла для Михаила очень легко, ведь в этом клубе уже выступали его старшие братья Николай и Сергей, а теперь сюда же перешел и Александр.

В тот год (1916-й) «Стрекоза» играла очень неровно. Как уже отмечалось выше, она выступала в высшем классе Московской футбольной лиги, куда входили восемь ведущих клубов. Среди них было знаменитое «Новогиреево», которое шло без поражений не только во встречах со своими земляками, но и с сильнейшими петербургскими клубами. Мастерство этой команды, как свидетельствуют все

специалисты-очевидцы, явно обогнало свое время.

С первыми погожими днями «Стрекоза», пополнившая свой состав талантливой молодежью, провела серию контрольных встреч и удивила всю спортивную общественность Москвы, обыграв несокрушимое «Новогиреево» со счетом 4:2. Героем этого матча, по единодушному признанию, стал Михаил Сушков, забивший грозным соперникам три гола.

Вскоре начался сезон. В первом круге «Стрекоза» победила ОФВ со счетом 6:0 и тем самым в еще большей мере повысила интерес болельщиков к себе. Но ее последующие выступления были слабы, она терпела поражение за поражением и почти в каждой встрече с крупным счетом (1:7 от морозовцев, 0:6 от ЗКС, 1:8 от КФС). Журнал «Русский спорт» посвятил ей большую статью, в которой писал: «СКЗ, красиво игравший всю весну, имевший такие блестящие победы, как над «Новогиреевом» и петроградским «Меркуром», в настоящее время до безобразия плохо играет. Михаил Сушков и Федор Селин, два безусловно талантливых футболиста, влившиеся в этот коллектив, видимо, не могут сами по себе сделать здесь погоду...»

Привожу эту цитату из опубликованного почти семь десятилетий тому назад отчета, чтобы читателю было ясно: даже в самые трудные для его команды дни Михаил Сушков оставался в глазах москвичей, во мнении специалистов мастером самого высокого класса, яркой личностью.

Но обозреватель «Русского спорта», безусловно, ошибся. Мастерство Михаила Сушкова и его великого напарника Федора Селина, а также одного из лучших вратарей России Николая Соколова цементировали команду, воодушевили ее, обеспечили неслыханный взлет. Во втором круге чемпионата Москвы она проявила себя с самой лучшей стороны. И тот же самый журнал поместил о ней статью под громким заголовком «Парад СКЗ!»

Да, безобидная «Стрекоза» шествовала по второму кругу именно победным маршем. Футболисты «Новогиреева» после матча с ней уходили с поля, понуро опустив головы, потому что их еще никто так не обыгрывал – 3:6. Потом СКЗ учинил настоящий разгром (10: 1) второй команде Московской лиги – КСО, выиграл у «лыжников» (ОЛЛС)– 4:1, у СКЛ – 4:2.

Все это время пресса без устали комментировала футбольные события сезона. Фавориты, кумиры на ее страницах вздымались вверх с молниеносностью ракет и, подобно фейерверк, сгорали, падали. И только фамилии игроков центральной тройки «Стрекозы» – Александра Георгиевского, Михаила Сушкова, Сергея Лякстутовича – неизменно назывались в восторженном тоне. «У этих ребят,– писал о «Стрекозе» Борис Чесноков,– имеется весь набор достоинств, которые в сумме составляют талант. Им не хватает лишь одной вещи, той, что всегда в дефиците у юности,– мудрости».

– Верно,– подтверждал мне с дистанции прожитых лет Михаил Павлович.– Мы часто забывали, что главное, а что второстепенное. Нас часто сжигал собственный темперамент. В этом и заключалась нехватка мудрости.

И все же футбол для них оставался футболом – игрой, страстью, искусством.

– Скажите, как складывался для вас следующий сезон, сезон исторического 1917 года? – спросил я Сушкова.

– Знаете,– сказал он,– в сумме не набралось бы тогда и недели моего отсутствия на поле СКЗ, хотя, чтобы попасть на стадион, приходилось отмерять пешком километров по десять: трамваи стояли, никакого транспорта не было. Первенство городской лиги разыгрывалось планомерно: и в 1917-м, и в 1918 годах календари выдерживались неуклонно, не прерывались и в самые тяжелые дни. Новое общество всячески способствовало этому, стремилось сберечь и взять с собой в новую жизнь все истинно ценное, что создало и

проверило опытом человеческих отношений старое.

В эту пору Михаил Сушков с успехом окончил гимназию и поступил на работу в районный отдел народного образования. А еще через два месяца он с блеском сдал вступительные экзамены в Московский государственный университет и стал студентом юридического факультета.

Он приходил на службу точно в назначенное время, выполнял не очень сложные задачи и слышал добрые напутствия начальника:

– Иди теперь, Миша, играй в свой футбол. И аккуратно ходи на лекции. Все это тоже очень нужно революции.

А над молодой республикой рабочих и крестьян сгущались черные тучи. Со всех сторон ее окружали враги. Уже состоялось рождение Красной Армии. В срочном порядке формировались воинские части для отправки на фронт, для защиты завоеваний революции.

В те дни семья Сушковых не оставалась в стороне от великих событий. Старший брат Сергей первым отправился на передовую линию огня, слал домой проникнутые духом революционной романтики письма. И вот Михаил и Александр, сознавая себя уже совсем взрослыми, физически сильными, здоровыми, твердо решили идти добровольцами на фронт. Они записались в Красную Армию и были направлены во 2-ю латышскую стрелковую дивизию, которая располагалась тогда в Сыромятниках, у Курского вокзала.

Вместе с частями этой дивизии, а потом в составе 15-й армии, в штаб которой он был переведен, Михаил проделал трудный и славный боевой путь, освобождал Белосток. Два с половиной года жизнь его, как и миллионов других воинов, висела на волоске. Не раз попадал под артиллерийские обстрелы, выходил из окружения, отбивал атаки прорвавшегося в тыл противника... Вот где пригодились Михаилу его занятия спортом, его высокая и разносторонняя физическая закалка. Этот боец никогда не чувствовал

усталости. А в то время, когда другие отдыхали после очередного боя, он занимался гимнастикой, обливался ледяной водой, поддерживая на должном уровне свою спортивную форму.

Поздней осенью 1921 года наступил конец его солдатской службе – пришел приказ о демобилизации. Надо было решать, куда ехать, где и как устраивать жизнь. В Москве вроде бы нечего делать: семья еще в девятнадцатом уехала в Ростов-на-Дону, там от черной оспы умерла мать. Погиб на фронте старший брат Сергей. Остальных раскидало по белому свету.

– Поедем со мной в Симбирск, – предложил фронтовой товарищ.

Михаил согласился. Но все-таки решил по дороге заглянуть в столицу. Пришел на старенький, но такой милый стадион СКЗ. Первая же встреча здесь поломала все планы. Сева Кузнецов, надежный полузащитник из их клуба, бросился вернувшемуся с фронта на шею.

– Мишка! Живой! – кричал он. – Вот здорово! Ребята теперь умрут от радости!

И тут Сушков понял: здесь, на стадионе, он оказался дома, в родной семье, где его знают, ждут, где в нем нуждаются. Футбол сблизил его со многими людьми.

Он тянулся к футболу и... к искусству. Да, в те трудные, голодные, суетные дни Михаил Сушков стал студентом музыкального училища при Московской филармонии, которое впоследствии было переименовано в Государственный институт театрального искусства. Можно было бы написать целую повесть об этой стороне его жизни. Ведь Михаил был артистом «Синей блузы», первым спел по советскому телевидению, состоял в оперной труппе... Ах как много прожито! Но мы выбрали один угол зрения и, конечно, не можем менять его.

«Стрекоза» исчезла неожиданно и необратимо. По

российской земле катилась мощная, сокрушающая и обновляющая волна перемен, которая вымывала гниющие, вредоносные наслоения старой жизни. Исчезали старые клубы, появлялись новые с несколько тяжеловесными, но отвечавшими духу времени названиями.

Спорт оставался спортом. Ясно, что и в футболе, в правилах самой игры, никаких принципиальных изменений не было и быть не могло. По-прежнему одиннадцать пар крепких, мужественных, жизнерадостных парней спорили на аккуратно расчерченном зеленом поле в силе, ловкости, сноровке, избрав предметом спора кожаный мяч. Но футбол при Советской власти получил небывалый размах. Он рассматривался как один из важнейших рычагов воспитания нового человека. Достаточно вспомнить, что в январе 1923 года приказом Реввоенсовета республики было введено обязательное обучение игре в футбол во всей Красной Армии. Случайно ли это? Ну конечно же, нет. Никакой другой спорт в то время не способен был так моделировать ситуацию борьбы, схватки, как это делала игра в кожаный мяч. И немного набралось бы тогда видов атлетики, которые бы могли так эффективно, целеустремленно воспитывать самоотверженность, стойкость духа, решительность, находчивость, преданность коллективу.

В Москве эта игра приобретала все большую популярность, все интереснее, многообразнее становилась футбольная жизнь. И Михаил Сушков был в самом центре ее. В 1923 году в составе своей команды, переименованной в «Райкомвод», он завоевал звание чемпиона Москвы, победив в финале «Красное Орехово» со счетом 5:0. Имена победителей вызывали глубокое уважение, среди них были Николай Соколов – бесспорно, лучший вратарь страны, Михаил Рущинский – великолепный защитник, бессменный игрок сборных команд столицы, РСФСР, СССР, Федор Селин – признанный виртуоз кожаного мяча, живая легенда нашей спортивной истории, один из лучших крайних нападающих

страны Николай Троицкий, а также другие отличные мастера. И в этой компании наш герой играл заметную роль центрального форварда.

В 1927 году в Москву приехала команда, носившая громкое название – сборная профсоюзов Англии. Против нее решено было выставить сборную профсоюзов СССР. В нее вместе с Рущинским, Лапшиным, Леутой, Дубининым, Николаем Старостиным, Холиным и другими вошел и Михаил Сушков (теперь он представлял знаменитый клуб «Трехгорка», дважды с его участием становившийся чемпионом столицы).

Стадион «Пищевик», где проходило это состязание, перед его началом напоминал осажденную крепость: тысячи людей бесплодно пытались прорваться сквозь тройное кольцо конной милиции. Желавших посмотреть матч оказалось в десять – пятнадцать раз больше, чем мог вместить стадион. Впервые к нам приехали посланцы родины футбола. Английский футбол пользовался тогда огромной популярностью, был сильнейшим в мире, и столичные болельщики не сомневались в исходе встречи.

– Любой англичанин – прекрасный футболист. Победить их нельзя, – говорили люди, пришедшие на стадион.

Однако результат матча оказался неожиданным: победили советские спортсмены со счетом 11:0. Пять мячей в ворота гостей влетели тогда после ударов Михаила Сушкова. Он стал героем состязания, открывшего новую страницу в истории отечественного футбола, еще выше поднявшего его авторитет. И таких свершений в футбольной жизни ныне заслуженного мастера спорта Михаила Павловича Сушкова было немало.

...Мы сидели с ним в его тихой, уютной квартире. Перед нами альбомы с уникальными фотографиями, в которых запечатлены события давних лет, футбольные афиши и программки всех эпох, аккуратно подобранные вырезки

газетных и журнальных статей. Одним словом, целый музей, да еще какой!

– Чудо! – не удержался я.

Хозяину откровенно понравилось мое удивление и восхищение, он не скрывал этого. Да и как могло быть иначе: ведь собрано все, что бесконечно дорого всем нам, что составляет нашу долгую и славную футбольную летопись.

– Узнаете? – протянул мне Михаил Павлович снимок, на котором изображен уже немолодой, но еще довольно крепкий, ладно скроенный футболист. Я взгляделся и узнал, но все-таки спросил:

– Вы?

– Да, в Свердловске, в тридцать четвертом. Я тогда был в этом городе, как теперь говорят, играющим тренером. Это на разминке перед матчем с норвежскими футболистами. Именно тогда мы, советские спортсмены, впервые столкнулись с системой «дубль-ве». Не в 1936-м, в Париже, и не в 1937-м, когда приехали баски, а именно в 1934-м. Дело происходило в Свердловске, и, хотя мы проиграли гостям, никто не обратил особого внимания на это.

Михаил Павлович показал еще несколько фотографий.

– Вот Виктор Малов. Играл в сборной профсоюзов, которую я тренировал. Хороший был полузащитник. А это кто, узнаете?

Лицо, знакомое всем любителям футбола. Я назвал.

– Да, верно, Вася Карцев. Пришел ко мне в московский «Локомотив» (Сушков работал в этой команде с 1937-го по 1941 год и еще полтора сезона после войны.– Л. Г.) еще совсем мальчишкой. А потом как играл! В этом же клубе выросли в ту пору Гранаткин, Николаев, Мошкаркин, Прохоров...

В сорок восьмом тренировал Сушков динамовцев Киева. Много лет работал в отделе футбола Всесоюзного и Всероссийского спорткомитетов, был начальником отдела

футбола и хоккея ДСО «Труд». Многочисленные заботы не давали времени на передышку. Да он никогда и не просил ее. Когда ему исполнилось пятьдесят лет, стал изучать китайский язык, затем принялся за немецкий.

Сейчас свободно говорит и читает в подлинниках Гете, Шиллера, Фейхтвангера, Томаса Манна...

Когда родилась идея создания всесоюзного клуба «Кожаный мяч», Сушкову предложили стать его президентом. Михаилу Павловичу тогда исполнилось 65 лет, он уже давно получил пенсию и полное право на заслуженный отдых. Но он немедленно дал согласие, хотя хорошо понимал, какой груз берет на себя.

Летом шестьдесят пятого года на переполненном до отказа стадионе «Динамо» в Москве состоялся розыгрыш финала первого всесоюзного турнира футболистов дворовых команд. За минуту до начала матча в небе раздался рокот мотора. Совершенно неожиданно для публики и для участников над зеленым полем завис вертолет, опустился точно в центр и высадил судейскую бригаду с мячом и самого президента клуба. Эта уникальная «боевая операция» была задумана им для того, чтобы приковать внимание к своему детищу.

Сегодня в этом уже просто нет необходимости: в клубе состоит 3 миллиона детей и 200 тренеров. 200 тысяч энтузиастов, людей, которые спешат с работы вовсе не затем, чтобы включить телевизор. Они торопятся потому, что где-то на спортивных площадках их ждут дети. Они торопятся потому, что любят детей и верны им. Но, возможно, одной этой верности оказалось бы недостаточно. В помощь ей идет другая – верность спорту.

У «Кожаного мяча» ныне необъятные владения и беспредельно преданные люди. Он учит, воспитывает юных. И во главе этого великого дела стоит человек, родившийся на рубеже веков, начавший свою жизнь в большом футболе

пятнадцатилетним мальчишкой. Не правда ли, в этом есть своя прекрасная и возвышенная символика.

Несмотря на солидный возраст, Михаил Павлович всегда на ногах. Часто рано утром с первой электричкой он уезжает на базу популярной футбольной команды, чтобы наедине с ее администратором решить судьбу новенького мяча, которого нет еще у ребят из небольшого сибирского городка на трассе Байкало-Амурской магистрали. Пока нет. Но коль Михаил Павлович обещал, значит, будет. Да еще и с автографами известных мастеров.

Сушкову везде рады, везде он желанный гость. Только иногда кто-нибудь нет-нет да и спросит с уважением:

– И откуда у вас, в ваши годы, дорогой Михаил Павлович, столько энергии и силы?

– От футбола, – отвечает он, озаряя собеседника своей улыбкой. – Прекрасная игра!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В дни, когда завершалась работа над этой книгой, в знойной Испании бурлили страсти очередного чемпионата мира по футболу. Сейчас он стал историей. Известен и достойно увенчан наградами новый чемпион – сборная Италии, составлен «табель о рангах», действительный на ближайшие четыре года.

Но задача турнира такого грандиозного масштаба выходит далеко за рамки распределения порядковых номеров между командами. Чемпионат мира определяет лицо современного футбола, показывает человечеству уже имеющиеся достижения и тенденции развития этой насчитывающей 120-летнюю историю и вместе с тем вечно юной игры. В этом отношении чемпионаты мира напоминают современные промышленные выставки, где собирается все лучшее, что создала творческая мысль человека, и где всегда можно увидеть не только образцы продукции, выпускаемой сегодня, но и технику завтрашнего дня.

Какие же выводы напрашиваются после испанских баталий? Первый и самый главный: чемпионат вдребезги разбил разговоры об эстетической деградации футбола, о торжестве обороны, о микробе равнодушия и скуки, якобы проникшем в этот вид спорта. По единодушному мнению всех специалистов и миллиарда зрителей, наблюдавших за ходом поединков как воочию, так и с помощью телевидения, ни один турнир в прошлом не давал такого числа ярких, запоминающихся матчей. Ни какое другое соревнование не служило более убедительным утверждением того, что футбол – одна из самых красивых, самых захватывающих, самых прекрасных спортивных игр современности.

Второй вывод: если после 1978 года стали утверждать, опираясь на пример сборной Аргентины, что для современного футбола высшей кондиции характерна не команда «звезд», а «команда-звезда», то в Испании вновь был пропет гимн таланту, мастерству, доведенному до совершенства, ярким индивидуальностям. В жаркое лето восемьдесят второго года на великолепных стадионах Пиренейского полуострова с новой силой была подтверждена истина, что не может быть классной команды без классных исполнителей, без ярко выраженных лидеров, солистов мирового уровня, подобных Росси, Джентиле, Платини, Зико, Руммениге, Тигана, Жуниору, Фалькао, Литтбарски и многим другим...

Таких «звезд» с первых дней своего рождения любовно воспитывал и зажигал на всесоюзном небосклоне московский футбол. Эту истину документально подтверждает только что прочитанная вами книга. Эта истина вытекает из всей его многолетней, яркой истории. Когда 16 ноября 1924 года была рождена и сыграла свой первый официальный матч сборная Советского Союза, в ее составе вышли на поле прославленные москвичи – Николай Соколов, Михаил Руцинский, Федор Селин, Петр Исаков. Когда в 1956 году в далеком Мельбурне наша главная команда страны поднялась на высшую ступеньку олимпийского пьедестала почета, в ее составе преобладали посланцы столичного футбола – Лев Яшин, Николай Тищенко, Анатолий Башашкин, Игорь Нетто, Никита Симонян, Эдуард Стрельцов, Сергей Сальников, Анатолий Ильин и другие. Причем за каждой из названных фамилий стояла истинная футбольная личность, стоял не просто игрок, а мастер подлинно международного класса.

Это же самое можно сказать о советской команде, завоевавшей в 1960 году звание чемпиона Европы. Москвичи Лев Яшин, Анатолий Масленкин, Анатолий Крутиков, Игорь Нетто, Валентин Иванов украшали и цементировали ее.

Москва дала отечественному футболу такую россыпь ярчайших талантов, с которой не сравниться пока еще ни одному другому нашему городу. Среди них Анатолий Акимов, Константин Бесков, Валерий Воронин, Валентин Гранаткин, Алексей Гринин, Владислав Жмельков, Анатолий Исаев, Василий Карцев, Владимир Никаноров, Валентин Николаев, Василий Павлов, Альберт Шестернев, Эдуард Стрельцов... Этот список можно кажется, продолжать до бесконечности.

Увы, сегодня все это в прошлом. В основном составе сборной СССР, выступавшей в Испании, были лишь два москвича, а запомнился только Ринат Дасаев, как впрочем, плохо запомнилась и сама сборная, показавшая довольно бесцветную игру. Я пишу книгу, а не критическую статью, и не здесь, не сейчас, по-видимому, следует разбирать причины этого явления. Они серьезны – бесспорно. Но так же бесспорно, что они не вечны.

Москва дала отечественному футболу такие великолепные команды, как «Динамо», «Спартак», ЦДКА, «Торпедо»... Она делегировала в состав сборных поистине выдающихся игроков.

Пищу обо всем этом, когда москвичи заметно отступили от завоеванных рубежей и утвержденных в прошлом традиций. Но знаю, убежден, что это временное отступление. Надо сделать все, чтобы наш город подарил стране и миру новых Сысовых и Чесноковых, Канунниковых и Артемьевых, Сушковых и Старостиных... В это нельзя не верить, зная историю московского футбола!

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В АНГЛИЙСКОМ КЛУБЕ	5
ДВЕ ПЛАМЕННЫЕ СТРАСТИ.	21
НЕУГОМОННЫЕ МОСКВИЧИ.	52
ОНИ С КРАСНОЙ ПРЕСНИ.	77
ПРОШЛОЕ СМЫКАЕТСЯ С НАСТОЯЩИМ.	125
ОТ ПЕРВОГО МГНОВЕНЬЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО	187
ВМЕСТО ЭПИЛОГА.	203

ИБ № 2288

Леонид Борисович Горянов
«КОЛУМБЫ» МОСКОВСКОГО ФУТБОЛА

Заведующая редакцией *Е. Чистякова*

Редактор *А. Бармасов*

Художник *Ю. Тропанов*

Художественный редактор *Л. Ишханов*

Технический редактор *Л. Беседина*

Корректоры *Т. Семочкина, Т. Даукаева, И. Снитко*

Сдано в набор 22.10.82. РВР. Подписано к печати 18.02.83. Л97127. Формат 70X108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,10. Усл. кр.-отг. 9,45. Уч.-изд. л. 9,32. Тираж 100 000 экз. Заказ 2821. Цена 60 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москэа, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Горянов Л. Б.
Г70 «Колумбы» московского футбола.—М.: Моск.
рабочий, 1983.—206 с.

Летопись столичного футбола хранит немало замечательных имен. В их числе такие, как братья Сысоевы, Чеснокоиы, Канунннковы, Старостины. За этими именами — удивительные судьбы, романтика забываемых спортивных баталий, упоительных побед. Обо всем этом увлекательно рассказывает настоящая книга, написанная известным спортивным журналистом.

Для широкого круга читателей.

Г 420200000—168
M172(03)-33 73—83

ББК 75.578
7А8.5

